А. НЕЧВОЛОДОВЪ.

ОЧЕРКЪ ЯВЛЕНІЙ ВОЙНЫ

ВЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПОЛКОВОДЦА

по письмамъ

НАПОЛЕОНА

за лѣто и осень 1813 года.

Съ портретомъ Наполеона и семью картами.

ИЗДАНО ПРИ ПОСОБІИ ВОЕННО-УЧЕНАГО
КОМИТЕТА ГЛАВНАГО ШТАБА.

ВАРШАВА.
Артистическая Типографія Сатурнина Сикорскаго
№ 47. Новый-Свѣтъ № 47.

1894

ОЧЕРКЪ ЯВЛЕНІЙ ВОЙНЫ

ВЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПОЛКОВОДЦА.

D'après un portrait peint par David.

NAPOLEON LE GRAND

А. НЕЧВОЛОДОВЪ.

ОЧЕРКЪ ЯВЛЕНІЙ ВОЙНЫ ВЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПОЛКОВОДЦА

по письмамъ

НАПОЛЕОНА

за лѣто и осень 1813 года.

Съ портретомъ Наполеона и семью картами.

ИЗДАНО ПРИ ПОСОБІИ ВОЕННО-УЧЕНАГО КОМИТЕТА ГЛАВНАГО ШТАБА.

ВАРШАВА.
Артистическая Типографія Сатурнина Сикорскаго
№ 47. Новый-Свѣтъ № 47.
—
1894.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 4 Августа 1894 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ современномъ военномъ обществѣ еще до сихъ поръ не установленъ вполнѣ опредѣленный взглядъ на ту область военнаго дѣла, которая обнимаетъ собою дѣятельность полководца. Хотя европейская военная литература и обладаетъ рядомъ чрезвычайно серіозныхъ трактатовъ о веденіи войны, но тѣмъ не менѣе, внимательный читатель не можетъ не замѣтить, на сколько разнятся между собою произведенія писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ.

Рядомъ съ авторами, доказывающими, что война имѣетъ свои законы, а потому и дѣйствія полководца должны также подчиняться извѣстнымъ законамъ, существуетъ другая обширная и не менѣе талантливая группа писателей, которая или вовсе отвергаетъ возможность существованія науки о веденіи войны, или обходитъ вопросъ этотъ молчаніемъ; а между тѣмъ, разрѣшеніе его въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ имѣетъ огромную важность именно теперь, когда на историческую сцену Европы явились милліонныя арміи, при полномъ отсутствіи практически подготовленныхъ для управленія ими вождей.

Изъ какихъ-же основаній должно вытекать разрѣшеніе этого вопроса?

Многовѣковая умственная дѣятельность всего человѣческаго рода подарила намъ великую истину — о подчиненіи всякаго явленія міровому закону связи причины со слѣдствіемъ.

Къ началу текущаго столѣтія, всеобщность этого закона была незыблемо установлена лишь для явленій міра матеріальнаго, такъ-какъ признаніе его существованія въ мірѣ духовномъ, встрѣчало повидимому, непреодолимое препятствіе въ присущемъ каждому человѣку глу-

бокомъ убѣжденіи, на которомъ покоится весь нравственный строй всякаго общества, — убѣжденіи о свободѣ воли; однако, подъ вліяніемъ подавляющаго количества фактовъ, получавшихся при разработкѣ психологическаго матеріала, всѣ передовые мыслители XIX вѣка должны уже были прійти къ единодушному заключенію, что вѣра въ свободную волю личности не исключаетъ собою подчиненія закону связи причины со слѣдствіемъ и всѣхъ явленій міра духовнаго. Признаніе всеобщности этого закона повлекло за собою положеніе, что одинаковыя причины вызываютъ и одинаковыя явленія, а потому и установило логическую возможность построенія науки о всякаго рода явленіяхъ, включая въ число ихъ, конечно, и войну. Методъ для научной разработки любого явленія установленъ сравнительно уже довольно давно: онъ заключается въ разложеніи изучаемаго явленія на составные элементы, въ изслѣдованіи свойствъ этихъ элементовъ, въ выясненіи ихъ взаимныхъ отношеній во времени и въ пространствѣ, и наконецъ, въ выводѣ ряда обобщеній, обнимающихъ собой всѣ случаи явленія.

Выполненіе всего этого и составляетъ задачу науки, такъ-какъ наука есть ничто иное, какъ полное изученіе явленія, съ конечною практическою цѣлью пріобрѣсти возможность предсказывать его.

Но, подобная разработка на практикѣ осуществляется въ полномъ объемѣ лишь въ весьма ограниченной области, такъ-какъ встрѣчаетъ, въ большинствѣ случаевъ, на пути своемъ, препятствія, непреодолимыя при современномъ состояніи знанія. Безъ сомнѣнія, послѣ открытія Ньютона, возможность точно опредѣлить величину притяженія трехъ тѣлъ, взаимно тяготѣющихъ другъ къ другу, является на первый взглядъ весьма нетрудной задачей, однако на самомъ дѣлѣ, даже и она не выполнима, такъ-какъ до сихъ поръ всѣ средства вычисленія были недостаточны для полученія какого либо общаго рѣшенія, кромѣ приблизительнаго.

Этотъ примѣръ совершенно ясно показываетъ, какъ безконечно далека военная наука отъ того состоянія, когда она будетъ имѣть возможность давать рѣшенія на всѣ случаи и предсказывать событія.

Война всегда будетъ царствомъ случая, то есть средой такого рода явленій, которыя связать между собою цѣпью причинъ, одна изъ другой вытекающихъ, мы не въ состояніи.

Наука о войнѣ, по громадной своей сложности, должна принадлежать къ тому обширному разряду наукъ, которыя носятъ названіе наукъ неточныхъ.

Отъ этихъ неточныхъ наукъ, разумѣется, напрасно было-бы ожидать вполнѣ безусловныхъ общихъ выводовъ, но тѣмъ не менѣе, извѣстная степень знанія, даваемая ими, и даже весьма далекая отъ возможности предсказанія, имѣетъ всегда большое практическое значеніе.

Цѣль неточной науки заключается въ томъ, чтобы настолько объяснить человѣку разбираемое ею сложное явленіе, чтобы онъ могъ вполнѣ сознательно относиться къ нему и опредѣлять если и не результатъ взаимодѣйствія всѣхъ причинъ его обусловливающихъ, то, по крайней мѣрѣ, вліяніе каждой изъ нихъ порознь, что уже одно имѣетъ громадную важность.

Обобщенія, создаваемыя подобной наукой, разъ они относятся до всего изучаемаго явленія во всей его цѣлости, при всей своей очевидной пользѣ, имѣютъ, конечно, лишь приблизительную достовѣрность и для возможно большаго ея достиженія, они должны быть подвергаемы контролю выводовъ тѣхъ наукъ, которыя предполагаются этой неточной наукой по существу.

Вотъ положеніе, въ которомъ находится и наука о войнѣ и выводы ея не должны представлять изъ себя окончательныхъ универсальныхъ формулъ, а лишь служить прочными отправными точками, для правильнаго пониманія того чрезвычайно сложнаго явленія, которое обнимается понятіемъ — война.

Выводы эти, какъ и выводы всякой другой неточной науки, для пріобрѣтенія наивозможно большей достовѣрности, должны быть повѣряемы выводами, проистекающими изъ разсмотрѣнія свойствъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ войны.

Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ въ этомъ направленіи ничего не было-бы сдѣлано.

Напротивъ, сдѣлано очень многое.

Война давно уже разложена на ея главнѣйшіе составные элементы и даже взаимныя ихъ отношенія, на сколько это было возможно, опредѣлены довольно вѣрно.

Но если, въ числѣ прочихъ, элементы мѣстный, числовой и геометрическій, подверглись уже почти всестороннему изслѣдованію и если уже существуетъ рядъ теоретическихъ трактатовъ о войнѣ, въ которыхъ за основаніе положенъ тотъ или другой изъ нихъ, то самому человѣку, со всѣмъ его громаднымъ духовнымъ міромъ, было отведено до сихъ поръ въ военной наукѣ весьма скромное мѣсто.

Правда, почти каждый изъ авторовъ, писавшихъ о войнѣ, считалъ долгомъ указать въ первыхъ страницахъ своего сочиненія на громадную важность духовнаго элемента, но этимъ, обыкновенно, дѣло и кончалось и въ послѣдующихъ выводахъ онъ уже почти нигдѣ не принимался въ соображеніе. Только Ллойдъ и Клаузевицъ составляютъ нѣкоторое исключеніе. Они, болѣе чѣмъ кто либо, упирали на важность духовнаго начала, но тѣмъ не менѣе и они, во многихъ своихъ положеніяхъ, также какъ и другіе писатели, совершенно упускали его изъ виду.

До сихъ поръ нѣтъ еще ни одного сочиненія, гдѣ бы психологическій элементъ, всѣми признаваемый за важнѣйшій, былъ-бы проведенъ съ такой непрерывностью и послѣдовательностью во всѣхъ теоретическихъ выводахъ и положеніяхъ, какъ напримѣръ, это сдѣлано съ элементами мѣстнымъ и числовымъ. А это, проводитъ къ заключенію, что въ ряду обобщеній, созданныхъ современной теоріей, есть еще большой незаполненный пробѣлъ.

Такое положеніе военной науки является, конечно, слѣдствіемъ весьма вѣскихъ причинъ.

Съ одной стороны, несмотря на громадность военно-историческаго матеріала, находящагося въ распоряженіи изслѣдователей, свойства этого матеріала весьма несовершенны, а главное, крайне односторонни и если съ помощью его то или другое военное событіе и можетъ быть возстановлено съ достаточной точностью, то только въ одной лишь внѣшней своей части; годъ, мѣсяцъ, число, а иногда и часъ какого либо столкновенія, количество сражавшихся, мѣстность на которомъ оно происходило и его ближайшія послѣдствія, все это еще можетъ быть возсоздано путемъ терпѣливой работы; но духовное состояніе участниковъ и вліяніе его на само событіе, которое въ сущности, главнымъ образомъ, и складывается подъ этимъ вліяніемъ, если и оставило какой либо слѣдъ въ матеріалахъ, находящихся въ рукахъ изслѣдователя, то слѣдъ настолько слабый и сбивчивый, что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, онъ совсѣмъ исчезаетъ рядомъ съ внушительными размѣрами данныхъ, рисующихъ внѣшнюю обстановку явленія.

Съ другой стороны, науки, выводами которыхъ повѣряется правильность выводовъ, истекающихъ изъ разсмотрѣнія матеріальныхъ элементовъ войны, давно уже стоятъ на высокой степени развитія, а наука о человѣкѣ и въ частности психологія, такъ еще недавно вышли изъ зачаточнаго состоянія и такъ еще много имѣютъ весьма важныхъ неразработанныхъ вопросовъ, что до послѣдняго времени ихъ выводы лишь очень мало могли служить цѣлямъ войны.

Но все-же, въ этомъ отношеніи военными изслѣдователями, какъ кажется, сдѣлано было еще меньше, чѣмъ позволяла наличность, имѣвшихся въ ихъ распоряженіи средствъ.

Если во времена Ллойда и Клаузевица, психологія какъ наука не существовала почти вовсе, если и до сихъ поръ отдѣлы ея, занимающіеся изслѣдованіями чувства и воли — разработаны крайне несовершенно, то все-таки, за послѣдніе 40—50 лѣтъ, она успѣла уже стать на вполнѣ твердую почву и обогатиться многими несомнѣнными истинами. Истины эти могутъ сослужить немалую службу и военной наукѣ. Одна изъ нихъ заключается въ положеніи, что знать явленіе само по себѣ, его сущность, мы совершенно не въ состояніи, а судимъ его лишь

на основаніи того, какимъ оно намъ кажется; положеніе это влечетъ за собою слѣдствіе, что при различныхъ точкахъ зрѣнія, одно и тоже явленіе представляется и въ совершенно различныхъ видахъ, а изъ этого, въ свою очередь, вытекаетъ и слѣдующее: всѣ свои выводы, теорія войны должна строить, разсматривая явленія не только такими, какими они представляются изслѣдователю, но также и такими, какими они казались ихъ участникамъ.

Въ этомъ отношеніи наибольшую трудность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшій практическій интересъ, представляетъ установленіе той точки зрѣнія, съ которой война является полководцу.

Точка зрѣнія эта до сихъ поръ почти вовсе не выяснена. Процессы Бенедека и Базена, когда цѣлыя націи не могли рѣшить—имѣютъ ли онѣ дѣло съ измѣнниками, или съ ни въ чемъ неповинными людьми — служатъ, конечно, лучшимъ этому доказательствомъ. Писатели-беллетристы, избиравшіе для своихъ темъ войну, тоже не дѣлали попытокъ изобразить её съ точки зрѣнія полководца. Ни „Война и миръ" графа Толстаго, ни „Salammbô" Густава Флобера, ни „La Débacle" Емиля Золя, ничего не даютъ намъ въ этомъ отношеніи.

А между тѣмъ, масса появившихся за послѣднее время въ печати мемуаровъ, писемъ, записокъ и другихъ архивныхъ документовъ, относящихся къ эпохѣ первой имперіи, даютъ нѣкоторую надежду, хотя сколько нибудь, проникнуть во внутренній міръ главнаго дѣятеля этой эпохи и одного изъ величайшихъ полководцевъ исторіи - Императора Наполеона I-го и во многихъ случаяхъ взглянуть на событія такъ, какъ они именно ему представлялись.

Въ осуществленіи подобной попытки и заключается цѣль настоящаго труда.

Для изслѣдованія выбрана осенняя кампанія 1813 года, такъ какъ по количеству войскъ, участвовавшихъ въ ней съ обѣихъ сторонъ и по крайней сложности операцій, она болѣе всякой другой кампаніи подходитъ къ условіямъ ближайшей будущей европейской войны.

Основаніемъ всей работы послужила корреспонденція Императора, одна треть которой, въ тридцати двухъ большихъ томахъ, была обнародована еще въ шестидесятыхъ годахъ повелѣніемъ Наполеона III.

Пользуясь этой корреспонденціей, германскій военный писатель, графъ Іоркъ фонъ-Вартенбургъ, въ своемъ сочиненіи „Napoleon als Feldherr" хотѣлъ было сдѣлать нѣкоторые шаги къ возсозданію всей духовной дѣятельности Наполеона въ военномъ отношеніи, начиная съ его юности и кончая Ватерлоо; но писателю этому не удалось выяснить указанную выше точку зрѣнія и въ работѣ своей онъ не придерживался положенія, что при аналитическомъ изслѣдованіи военная исторія не можетъ быть повѣряема теоріей, а наоборотъ, теорія должна быть повѣряема

военной исторіей. Вслѣдствіе этого, упомянутое сочиненіе не только не освѣтило съ военной стороны личность Наполеона, но даже и поспособствовало внесенію въ литературу нѣсколькихъ ложныхъ взглядовъ на его кампаніи, и между прочимъ, и на кампанію 1813 года.

Трудомъ графа Іорка, вопросъ о выясненіи чѣмъ именно является война въ представленіи полководца нисколько не подвинулся впередъ, хотя давно уже, другой германскій военный писатель — далъ общія основанія для подобной работы, въ слѣдующихъ превосходныхъ словахъ:

„Война есть царство случая. Ни въ одной отрасли человѣческой дѣятельности не играетъ онъ такой значительной роли какъ на войнѣ, такъ какъ только она одна находится съ нимъ въ самомъ постоянномъ и всестороннемъ соприкосновеніи; въ ней онъ увеличиваетъ туманность всей обстановки, нарушая порой и ходъ самихъ событій. Неясность всѣхъ донесеній и предположеній, вмѣстѣ съ этимъ непрестаннымъ вмѣшательствомъ случая, заставляетъ полководца безпрерывно видѣть положеніе дѣлъ въ новомъ свѣтѣ, который необходимо долженъ, такъ или иначе, вліять на уже принятыя рѣшенія или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыя изъ предположеній, положенныхъ въ ихъ основу. Вліянія эти являются, порою, настолько сильными и убѣдительными, что извѣстныя рѣшенія оказываются несостоятельными; обыкновенно, они немедленно-же должны быть замѣнены другими, вытекающими уже изъ новыхъ основаній, а между тѣмъ часто, для постройки этихъ послѣднихъ, въ нужную минуту именно и не находится подъ рукою достаточно прочнаго матеріала, такъ какъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, напоръ быстро смѣняющихся событій не позволяетъ не только внимательно разобраться въ нихъ, но даже и серіозно обдумать свое рѣшеніе. Впрочемъ, чаще всего происходитъ слѣдующее: прибывающія донесенія и извѣстія, хотя и измѣняютъ безпрестанно взглядъ нашъ на общее положеніе дѣлъ, однако не до такой степени, чтобы дать намъ достаточныя основанія вовсе отказаться отъ предварительнаго нашего рѣшенія, а лишь настолько, чтобы вселить сомнѣніе въ правильности нашихъ выводовъ.

Свѣдѣнія объ обстановкѣ увеличиваются все болѣе, но отъ этого, сама она, въ нашемъ представленіи, не только не разъясняется, но наоборотъ, принимаетъ даже еще болѣе неопредѣленныя и расплывчатыя формы. Происходитъ это потому, что получаемъ мы означенныя свѣдѣнія не сразу, а лишь постепенно, вслѣдствіе чего умозаключенія наши и не перестаютъ подвергаться перемѣнамъ, а духъ нашъ постоянно долженъ бодрствовать и быть во всемъ своемъ всеоружіи [1])“.

---

[1]) Vom Kriege. Hinterlassenes Werk des Generals Carl von Clausewitz. Vierte Auflage. Erster Theil. Berlin 1880. Стр. 50—51.

Въ этотъ очерченный Клаузевицемъ міръ, мы и постараемся, насколько возможно, ввести читателя.

Конечно, наличность сохранившихся матеріаловъ, совершенно не достаточна, чтобы возстановить, съ желательной для цѣлей изслѣдованія точностью, полную картину всѣхъ представленій Наполеона о событіяхъ осенней кампаніи 1813 года; картина эта можетъ быть возстановлена лишь съ значительными пробѣлами, а потому и предлагаемый очеркъ, въ силу необходимости, является далеко неполнымъ по своей законченности.

ГЛАВА I.

Очеркъ обстановки, предшествовавшей осенней кампаніи 1813 года.

Положеніе Наполеона послѣ кампаніи 1812 года.—Весенній походъ 1813 года.—Перемиріе.—Императорская главная квартира.—Приготовленія Наполеона къ осеннему походу.

Березинская переправа положила конецъ существованію великой арміи; ея жалкіе, полузамерзшіе остатки частью погибли отъ холода и оружія русскихъ, частью заперлись въ крѣпостяхъ по Вислѣ и Одеру, и только нѣсколько тысячъ успѣли уйти за Эльбу.

Послѣ бѣдственныхъ дней Борисова и Студянки, Императоръ Наполеонъ нашелъ, что присутствіе его будетъ болѣе полезно въ Парижѣ, нежели при войскахъ.

5-го Декабря, онъ, вмѣстѣ со своемъ шталмейстеромъ Коленкуромъ, выѣхалъ, въ 9 часовъ вечера, въ маленькихъ простыхъ саняхъ изъ Молодечно. Въ двѣнадцатомъ часу ночи 18-го Декабря, императрица Марія-Луиза была разбужена неожиданнымъ пріѣздомъ Императора, а въ 9 часовъ утра 19-го—Наполеонъ сидѣлъ уже за работой и отдавалъ приказанія о созданіи новой арміи.

Въ половинѣ Апрѣля 1813 года, армія эта, въ 200,000 человѣкъ, находилась подъ его личнымъ начальствомъ въ Саксоніи для продолженія начатой въ прошломъ Іюнѣ борьбы.

Приведя, въ концѣ 1812 года, свои сильно разстроенныя и ослабленныя войска въ Вильно, фельдмаршалъ Кутузовъ полагалъ, что вой-

на съ французами окончится на берегахъ Нѣмана, и мы заключимъ съ ними миръ, которымъ пріобрѣтемъ обширную полосу мѣстности, ограниченную съ запада рѣкою Вислою до ея устья.

Взгляды фельдмаршала раздѣлялись государственнымъ канцлеромъ Румянцевымъ, Барклаемъ-де-Толли и многими другими представителями русской высшей администаціи.[1])

Заключеніемъ подобнаго мира весьма почетнымъ образомъ оканчивалась-бы война, крайне тяжелая и разорительная для государства. Но Императоръ Александръ I преслѣдовалъ другія цѣли; изгнавъ французовъ изъ предѣловъ Россіи, онъ рѣшилъ продолжать войну съ Наполеономъ, лично съ нимъ, какъ онъ выражался впослѣдствіи въ своихъ воззваніяхъ къ французскому народу, и для этого—принялъ на себя роль защитника нѣмецкихъ и другихъ западно-европейскихъ интересовъ. Однако, въ самомъ началѣ 1813 года, правительства Германіи не съ особенною готовностью откликнулись на предложеніе его великодушнаго содѣйствія, и только вступленіе нашихъ войскъ въ предѣлы Пруссіи, взрывъ національнаго чувства ея жителей и самовольное отложеніе генерала Іорка отъ французовъ, заставили, въ Февралѣ 1813 года, слабаго и нерѣшительнаго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма, подписать Калишскій трактатъ, по которому его вооруженныя силы перешли на нашу сторону.

Эти соединеныя россійско-прусскія войска, считавшія въ своихъ рядахъ не болѣе 100,000 человѣкъ, вступили на поляхъ Саксоніи въ столкновеніе съ новой французской арміей и послѣ кровопролитныхъ Люценскаго и Бауценскаго сраженій, отступили въ верхнему Одеру.

Здѣсь, въ началѣ Іюня мѣсяца, противники, сильно истощенные предшествующими дѣйствіями, заключили перемиріе, продолжавшееся до половины Августа.

По истеченіи этого перемирія, борьба возобновилась и въ ней уже приняла участвіе почти вся Европа.

Рамки настоящаго очерка исключаютъ, конечно, необходимость подробно останавливаться на разъясненіи всѣхъ причинъ, вызвавшихъ эту борьбу, а также и оцѣнивать во всей полнотѣ политическую дѣятельность той или другой исторической личности; для цѣлей изслѣдованія вполнѣ достаточно будетъ, если намъ удастся набросать въ самыхъ общихъ чертахъ картину тогдашняго европейскаго общества...

Послѣ того, какъ 2-го Апрѣля 1810 года, въ большой церкви тюилерійскаго дворца, старшая дочь австрійскаго императора была тор-

---

[1]) Charras. Histoire de la guerre de 1813 en Allemagne. Paris 1872. стр. 60· Müffling. Aus meinem Leben. Berlin 1861. стр. 46 и 52.

жественно обвѣнчана съ Наполеономъ, положеніе его въ ряду европейскихъ государей было, повидимому, окончательно упрочено.

Завѣтная мечта его гигантской фантазіи—создать монархію подобную имперіи Карла Великаго, казалось, была близка къ осуществленію. Въ описываемое время, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, онъ былъ самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ властителей Европы; когда въ Маѣ 1812 года, отправляясь къ арміи, собиравшейся у Нѣмана, онъ остановился на нѣсколько дней въ Дрезденѣ, то въ этотъ городъ къ нему съѣхалась на поклонъ цѣлая толпа коронованныхъ особъ. Императоръ и императрица австрійскіе, король и кронпринцъ прусскіе, король и королева саксонскіе, государи Рейнскаго союза, всѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, спѣшили увѣрить Наполеона въ своей безпредѣльной преданности ему и его династіи.

Однако, шесть мѣсяцевъ спустя, неудачный исходъ русской кампаніи показалъ, что основанія его могущества не особенно прочны. Неуспѣла наша армія приблизиться къ прусской границѣ, какъ заволновалась вся Германія; изгнанные Наполеономъ изъ предѣловъ отечества послѣ Тильзитскаго мира, прусскіе государственные люди съ патріотическимъ направленіемъ, поспѣшили вернуться на родину и захватили власть въ свои руки. По мѣрѣ движенія русской арміи впередъ — союзники Франціи стали послѣдовательно отъ нея отпадать; первой присоединилась къ ея врагамъ Пруссія; вскорѣ затѣмъ и датскій кабинетъ увѣдомилъ французское правительство, что онъ вынужденъ перемѣнить курсъ своей политики, а когда русскіе подошли къ Дрездену, то саксонскій король поспѣшилъ уѣхать въ Прагу, приказавъ предварительно не пропускать черезъ Эльбскія крѣпости ни французовъ, ни ихъ противниковъ; Австрія, заключивъ съ союзниками перемиріе, также не замедлила принять двусмысленное положеніе; наконецъ, даже Мюратъ, креатура Наполеона, женатый на его родной сестрѣ Каролинѣ, и тотъ позволилъ себѣ, въ началѣ Января 1813 года, самовольно покинуть ряды арміи и уѣхать въ Неаполь.

Внутри Франціи было также не совсѣмъ благополучно.

Мѣсяца за два до возвращенія Наполеона изъ Россіи, бригадный генералъ Мале, содержавшійся подъ стражей, еще съ 1808 года, за участіе въ заговорѣ противъ имперіи, задумалъ совершенно одинъ, безъ всякихъ сообщниковъ, подобно нашему Мировичу, совершить государственный переворотъ, чуть было не увѣнчавшійся успѣхомъ.

Въ одну изъ октябрскихъ ночей, удачно выскользнувъ изъ мѣста своего заключенія, Мале, въ мундирѣ бригаднаго генерала, отправился объявлять по казармамъ и присутственнымъ мѣстамъ Парижа, что 7-го Октября подъ Москвой, Императоръ Наполеонъ скончался и что поэтому необходимо образовать временное правительство.

Новость, имъ сообщаемая, принималась всюду съ полнымъ довѣріемъ, а предложеніе образовать временное правительство, не смотря на присутствіе Маріи-Луизы съ сыномъ въ Сенъ-Клу, не только не вызывало противодѣйствія, но даже нашло и многочисленныхъ сторонниковъ; только утромъ, овладѣвъ уже канцеляріей генеральнаго штаба, Мале былъ случайно узнанъ однимъ изъ офицеровъ и арестованъ; этимъ попытка его и окончилась; вскорѣ затѣмъ онъ былъ казненъ, и дѣло дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣло; но легкость и равнодушіе французовъ къ тому обстоятельству, что послѣ смерти Императора верховная власть можетъ и не перейти въ его семью, а попасть въ совершенно чужія руки, наглядно показывало Наполеону, какіе неглубокіе корни пустила идея имперіи во французской націи и какъ много предстоитъ ему еще сдѣлать для упроченія своего положенія.

А между тѣмъ, Бурбоны, пользуясь англійскими деньгами, по прежнему не переставали вести свои интриги; въ началѣ 1813 года по рукамъ жителей Парижа ходили прокламаціи графа д'Артуа, которыя читались всѣми съ большимъ интересомъ и безъ всякаго негодованія. Обитатели Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, далеко и холодно державшіе себя отъ новаго тюйлерійскаго двора, даже въ самую блестящую эпоху имперіи, при первыхъ же извѣстіяхъ о неудачахъ въ Россіи, не замедлили образовать почти открытый роялистическій кружокъ [1]); съ кружкомъ этимъ завязали сношенія и многіе высшіе сановники Франціи, почему либо недовольные Наполеономъ; Талейранъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, и Фуше, бывшій министръ полиціи, въ концѣ 1812 года, считались уже своими въ старинныхъ аристократическихъ гостиныхъ лѣваго берега Сены, гдѣ на всѣ лады обсуждался вопросъ о судьбахъ отечества въ случаѣ паденія Императора.

Въ это же приблизительно время въ Бордо, эмиссары Бурбоновъ, завязавъ сношенія съ городскимъ мэромъ, приступили даже и къ организаціи ядра будущихъ королевскихъ войскъ; для этой цѣли—они привлекли на свою сторону многихъ мелкихъ дворянъ, чиновниковъ и буржуа, которые должны были составить 8 пѣшихъ и конныхъ ротъ и при первомъ подходящемъ событіи, наколовъ на свои шляпы бѣлыя кокарды, произвести открытое возмущеніе [2]).

Разумѣется, до чего нибудь подобнаго было еще очень далеко; но обстоятельства эти служили признаками уже начавшагося броженія умовъ Дѣйствительно, континентальная система и постоянныя войны тяжело давали себя чувствовать во всѣхъ классахъ общества; въ тор-

---

[1]) Mémoires de Rapp. II. 118.

[2]) Lynch. Correspondance relative aux événements de Bordeaux. 1814 in 8°. стр. 14.

говлѣ былъ значительный застой; въ рѣдкой семьѣ не носили по комъ нибудь трауръ; каждый новый наборъ вызывалъ уже сильные уличные безпорядки. Больше всего недовольныхъ было въ новоприсоединенныхъ къ Франціи областяхъ: въ Бельгіи и Голландіи образовались большія тайныя общества; италіанскіе карбонаріи считали въ своихъ рядахъ многочисленныхъ членовъ.

Кромѣ того, въ описываемую эпоху Наполеону пришлось посчитаться и съ послѣдствіями двухъ своихъ крупнѣйшихъ политическихъ ошибокъ; ссора съ папой и война съ Испаніей, создали ему массу затрудненій. Когда, въ 1809 году, Пій VII былъ насильно перевезенъ изъ Рима во Францію, онъ отлучилъ Наполеона отъ церкви и проклялъ его; этимъ, послѣдній былъ поставленъ въ весьма двусмысленное положеніе какъ относительно духовенства, такъ и относительно простаго народа, и въ 1813 году въ сѣверныхъ, наиболѣе религіозныхъ, областяхъ Франціи тоже образовались тайныя общества, руководимыя священниками и богомольными дамами.

Вернувшись изъ Россіи, Наполеонъ поспѣшилъ поправить свои отношенія съ папою; для этого, онъ лично отправился въ Фонтенебло, гдѣ содержался Пій VII, и послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ, убѣдилъ его подписать конкордатъ, по которому папа отказывался отъ свѣтской власти, возвращалъ Императора въ лоно католичества, утверждалъ всѣхъ назначенныхъ имъ епископовъ и соглашался навсегда перенести свою резиденцію изъ Рима въ Авиньонъ.

Но, не успѣлъ Наполеонъ выѣхать изъ Фонтенебло и объявить во всеобщее свѣдѣніе о состоявшемся соглашеніи, какъ святой отецъ издалъ буллу, въ которой говорилъ, что отказывается признавать условія Фонтенеблосскаго конкордата, подписаннаго имъ, будто-бы, не по свободной волѣ, а вынужденно. Это, разумѣется, только способствовало къ еще большему соблазну умовъ.

Въ Испаніи годъ изъ году дѣла шли все хуже и хуже; возстаніе жителей нисколько не уменьшалось и Веллингтонъ по прежнему крѣпко сидѣлъ въ западныхъ провинціяхъ; все это требовало пребыванія на полуостровѣ 270 тысячной арміи, содержаніе которой тяжелымъ бременемъ ложилось на государственный бюджетъ.

А между тѣмъ, за послѣднее время, финансы Франціи поразстроились и 1811 и 1812 годы — дали значительные дефициты.

Дурному положенію дѣлъ въ Испаніи — способствовали вѣчныя интриги и ссоры между находившимися тамъ генералами.

Вообще, ближайшіе помощники Наполеона далеко неудовлетворительно служили ему.

Ипполитъ Тэнъ, Madame de-Rémusat, а отчасти и Марбо, упрекаютъ Наполеона въ томъ, что онъ всегда старался развивать дурныя страсти въ своихъ подчиненныхъ.

Въ этомъ, несомнѣнно, есть большая доля правды, но несомнѣнно также и то, что это вызывалось и весьма вѣскими причинами.

Дѣйствительно, выступивъ политическимъ дѣятелемъ въ эпоху самаго сильнаго разгара человѣческихъ страстей, когда потокъ революціи, разрушивъ старое общество, унесъ за собою и всѣ его традиціи, и когда всякій умный, честолюбивый и безнравственный человѣкъ могъ разсчитывать достигнуть весьма многаго, Наполеонъ поневолѣ, чтобы захватить въ свои руки власть, долженъ былъ искать себѣ сторонниковъ именно среди такого рода людей, дѣйствуя на ихъ алчность и честолюбіе. Это было совершенно необходимо.

Но, конечно, подобная система не могла создать прочныхъ и безкорыстныхъ отношеній, основанныхъ на чувствѣ долга и традиціи.

Примѣръ самого Императора и примѣры Мюрата и Бернадотта, двухъ тщеславныхъ, но въ сущности пустыхъ гасконцевъ, которые начали карьеру простыми гренадерами и достигли королевскихъ троновъ, стояли у всѣхъ передъ глазами; каждый изъ высшихъ французскихъ сановниковъ только и заботился о своемъ возвеличеніи и обогащеніи; маршалъ Сультъ мечталъ ни о чемъ менѣе, какъ о португальской или андалузской коронѣ, при чемъ вездѣ предавался самымъ неистовымъ грабежамъ; Массена, въ концѣ своей карьеры, прокрался окончательно и уже въ 1811 году впалъ въ полную немилость Наполеона; Мармонъ—также далеко не отличался безукоризненною нравственностью; да и вообще, взяточничество и лихоимство были страшно развиты среди французскихъ генераловъ. Никто изъ нихъ не думалъ о томъ, насколько это вредило дѣлу имперіи.

И Наполеонъ очень хорошо все это видѣлъ; почти никому изъ воихъ приближенныхъ онъ не недовѣрялъ безусловно; нѣсколько тайныхъ полицій, одна другую контролирующихъ, постоянно окружали близкихъ ему лицъ; даже члены императорской фамиліи, и тѣ не были гарантированы отъ вторженія въ ихъ интимнѣйшую жизнь полицейскихъ агентовъ.

Впрочемъ, въ 1813 году, со всѣми своими родными, исключая дѣтей Жозефины отъ ея перваго брака, Наполеонъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ; съ четырьмя своими братьями онъ давно уже разсорился: Луціанъ — еще въ 1809 году пытался эмигрировать въ Америку; Людовикъ — въ 1810 году отказался отъ голландскаго престола; Іеронимъ — въ Іюнѣ 1812 года, послѣ неудачныхъ своихъ дѣйствій противъ князя Багратіона, былъ высланъ изъ арміи; а Іосифъ, такъ безтактно и неумѣло велъ себя на Пиренейскомъ полуостровѣ, что заставлялъ Императора

уже призадумываться надъ вопросомъ о возвращенiи испанскимъ Бурбонамъ ихъ престола, съ установленiемъ южной границы Франціи по рѣкѣ Эбро; младшая сестра Наполеона, королева Каролина Мюратъ, вѣчно интриговала, а двѣ старшія—Елиза Баччіоки, герцогиня луккская и княгиня Полина Боргезе, хотя и не вмѣшивались въ политику, но за то вели самый скандальный образъ жизни, что также очень сердило Наполеона.

Но, разумѣется, изъ всѣхъ родственныхъ отношеній, самый сомнительный характеръ, носили его отношенія съ императоромъ Францемъ I. Въ глазахъ строго аристократическаго вѣнскаго двора, Наполеонъ былъ всегда не болѣе какъ parvenu; на его бракъ съ Маріей-Луизой смотрѣли только, какъ на вынужденный, исключительно, политическими обстоятельствами и при первыхъ же извѣстіяхъ о исходѣ похода въ Россію, стали уже поговаривать о возможности его расторженія.

Агитація противъ Наполеона, начавшаяся въ высшихъ вѣнскихъ сферахъ еще до кампаніи 1809 года, и послѣ его женитьбы на австрійской принцессѣ не переставала существовать. Въ элегантныхъ будуарахъ императрицы Беатрисы, герцогини де Саганъ, княгинь Лихтанской и Багратіонъ и графинь Кауницъ и Стадіонъ, какъ въ началѣ 1809 года, такъ и въ описываемое время, постоянно собирались всѣ враги императора; они дѣятельно поддерживали сношенія и съ нѣмецкимъ демократическимъ Тугендбундомъ и съ иностранными аристократическими анти-наполеоновскими кружками: Императрицы Маріи Θеодоровны въ Россіи и графа Мюнстера въ Ганноверѣ[1])...

Вотъ приблизительно положенiе, въ которомъ находился Наполеонъ, по возвращеніи изъ Россіи. Оно было довольно неутѣшительно. Громадное сооруженiе, воздвигнутое имъ, хотя еще и держалось, но обнаруживало уже зловѣщiе признаки разложенiя.

Надо было быстро поправлять дѣла.

Конечно, для этого въ распоряженіи его имѣлись, пока еще, значительныя средства.

Изъ подваловъ павильона Марсанъ были выкачены бочки съ золотомъ, заключавшiе въ себѣ 70 милліоновъ собственнаго секретнаго фонда Императора на случай наступленія черныхъ дней.

Выморочныя земли эмигрантовъ, находившіяся въ пользованіи у сельскихъ обществъ, дали возможнось обезпечить выпускъ билетовъ новаго внутренняго займа.

---

[1]) Johann Scherr. Blücher. III. стр. 105.

100 тысячъ національныхъ гвардейцевъ, собранныхъ въ Мартѣ 1812 года въ когорты, составили ядро новой арміи;[1]) къ нимъ присоединилось 140 тысячъ конскриптовъ 1813 года, еще съ Октября обучавшихся въ депо; затѣмъ были созваны конскрипты 1814 года и вызвано нѣсколько полковъ изъ Испаніи; генералу Бертрану было приказано сформировать корпусъ изъ италіанскихъ войскъ; для созданія артиллеріи—изъ арсенальныхъ складовъ было взято 600 орудій; лафеты и повозки обоза работались во всѣхъ государственныхъ мастерскихъ.

Опытный генералъ Бурсье былъ отправленъ въ Германію, чтобы закупить, не стѣсняясь никакими расходами—30,000 лошадей; всѣ большіе города—должны были выставить вооруженныхъ всадниковъ, для созданія кавалерійскихъ полковъ.

Такимъ путемъ образовалась большая часть арміи, съ которой выступилъ Наполеонъ въ весеннемъ походѣ.

Несомнѣнно, одна рѣшительная побѣда, въ родѣ Аустерлица или Іены, вернула-бы ему почти все.

Но, уже Люценское сраженіе показало, что подобную побѣду одержать значительно труднѣе, чѣмъ это было прежде. Союзники, хотя и разбитые, отступали въ полномъ порядкѣ и постоянно задерживали французовъ, а ихъ партизаны дерзко дѣйствовали въ тылу непріятеля. Новосозданная армія Наполеона далеко уступила прежнимъ; въ ея рядахъ было очень много неокрѣпшихъ мальчиковъ, а старые солдаты изъ оставшихся войскъ, совершавшихъ зимній походъ въ Москву, плохо вліяли на нихъ своими безотрадными разсказами. Съ первыхъ-же дней кампаніи, членовредительство, съ цѣлью уклоненія отъ службы, развилось въ громадныхъ размѣрахъ. Большинство младшихъ офицеровъ, изъ недоучившихся гимназистовъ, не были ни къ чему способны. Кавалеріи было очень мало, а та которая и была, не умѣла даже порядочно ѣздить. Всѣ лошади были набиты. Матеріальная часть артиллеріи и обозовъ находилась въ очень плохомъ состояніи.

Конечно, въ этомъ положеніи, самымъ выгоднымъ для Наполеона являлось заключеніе мира на неособенно тяжелыхъ для себя условіяхъ; и вотъ—за два дня до Бауценскаго сраженія, онъ посылаетъ любимца

---

[1]) Еще до начала похода въ Россію, Наполеонъ принялъ мѣры, на случай неудачнаго исхода его. Сенатскій указъ 13-го Марта 1812 года призвалъ къ оружію все народонаселеніе Франціи, что-бы составить громадное рекрутское депо для дѣйствующей арміи. Это назначеніе было скрыто подъ вычурнымъ древне-французскимъ названіемъ—ban—народное ополченіе. Всѣ французы отъ 20 до 26 лѣтняго возраста составили 1-й призывъ: отъ 26 до 40 второй; отъ 40 до 60 третій—arrière ban; люди перваго призыва (бывшіе національные гвардейцы)—были сведены въ сто когортъ, которыя имѣли совершенно военное устройство.

Александра I, Коленкура, въ союзную главную квартиру съ предложеніемъ о немедленномъ мирѣ. Но Коленкуръ даже и не былъ допущенъ къ нашему Государю.

Затѣмъ произошло Бауценское сраженіе. Наполеонъ побѣдилъ опять; но опять, противники не оставили ему никакихъ трофеевъ и отступали въ полномъ порядкѣ; дойдя до Лигница, они бросили свои сообщенія съ Польшей и повернули къ Швейдницу. Очевидно было, что между ними и Австріей было какое-то соглашеніе.

Несмотря на свое побѣдоносное движеніе впередъ, французская армія была сильно разстроена и настоятельно нуждалась въ отдыхѣ. Приближенные Императора съ безпокойствомъ спрашивали себя, что будетъ дальше. Смерть маршала Бессіера, убитаго за два дня до Люцена и смерть оберъ-гофмаршала Дюрока, самаго близкаго и преданнаго Наполеону человѣка, убитаго на другой день послѣ Бауцена, произвели на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. О томъ, что союзники также находятся въ чрезвычайно тягостномъ положеніи, повидимому, во французской главной квартирѣ не знали.

А между тѣмъ, главныя силы Наполеона стояли у Бреславля; 40,000— Удино въ 2-хъ переходахъ отъ Берлина, а Даву черезъ нѣсколько дней долженъ былъ занять Гамбургъ. Почти всѣ крѣпости по Вислѣ и Одеру, хотя и блокированныя, были еще во власти Императора

Саксонія и Данія опять примкнули къ Франціи. Мюратъ тоже долженъ былъ прибыть вскорѣ съ повинной.

Это положеніе дѣлъ позволяло Наполеону думать, что онъ можетъ еще заключить почетный для себя миръ, а поэтому Коленкуръ вновь отправился предлагать Россіи и Пруссіи немедленно приступить къ переговорамъ.

Но союзники уже были сильно связаны съ Австріею.

Богобоязненный и простодушный съ виду, въ душѣ же коварнѣйшій и вѣроломнѣйшій человѣкъ, Императоръ Францъ I, вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ сподвижникомъ графомъ Меттернихомъ, еще съ прошлаго Декабря, вѣрно оцѣнили положеніе Австріи среди воюющихъ сторонахъ и теперь мастерски стали извлекать изъ него всѣ возможныя выгоды.

30 Мая австрійскій генералъ Бубна объявилъ Наполеону, что его правительство, хотя и признаетъ ненарушимымъ союзный договоръ съ Франціей, заключенный въ прошломъ году, но требуетъ, въ виду перемѣнившагося положенія дѣлъ, и измѣненія нѣкоторыхъ его условій.

Въ этомъ-же день и союзные уполномоченные, на предложеніе Коленкура приступить къ переговорамъ о мирѣ, передали ему, что переговоры эти должны вестись только черезъ посредника, которымъ ихъ государи избираютъ Австрію.

Справедливо полагаютъ многіе писатели, что въ этомъ положеніи, вмѣсто того, чтобы продолжать переговоры, Наполеону слѣдовало-бы быстро двинувшись къ Швейдницу, охватить союзную армію съ обоихъ фланговъ и прижавъ её къ горамъ, принудить вступить въ третье генеральное сраженіе; армія эта была такъ разстроена, что по всей вѣроятности, она была бы разбита и тогда, конечно, кампанія закончилась-бы блистательнымъ образомъ. Но Наполеонъ этого не сдѣлалъ. Напротивъ, онъ согласился заключить съ союзниками перемиріе, имѣвшее для него самыя пагубныя послѣдствія.

Какіе мотивы заставили его сдѣлать эту крупную ошибку, которая теперь такъ бьетъ въ глаза своей очевидностью?

Мы этого не знаемъ. Мы не знаемъ какъ рисовалось ему въ эти дни состояніе арміи союзниковъ и собственныхъ войскъ, не знаемъ также и того, что думалъ онъ о роли Австріи въ случаѣ большого сраженія, а потому и не можемъ произнести никакого сужденія о его дѣйствіяхъ [1]).

4-го Іюня, въ мѣстечкѣ Пойшвицѣ, уполномоченными обѣихъ сторонъ было заключено перемиріе. По первоначальнымъ условіямъ оно должно было продолжаться до 20 Іюля; въ послѣдствіи-же оно было продолжено до 10-го Августа, съ обязательствомъ не открывать военныя дѣйствія ранѣе шести дней послѣ его истеченія.

Демаркаціонная линія шла отъ австрійской границы на мѣстечко Ланъ, а затѣмъ по рѣкамъ Кацбаху и Одеру до Мюльрозе; отъ Мюльрозе она тянулась вдоль Саксонской границы до Эльбы.

Бреславль былъ признанъ нейтральнымъ. Гамбургъ долженъ былъ оставаться во власти той стороны, чьи войска будутъ занимать его 4 Іюня.

Получивъ извѣстіе о заключеніи перемирія, Наполеонъ въ тотъ же день, 4-го Іюня, вмѣстѣ со своей старой гвардіей, отправился изъ Неймарка въ Дрезденъ.

Послѣдніе дни Мая и начала Іюня, приближенные Императора видѣли его постоянно въ отличномъ расположеніи духа; ежедневно по вечерамъ, онъ дѣлалъ продолжительныя прогулки верхомъ, и на нихъ ласково и привѣтливо разговаривалъ, какъ со свитой, такъ и со многими, попадавшимися на встрѣчу людьми. Нерѣдко можно было слышать, какъ онъ распѣвалъ своимъ фальшивымъ голосомъ французскія и италіанскія пѣсенки.

---

[1]) Во всей корреспонденціи Императора, по этому поводу, — мы находимъ лишь слѣдующія слова: „Cet armistice arrête le cours de mes victoires. Je m'y suis decidé pour deux raisons: mon défaut de cavalerie, qui m'empêche de frapper de grands coups, et la position hostile de l'Autriche“ — письмо Кларку отъ 2 Іюня за № 20070.

Повидимому, Наполеонъ былъ совершенно увѣренъ въ благополучномъ исходѣ переговоровъ съ противниками. Все обѣщало веселое препровожденіе времени въ Дрезденѣ въ теченіе перемирія.

Изъ Парижа были вызваны актеры „Comédie Française". Маршалъ Сультъ выписалъ свою супругу и весь свой блестящій entourage. Примѣру его послѣдовали и многіе другіе французскіе генералы.

Съ каждымъ днемъ Дрезденъ всѣ болѣе и болѣе превращался въ маленькій Парижъ. Однако, едвали Наполеонъ въ глубинѣ своего сердца питалъ розовыя надежды на начавшіеся переговоры о мирѣ.

Еще 2-го Іюня писалъ онъ своему пасынку Евгенію Богарне, вицекоролю Италіи, „что Австрія чрезвычайно требовательна и нужно готовиться къ войнѣ съ этой державой" [1]; въ письмѣ-же къ военному министру, отъ того-же числа, мы находимъ и слѣдующія слова: „если возможно, протяну перемиріе до Сентября, чтобы приготовиться наносить рѣшительные удары; я желаю быть къ этому времени въ состояніи раздавить моихъ противниковъ, хотя впрочемъ, весьма вѣроятно, что разъ Австрія увидитъ мои вооруженія, то она и откажется отъ своихъ нелѣпыхъ притязаній" [2].

Во все время своего шестидневнаго пути онъ не переставалъ заниматься государственными дѣлами; читая его переписку за эти дни, рядомъ съ распоряженіями о вызовѣ парижскихъ актеровъ въ Дрезденъ, о назначеніи пенсій семействамъ Бессіера и Дюрока, о надгробныхъ рѣчахъ по этимъ сановникамъ, о постановкѣ памятника на Монъ-Сенисѣ въ честь павшихъ подъ Бауценомъ, о томъ въ какіе дни должна показываться Императрица въ соборѣ Nôtre-Dame de Paris и наконецъ о томъ, что она „никого, никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не должна принимать въ постели, такъ какъ это только разрѣшается женщинамъ, перешедшимъ 30-ти лѣтній возрастъ" [3], рядомъ со всѣми этими мелочными распоряженіями совершенно невоеннаго характера, мы находимъ также и самыя подробныя наставленія Даву, занявшему 30-го Мая Гамбургъ, о томъ какъ укрѣпить этотъ городъ, распоряженія объ образованіи новыхъ корпусовъ, объ реорганизаціи и обученіи уже существующихъ, и цѣлый рядъ приказаній по вопросамъ о продовольствіи, снаряженіи, обмундированіи и вооруженіи арміи.

Утромъ 10 го Іюня Императоръ прибылъ въ Дрезденъ. Здѣсь, расположившись въ маленькомъ пригородномъ дворцѣ графа Марколини, чтобы имѣть возможность вдали отъ городскаго шума и большого Саксонскаго двора, работать въ полномъ уединеніи, онъ немедленно-же

---

[1]) Correspondance de Napoléon I-er. Nr. 20071.

[2]) Nr. 20070.

[3]) N. 20075, 20086, 20099, 20094.

потребовалъ подробную карту Богеміи и приказалъ приложить её къ картамъ Саксоніи и Силезіи, до сихъ поръ обнимавшихъ собой главный театръ военныхъ дѣйствій.

Бывшій личный секретарь Наполеона баронъ Fain и саксонскій маіоръ баронъ Оделебенъ, состоявшій при французской главной квартирѣ, оставили весьма любопытные мемуары, рисующіе интимную жизнь Императора въ 1813 году.

Пользуясь этими двумя матеріалами, можно состовавить себя довольно полное представленіе о томъ, какъ работалъ Наполеонъ въ своемъ кабинетѣ, какой образъ жизни онъ велъ и какіе люди его окружали.

Въ описываемое время французская главная квартира состояла изъ слѣдующихъ лицъ:

ИМПЕРАТОРЪ.

При немъ:

Начальникъ штаба . . .	Бертье, вицеконнетабль Франціи, князь Нёшательскій и Ваграмскій.
Министръ иностранныхъ дѣлъ	Маре, герцогъ Бассано.
И. д. оберъ-гофмаршала .	Оберъ-шталмейстеръ Коленкуръ, герцогъ Виченскій.
И. д. интенданта арміи и завѣдующій госпитальной частью .	Государственный секретарь графъ Дарю.

6 адъютантовъ Его Величества [1]),

12 ординарцевъ Его Величества [2]).

4 секретаря кабинета Его Величества.

Начальникъ военно-топографическаго бюро Баронъ Баклеръ д'Альбъ.

Его два помощника.

Секретарь переводчикъ, завѣдующій сборомъ свѣдѣній о противникѣ

Кромѣ того: Командиръ конвоя Его Величества, дворцовый префектъ, дворцовый квартирмейстеръ, 3 шталмейстера, польскій переводчикъ, одинъ лейбъ-хирургъ, 4 врача, военно походный казначей, два саксонскихъ офицера, 4 пажа и два фурьера

Всѣ перечисленныя лица, по возможности, всегда располагались вмѣстѣ съ Императоромъ и только въ крайности раздѣлялись на двѣ части: маленькую главную квартиру и большую.

Бертье имѣлъ свой особенный, весьма многочисленный штабъ; чины этого штаба составляли совершенно отдѣльное управленіе отъ императорской главной квартиры и близкаго соприкосновенія съ ней

---

[1]) Генералы — Лебрёнъ, Мутонъ, Друо, Дежанъ, графъ Пацъ и Коссаковскій.

[2]) Старшій — Полковникъ Гурго и Капитаны: Аталенъ, де Мортемаръ, Лористонъ, Дёзе, Беранже, Лапласъ, Прёте, Ламезанъ, Палью, Караманъ и де С. Марсанъ.

не имѣли. Непосредственнаго, постояннаго, отношенія къ главной квартирѣ, не имѣли также и начальники артиллеріи и инженеровъ арміи — генералы Сорбье и Ронья.

Старшій ординарецъ полковникъ Гурго, 4 секретаря, баронъ Баклеръ д'Альбъ, одинъ изъ его помощниковъ и секретарь, завѣдующій сборомъ свѣдѣній о противникѣ, составляли персоналъ личной канцеляріи Императора и были ближайшими соучастниками всѣхъ его работъ.

Эти 8 человѣкъ находились постоянно въ сферѣ гигантскихъ замысловъ своего повелителя и служили проводниками къ всѣмъ высшимъ военнымъ и административнымъ учрежденіямъ Франціи, къ штабу Бертье, къ канцеляріямъ Маре, Дарю, Сорбье, Ронья и къ многочисленному числу прочихъ лицъ разнообразнѣйшаго званія, съ которыми Наполеонъ сносился непосредственно.

Верховное управленіе дѣлами почти цѣлой половины Европы сосредоточивалось въ этой маленькой канцеляріи и всѣми этими дѣлами руководилъ лично самъ Императоръ. Бертье хотя и часто, но далеко не всегда, присутсвовалъ при его работахъ и въ важнѣйшихъ изъ нихъ, никогда не имѣлъ рѣшающаго значенія.

На него и его штабъ были возложены слѣдующія, хотя и чрезвычайно серіозныя, но тѣмъ не менѣе, вполнѣ второстепенныя обязанности: подробная разработка и разсылка приказаній, дѣлопроизводство по личному составу арміи, составленіе общихъ свѣдѣній о численномъ составѣ войскъ, подробности дислокацій и передвиженій, сводка менѣе важныхъ рекогносцировокъ, военно-этапная и военно-судныя части и прочія детали по администраціи.

Въ исполненіи всѣхъ этихъ обязанностей, Бертье, благодаря своимъ удивительнымъ бюрократическимъ дарованіямъ, большому такту, громадной памяти, точности и способности одинаково аккуратно работать въ любое время дня и ночи — былъ совершенно незамѣнимъ для Наполеона.

Графъ Дарю, интендантъ арміи, человѣкъ несомнѣнно весьма даровитый, былъ тоже вполнѣ на мѣстѣ и кажется, сравнительно съ Бертье, пользовался нѣсколько большей самостоятельностью въ сферѣ своей дѣятельности.

Маре, Сорбье и Ронья были, повидимому, довольно незначительныя личности, также какъ и военный министръ Кларкъ, постоянно находившійся въ Парижѣ и исполнявшій большую часть детальныхъ работъ по организаціи и увеличеніи арміи.

Важнѣйшимъ пособіемъ при всѣхъ работахъ Императора была карта театра военныхъ дѣйствій; „Это была вещь"—говоритъ баронъ Оделебенъ—„которой онъ дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ;" во время похо-

да и боя, на обязанности Коленкура лежало имѣть при себѣ эту карту и при требованіи Наполеона, „la carte“ тотчасъ-же подавать её ему, подложивъ и согнувъ листы должнымъ образомъ.

При остановкахъ на почлегъ, первый предметъ, который вносился въ кабинетъ Императора, была опять эта карта, раскладываемая немедленно-же по прибытіи на большомъ столѣ, въ лучшей изъ комнатъ, отведенныхъ подъ императорскую главную квартиру.

Булавки съ разноцвѣтными головками, воткнутыя въ карту, означали расположеніе войскъ—своихъ и непріятельскихъ; отъ 20 до 30-ти зажженныхъ свѣчей, освѣщали ее со всѣхъ сторонъ. При ней, для различнаго рода справокъ, всегда находились: баронъ Баклеръ д'Альбъ, его помощники и секретарь, завѣдующій сборомъ свѣдѣній о противникѣ.

Вокругъ большаго стола, становились 4 маленькихъ; за нихъ садились секретари; тутъ-же помѣщался и полковникъ Гурго, на обязанности котораго лежало принимать и вскрывать всѣ пакеты на имя Его Величества, и докладывать тѣ изъ бумагъ, которыя почему-нибудь не прочитывались лично Наполеономъ.

Всѣмъ архивомъ завѣдывалъ старый, испытанный слуга; онъ вынималъ изъ повозки портфели съ бумагами, распредѣлялъ ихъ по секретарямъ и черезъ нѣсколько минутъ по прибытіи главной квартиры на почлегъ, канцелярія Императора открывала уже свои дѣйствія. „Въ ней не видно было ни архиваріусовъ, ни регистраторовъ, ни писарей“[1]).

Обыкновенно въ комнатахъ смежныхъ съ канцеляріей, съ одной стороны помѣщалась спальня Наполеона, а съ другой его пріемная. Въ пріемной этой всегда находились безотлучно: два дежурныхъ адъютанта, имѣя каждый по два помощника, два дежурныхъ ординарца, два пажа и всѣ тѣ личности, которыя почему нибудь могли-бы быть потребованы Императоромъ.

Служба всѣхъ лицъ, непосредственно состоящихъ при Императорѣ, была крайне тяжела: Наполеонъ, во время кампаніи спалъ не болѣе 4—5 часовъ въ сутки; онъ ложился въ постель около 8—9 часовъ вечера, а въ часъ, или два ночи, т. е. въ то время, когда въ главную квартиру уже должны были быть поступившими всѣ донесенія корпусныхъ командировъ за истекшій день, онъ вставалъ и немедленно-же садился за работу съ тѣмъ, чтобы къ утру войска могли-бы получить его распоряженія, основанныя на послѣднихъ, имѣвшихся свѣдѣніяхъ.

---

[1]) Relation circonstanciée de la Campagne de 1813 en Saxe par M. le baron d'Odeleben. Paris 1817. p. 142.

Обыкновенно совершенно одѣтый, въ своемъ темно-зеленомъ сюртукѣ, и часто со шляпою на головѣ, онъ расхаживалъ большими шагами по своему кабинету и сразу диктовалъ нѣсколькимъ секретарямъ.

Когда-же ему приходилось работать всю ночь на пролетъ, то онъ надѣвалъ халатъ, повязывалъ голову клѣтчатымъ фуляромъ и въ этомъ костюмѣ проводилъ по 10—12 часовъ въ безпрерывныхъ занятіяхъ, лишь изрѣдка выпивая маленькую чашку кофе.

Нерѣдко случалось, что Наполеонъ проработавъ до полуночи и отправившись затѣмъ спать, черезъ какой нибудь часъ, неожиданно вновь появлялся изъ спальни, и приказавъ: „que tout le monde s'éveille; appelez d'Albe"—опять садился за работу на многіе часы.

Часто также, среди бѣлаго дня, во время самой горячей работы, онъ вдругъ коротко произносилъ: „la voiture, à cheval"—и вслѣдъ за этимъ Коленкуръ бѣжалъ за экипажемъ, секретари спѣшили укладывать свои бумаги въ портфели, карта разбиралась и черезъ нѣсколько минутъ, императорская главная квартира мчалась уже крупной рысью на новое мѣсто.

Большіе переѣзды Наполеонъ дѣлалъ обыкновенно въ каретѣ, мѣняя лошадей на каждомъ этапѣ.

Въ большинствѣ случаевъ, вмѣстѣ съ нимъ въ экипажъ садился и Бертье.

По одну сторону кареты, всегда ѣхалъ Коленкуръ, а по другую, дежурный шталмейстеръ; непосредственно-же сзади, повозка съ бумагами архива, а затѣмъ и вся прочая свита. Весь поѣздъ эскортировался 24 человѣками конвоя Его Величества.

Внутренность Императорскаго экипажа была приспособлена какъ для спанья, такъ и для занятій во время движенія.

Въ многочисленные боковые карманы, клались всѣ тѣ бумаги, которыя не успѣли быть доложенными во время предшествующей остановки на мѣстѣ[1]).

Во время пути, Коленкуръ долженъ былъ останавливать всѣхъ попадавшихся на встрѣчу курьеровъ, отпирать имѣвшимися у него ключами ихъ сумки, вынимать изъ нихъ пакеты и подавать ихъ въ окно Наполеону.

Обыкновенно, вскорѣ затѣмъ, окружающіе экипажъ видѣли, какъ

---

[1]) Эти карманы наполнялись также и получаемыми періодическими изданіями изъ Парижа, вмѣстѣ съ появлявшимися новыми романами; дѣлалось это въ виду того обстоятельства, что Императоръ постоянно нуждался быть чѣмъ нибудь занятымъ, и терпѣть не могъ сидѣть сложа руки, въ тѣ рѣдкія минуты, когда не было для чтенія никакихъ дѣловыхъ бумагъ.

изъ кареты вылеталъ цѣлый дождь мелко изорванной бумаги; всѣ ненужные рапорты и донесенія, Наполеонъ немедленно-же уничтожалъ.

Весьма нерѣдко среди самаго быстраго движенія, карета совершенно неожиданно для всѣхъ останавливалась и изъ нея выскакивалъ Императоръ, для лучшаго ознакомленія съ близь лежащей мѣстностью.

„Наполеонъ"—говоритъ баронъ Оделебенъ—„имѣлъ необыкновенную способность почти мгновенно распознаваться на самой запутанной мѣстности."

Одного быстраго взгляда на карту, было для него совершенно достаточно, чтобы опредѣлять съ поразительной точностью всѣ разстоянія, какъ въ единицахъ пространства, такъ и въ единицахъ времени, и знать почти наизусть разстилавшуюся передъ нимъ мѣстность; также быстро и точно опредѣлялъ онъ положеніе и силу, доступныхъ его глазу или подзорной трубѣ, большихъ войсковыхъ массъ, иногда цѣлыхъ армій.

Высоты были любимымъ пунктомъ его мѣстонахожденія во время боя; съ нихъ онъ сразу оцѣнивалъ количество войскъ—своихъ и непріятельскихъ, и затѣмъ отдавалъ соотвѣтствующія распоряженія.

„Il ne commandait qu'en grand, transmettant en personne, ou par des officiers d'ordonance ses ordres aux commandants des corps et des divisions... Tous ses ordres étaient courts et précis" [1]).

Передатчиками этихъ распоряженій были его 12 ординарцевъ, которые издали узнавались по красивымъ голубымъ мундирамъ, богато расшитымъ серебромъ, и шляпамъ съ большими черными перьями.

Ординарцы эти набирались изъ способнѣйшихъ и образованнѣйшихъ офицеровъ арміи; всѣ они, будучи въ чинѣ не ниже капитана, имѣли достаточно служебной опытности, чтобы толково исполнять возлагаемыя на нихъ Императоромъ порученія.

Вообще они постоянно находились при главной квартирѣ и хотя часто посылались въ командировки, но исключительно, въ командировки совершенно временнаго характера, продолжавшіяся не болѣе нѣсколькихъ дней.

Лѣтомъ 1813 года, они производили рекогносцировки дорогъ, горныхъ проходовъ, рѣкъ, собирали свѣдѣнія о состояніи крѣпостей, повѣряли количество людей и лошадей въ депо, ежедневно писали длинныя донесенія Императору, затѣмъ возвращались въ Дрезденъ, лично докладывали ему о всемъ видѣнномъ, представляли снятыя кроки и составленные отчеты, уѣзжали опять, но постоянно находились въ самой тѣсной связи съ главной квартирой.

---

[1]) Odeleben. p. 43.

Во время военныхъ дѣйствій, нѣкоторые ординарцы командировались делегатами въ штабы отдѣльно дѣйствовавшихъ отрядовъ, чтобы извѣщать Императора обо всемъ происходящемъ тамъ, а также, и чтобы знакомить командовавшихъ маршаловъ со взглядами и намѣреніями Наполеона; большинство-же изъ нихъ - почти безотлучно находились въ полѣ при Наполеонѣ, держались во время боя всегда непосредственно позади него, и по отрывистому его: „un officier d'ordonnance", всегда должны были быть готовы скакать съ приказаніями.

Съ лицами своей главной квартиры, Наполеонъ держалъ себя, вообще, довольно холодно и сдержанно, и этикетъ въ отношеніяхъ соблюдался полный. Всѣ дѣловые разговоры велись имъ отрывистыми, короткими фразами. Иногда, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, онъ былъ непрочь пошутить и перейти на фамиліарный тонъ, но въ большинствѣ случаевъ, онъ говорилъ совершенно оффиціально, называя всѣхъ не по именамъ, а полнымъ титуломъ.

Въ войскахъ, вообще, его очень любили и не боялись, особенно нижные чины и лица, не слишкомъ близко стоявшія къ главной квартирѣ.

Барону Оделебену приходилось слышать, какъ офицеры, а иногда и солдаты обращались къ нему изъ рядовъ съ фразой: „Sire, j'ai mérité la croix"; въ этихъ случаяхъ, почти всегда, Наполеонъ отвѣчалъ улыбаясь: „et comment", и выслушавъ разсказъ просителя о его непризнанныхъ до сихъ поръ подвигахъ, обыкновенно, тотчасъ-же, приказывалъ выдать желаемый орденъ.

Тонъ офицеровъ и даже простыхъ рядовыхъ, которымъ они говорили съ нимъ, былъ зачастую очень непринужденнымъ.

Однажды, молодой офицеръ, въ присутствіи громадной свиты, на замѣчаніе сдѣланное ему Императоромъ, возвысилъ свой голосъ и сталъ возражать съ такою страстностью и съ такими жестикуляціями, что всѣмъ присутствующимъ сдѣлалось жутко.

Но Наполеонъ позволялъ подобныя выходки, и не смотря на отрывистый тонъ своихъ приказаній, онъ почти всегда охотно выслушивалъ мнѣнія и возраженія своихъ подчиненныхъ, въ особенности же, старшихъ генераловъ и маршаловъ.

Званіе маршала было чрезвычайно высоко поставлено во французской арміи, и иначе какъ „Mon cousin", Наполеонъ не называлъ ихъ въ письменныхъ сношеніяхъ. Большинство его приказаній къ нимъ писалось въ видѣ длинныхъ писемъ, гдѣ рядомъ съ положительными повелѣніями, онъ часто высказывалъ свои взгляды, оговаривая, что они могутъ быть и ошибочны, и по многимъ вопросамъ просилъ ихъ выражать свои мнѣнія, хотя-бы и не согласныя съ его.

Тьеръ, въ своей „Histoire du Consulat de l'empire". упрекаетъ Наполеона, что онъ вслѣдствіе присущаго ему „недоброжелательства къ таланту," удалилъ въ описываемое время изъ главной арміи лучшихъ своихъ маршаловъ—Массену, Сульта и Даву, и возложилъ веденіе важнѣйшихъ операцій—на людей, сравнительно съ ними, гораздо менѣе способныхъ..

Едва-ли съ этимъ можно согласиться вполнѣ безусловно. Кто знакомъ съ кампаніей 1810 года на Пиренейскомъ полуостровѣ, тотъ конечно не можетъ не признать, что уже въ 1810 г. Массена опустился до крайности и совершенно не былъ способенъ къ большему командованію.

Выдающійся по своимъ дарованіямъ Даву, дѣйствительно, лѣтомъ 1813 года, находился вдали отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій и командовалъ корпусомъ, занявшимъ Гамбургъ; конечно, присутствіе его было-бы несравненно важнѣе при войскахъ, собранныхъ въ Саксоніи и Силезіи. Но не слѣдуетъ забывать, что Гамбургъ имѣлъ въ описываемое время огромное значеніе, что онъ долженъ былъ быть по намѣренію Наполеона обращенъ въ теченіе 2 — 3 мѣсяцевъ въ сильно укрѣпленный пунктъ, и что съ жителей его, въ теченіе лѣта, приказано было, въ наказаніе за весеннее возмущеніе, собрать громадную контрибуцію, какъ деньгами такъ и припасами всякаго рода, на сумму въ 50 слишкомъ милліоновъ франковъ. Кто-же, какъ не суровый, но безусловно честный Даву, могъ выполнить все это?

Къ вышесказанному слѣдуетъ еще прибавить, что Наполеонъ въ первые дни по открытіи кампаніи, намѣренъ былъ предпринять самыя рѣшительныя дѣйствія въ сѣверной Германіи и, несомнѣнно, предназначалъ Даву для командованія собранными тамъ войсками, какъ это и видно изъ слѣдующихъ словъ письма къ этому маршалу отъ 12 Августа: „Вы должны дѣйствовать отъ Гамбурга, такъ чтобы безпокоить правый флангъ противника и затѣмъ соединиться съ войсками Удино" [1]).

Что же касается до Сульта, то во время весенняго похода, онъ находился въ Саксоніи и только послѣ разбитія арміи короля Іосифа при Витторіи, Наполеонъ вынужденъ былъ командировать его въ Испанію.

Разумѣется, очень трудно пролить вполнѣ опредѣленный свѣтъ на отношенія Наполеона къ его подчиненнымъ; матеріалы, относящіеся къ этому, настолько противорѣчны и разнообразны, что одинаково допускаютъ возможность появленія характеристики Императора, какъ въ духѣ сочиненія Ланфре, такъ и въ духѣ „Napoléon intime" Henri Levi.

---

[1]) № 20035.

Въ настоящемъ очеркѣ, впрочемъ, мы и не имѣемъ въ виду, разсматривать этотъ вопросъ во всей его полнотѣ; мы только считаемъ себя обязанными указать, что отсутствіе лучшихъ маршаловъ осенью 1813 года въ Саксоніи, можетъ имѣть и другое объясненіе, нежели то, которое даетъ Тьеръ.

Наполеонъ слишкомъ хорошо зналъ войну, чтобы не понимать, что значитъ хорошій генералъ, а потому, каковы-бы не были его личныя антипатіи и симпатіи, онъ не могъ не выдвигать талантливыхъ людей [1]).

Какъ уже было сказано выше, по прибытіи Наполеона 10 Іюня въ Дрезденъ, карта театра военныхъ дѣйствій, обнимавшая на этотъ разъ и Богемію, была немедленно-же разложена на его столѣ.

Съ циркулемъ въ рукахъ, имѣя передъ глазами книгу различныхъ отчетовъ о состояніи крѣпостей, запасовъ и дорогъ, проводилъ онъ за ней цѣлые дни.

На обширномъ пространствѣ отъ Замостья до Рейна и отъ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей до Адріатическаго — воткнутыя въ карту булавки, указывали положеніе войскъ обѣихъ сторонъ.

Въ окрестностяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ—Саксоніи, Лузаціи и Силезіи, стояла большими лагерями армія, совершившая подъ личнымъ начальствомъ Наполеона весенній походъ [2]).

II	корпусъ	Виктора	расположился	у Грюнберга.
III	„	Нея	„	у Лигница.
IV	„	Бертрана	„	у Шпроттау.
V	„	Лористона	„	у Гольдберга.
VI	„	Мармона	„	у Томасвальдау.
VII	„	Рейнье	„	у Гёрлица.
IX	„	Макдональда	„	у Фриденберга и Грейфенберга.
XII	„	Удино	„	у Котбуса.
1-й	кавалерійскій	Латуръ-Мабура		у Сагана.
2-й	„	Себастіани		въ Нидерзегесдорфѣ.
3-й	„	Арриги		въ Лейпцигѣ.
Молодая гвардія			„	въ Польквицкомъ лагерѣ близъ Торгау.
Старая	„		„	въ Дрезденѣ.

Задержанный въ Австріи послѣ своего отступленія изъ Россіи и непринимавшій участія въ весеннемъ походѣ, VIII корпусъ князя Понятовскаго—прибылъ къ 10 Іюня въ Циттау.

---

[1]) Конечно, никто не станетъ спорить, что онъ терпѣть не могъ С. Сира, который платилъ ему тѣмъ-же, и однако онъ все таки сдѣлалъ его маршаломъ.

[2]) См. Карту № 1.

I корпусъ Даву и присоединившійся датскій контингентъ занимали Гамбургъ и Любекъ.

IX корпусъ Ожеро—формировался у Вюрцбурга. Баварцы, которые также должны были составить корпусъ подъ начальствомъ графа Вреде, собирались, и притомъ крайне медленно, у Мюнхена. Италіанская армія Евгенія Богарне организовалась на пространствѣ между Миланомъ и Удино.

Остальныя войска Императора — составляли гарнизоны многочисленныхъ крѣпостей.

Къ началу перемирія положеніе этихъ крѣпостей представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Замостье и Модлинъ занимались каждая 4—5 т. человѣкъ, почти исключительно изъ польскихъ войскъ, и еле держались.

Въ Данцигѣ, приведенномъ въ первоклассную крѣпость, благодаря трудамъ своего коменданта, энергичнаго Раппа, былъ запертъ весь X корпусъ, попавшій туда при отступленіи изъ Россіи вмѣстѣ съ многими другими остатками великой арміи. Весь гарнизонъ состоялъ изъ 35/т. слишкомъ человѣкъ, но большая часть его, вслѣдствіе голода, тифа и другихъ заразныхъ болѣзней, представляло изъ себя лишь безполезное бремя, медленно умиравшее по многочисленнымъ госпиталямъ.

Данцигъ блокировался 11/т. отрядомъ принца Александра Виртембергскаго.

Штетинъ на Одерѣ защищался 8/т. гарнизономъ, подъ начальствомъ храбраго генерала Дюфресса, и, вслѣдствіе обилія запасовъ и полной исправности верковъ, могъ еще долго держаться. Его блокировалъ прусскій 11/т. корпусъ Тауэнцина.

Въ Кюстринѣ находилось 7 т. ч. генерала Фурнье-д'Альбъ. Онъ осаждался генералами Воронцовымъ и Гельфрейхомъ.

Глогау — былъ деблокированъ французами за нѣсколько дней до перемирія.

Всѣ крѣпости по Эльбѣ: Витенбергъ, Торгау и Магдебургъ, занимались французскими отрядами, и были вполнѣ во власти Наполеона. Но Шпандау — цитадель Берлина, а также Торнъ и Ченстоховъ, были для него потеряны, такъ какъ перешли въ руки союзниковъ до окончанія весенняго похода.

Противники Императора были расположены:

Главная союзная армія между Пильценомъ, Нейссе и Олау.

Прусскій корпусъ Бюлова къ югу отъ Берлина.

Шведскій корпусъ Бернадотта, высадившійся 18 Мая у Штральзунда, между этимъ городомъ и Бойценбургомъ на нижней Эльбѣ.

Большая часть австрійской арміи собиралась у крѣпости Праги, а затѣмъ и по границамъ Италіи и Баваріи.

Въ пространствѣ между Гамбургомъ, Берлиномъ, Бреславлемъ, Прагой и Лейпцигомъ должны были, повидимому, разыграться первые акты грядущей борьбы. И вотъ, эта мѣстность привлекаетъ на себя особенное вниманіе Императора.

Пути изъ Богеміи чрезъ Рудные, Лузацкіе и Исполиновые горы въ равнины Саксоніи и Силезіи, дороги отъ Дрездена къ Берлину, Бреславлю и Прагѣ, теченіе Эльбы и ея притоковъ, все это подробнѣйшимъ образомъ изучается имъ по картѣ, а разосланные во всѣ стороны ординарцы должны составить ему детальныя описанія всѣхъ важнѣйшихъ мѣстныхъ предметовъ и тѣмъ дополнить картину о предстоящемъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ описаніяхъ этихъ никто изъ ординарцевъ не имѣлъ права высказывать свои личные взгляды о вѣроятномъ вліяніи того или другаго обслѣдованнаго имъ мѣстнаго предмета на ходъ военныхъ событій, такъ какъ приказъ отъ 9-го Августа 1809 года гласилъ совершенно опредѣлительно: „когда я приказываю произвести рекогносцировку, то вовсе не желаю, чтобы мнѣ представляли цѣлый планъ кампаніи. Въ донесеніяхъ рекогносцера никогда не должно встрѣчаться слово противникъ. Дѣло его обслѣдовать дороги, изучить ихъ свойства, подъемы, спуски, обрывы, препятствія, опредѣлить возможно-ли по нимъ движеніе повозокъ или нѣтъ, но при этомъ отнюдь не позволять себѣ вступать въ безполезныя разсужденія и строить планы кампаній".

Детальное изученіе упомянутой выше полосы мѣстности, ясно указывало на намѣреніе его возобновить борьбу на томъ-же пространствѣ, которое было занято его войсками ко времени заключенія перемирія.

Ожидаемое присоединеніе къ союзникамъ Австріи, и охватывающее положеніе Богеміи относительно Саксоніи, Лузаціи и Силезіи — давало его противникамъ полную возможность направить свои движенія какъ въ пространство между Одеромъ и Эльбой, такъ и въ пространство между этой послѣдней рѣкою и рѣкой Саалой, а это вызывало необходимость быть въ состояніи быстро и легко перекидывать войска съ одного берега Эльбы на другой, для чего все теченіе ея и должно было быть вполнѣ во власти французовъ.

Въ средней части рѣки—крѣпости Магдебургъ, Витенбергъ и Торгау, уже представляли изъ себя три совершенно обезпеченныхъ дебуше, но на обоихъ флангахъ этой 450 верстной линіи—между Магдебургомъ и устьемъ, и между Торгау и „Эльбскими воротами" черезъ Рудныя горы, не было ни одной, хотя сколько нибудь прикрытой, переправы.

Въ виду вышесказаннаго, первыя-же мѣропріятія Наполеона по заключеніи перемирія и были направлены къ исправленію этого чрезвычайно важнаго недостатка. Узнавъ, 7 Іюня въ городѣ Бунцлау, на пути

своемъ изъ Неймарка въ Дрезденъ, о занятіи французскими войсками Гамбурга, обладаніе которымъ было для него „вопросомъ первостепенной политической и большой военной важности“, онъ въ тотъ-же день пишетъ Даву подробнѣйшую инструкцію объ укрѣпленіи города и посылаетъ ему въ помощь начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса, талантливаго генерала Гаксо. Отправленный одновременно съ Гаксо, ординарецъ Императора, инженерный капитанъ Караманъ, лично познакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Гамбургѣ, долженъ былъ доставить ему подробнѣйшія свѣдѣнія о всемъ видѣнномъ.

Въ инструкціи Даву, мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: [1].

„....Такой большой городъ какъ Гамбургъ не можетъ обороняться иначе, какъ при посредствѣ гарнизона въ 25,000 человѣкъ и многочисленной артиллеріи; а для того, что-бы рисковать запереть въ немъ 25,000 человѣкъ съ громаднымъ количествомъ орудій, необходимо, чтобы городъ былъ-бы крѣпостью, способною выдержать правильную осаду въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Для того-же, чтобы привести Гамбургъ въ подобное состояніе потребуется не менѣе 10 лѣтъ работы и затрата въ 50—40 милліоновъ франковъ.

Не смотря однако на это, я хочу сохранить за собой Гамбургъ, и не только въ случаѣ возмущенія жителей, или нападенія полевыхъ войскъ, но даже и тогда, когда противъ него будетъ дѣйствовать цѣлый осадный корпусъ.

Я хочу, въ случаѣ появленія передъ городомъ арміи въ 50,000 человѣкъ, не только того, что-бы онъ былъ обезпеченъ отъ нападенія открытой силой, но также и того, чтобы верки его были бы въ состояніи заставить противника начать правильную осаду и затѣмъ держаться противъ нея въ теченіе 15—20 дней.

Всего этого я желаю достигнуть, въ этомъ-же году, съ расходомъ не болѣе 2—3 милліоновъ, при посредствѣ 100—150 крѣпостныхъ орудіяхъ и гарнизона не свыше 6,000 человѣкъ. Я желаю при этомъ, въ случаѣ если городъ и будетъ взятъ послѣ 15—20 дней правильной осады, то все-же не потерять ни гарнизона, ни орудій, такъ какъ гарнизонъ долженъ тогда запереться въ цитадель и держаться въ ней въ теченіе одного-двухъ мѣсяцевъ противъ правильной осады, что конечно будетъ зависѣть отъ состоянія цитадели.

Какъ достигнуть вышесказаннаго, объясняетъ нижеслѣдующее:

Надо работать не теряя ни часу времени.

24 часа спустя по прибытіи моего ординарца, 10,000 человѣкъ должны уже быть за работой. Вы должны: 1° приказать безъ всякаго

---

[1]) Nr. 20104.

снисхожденія снести всѣ постройки на существующемъ земляномъ валѣ вокругъ города; убытки владѣльцамъ—на счетъ города.

2° снести всѣ дома на гласисѣ.

3° снести всѣ дома на мѣстности, назначенной подъ цитадель.

4° приказать одновременно съ этимъ усилить профили всѣхъ брустверовъ, для чего углубить всѣ рвы.

5° приказать построить подъемные мосты противъ всѣхъ воротъ.

6° приказать насыпать равелины передъ всѣми выходами.

7° наполнить рвы, насколько возможно, водою.

8° сдѣлать все необходимое, что-бы быть въ состояніи производить наводненія вездѣ, гдѣ только можно.

9° Задѣлать горжевые фасы всѣхъ бастіоновъ; самыхъ большихъ и самыхъ важныхъ — стѣнами съ амбразурами; менѣе важныхъ — хорошими палисадами.

10° Разработать прикрытый путь и гласисъ; палисадировать прикрытый путь.

11° Поставить на каждый бастіонъ, по крайней мѣрѣ, по 4 орудія; два 12-сантиметровыхъ, или большаго калибра, и 2—калибра поменьше.

12° Поставить въ двухъ самыхъ большихъ бастіонахъ мортиры такъ чтобы можно было стрѣлять и противъ города, а особенно-же, въ томъ бастіонѣ и части прилегающей къ нему ограды, которые находятся между двумя озерами, почему они легко и могутъ быть замкнуты съ горжи и превращены, такимъ образомъ, въ родъ цитадели.

13° Возстановить укрѣпленія, прикрывающія большое предмѣстье, хорошо ихъ палисадировать и построить въ нихъ нѣсколько блокгаузовъ.

14° Построить на всѣхъ островахъ системы редутовъ и плотинъ; устроить мосты на сваяхъ черезъ маленькіе рукава; сдѣлать по два большихъ парома на каждомъ изъ большихъ рукавовъ, одинъ на время прилива, другой на время отлива, такъ что-бы быть въ состояніи перевозить сразу 100 лошадей и 500 пѣхотинцевъ; усилить профиль, палисадировать и вооружить верки Гарбурга.

Разъ всѣ эти работы будутъ исполнены, а на это требуется лишь небольшое число мѣсяцевъ, то очевидно, что 4 артиллерійскихъ роты и 5,500 человѣкъ — будутъ вполнѣ въ состояніи защищать Гамбургъ.

Для завершенія всей системы укрѣпленій, приступите къ постройкѣ цитадели между рѣкою и городомъ, такъ чтобы цитадель, острова и Гамбургъ, составили одно связанное между собой цѣлое. Цитадель эта, на первое время, можетъ быть построена и изъ земли, съ водяными рвами, хорошими палисадами и деревянными блиндажами для снарядовъ, пороха и гарнизона....“

Остановившись при чтеніи „Correspondance“ на этомъ мѣстѣ письма, заключающаго въ себѣ цѣлый курсъ фортификаціи, всякій, конечно, подумаетъ, что Гамбургъ былъ также хорошо извѣстенъ Наполеону какъ Парижъ, и что онъ неоднократно бывалъ въ немъ; но, на самомъ дѣлѣ, это было не такъ; продолжая чтеніе письма, мы находимъ слѣдующія слова:

„Вы знаете я никогда не видѣлъ Гамбурга; нужно поэтому вникнуть въ духъ моего приказанія, а не въ подробности письма, и быть къ 15 Іюня въ состояніи оставить безъ всякихъ опасеній въ Гамбургѣ, совершенно изолированнымъ, гарнизонъ въ 6,000 человѣкъ, при чемъ сообщеніе его съ лѣвымъ берегомъ рѣки было-бы вполнѣ обезпечено“.

Совершенно подобный характеръ, какъ только-что приведенная инструкція, носили и всѣ другія распоряженія Наполеона по всѣмъ отраслямъ подготовки къ предстоящей кампаніи.

Кромѣ превращенія Гамбурга въ крѣпость, по первоначальнымъ его планамъ, на нижней Эльбѣ должны были быть возведены еще два большихъ укрѣпленія временнаго характера: у устья Гавеля и у Плауенскаго канала; но, въ виду оказавшихся неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, они были замѣнены постройкой двойнаго тетъ-де-пона у города Вербена.

Еще большимъ предметомъ постоянныхъ заботъ Императора, сравнительно съ сѣвернымъ, былъ крайній южный участокъ Эльбы, между Дрезденомъ и горами Богеміи.

Въ окрестностяхъ Дрездена, отстоящаго отъ австрійской границы всего на 30—35 верстъ, могли разыграться въ теченіе предстоящей кампаніи событія первостепеннѣйшей важности.

Въ своихъ ежедневныхъ прогулкахъ, то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ каретѣ, знакомился Наполеонъ, какъ съ обоими Эльбскими берегами на этомъ участкѣ рѣки, такъ и со всей мѣстностью, находившейся по ихъ сторонамъ.

По его проэкту, въ теченіе лѣта 1813 года, городъ Дрезденъ, бывшій до 1809 года крѣпостью, долженъ былъ быть опять обнесенъ сплошной оградой.

Отъ 3 до 6 т. человѣкъ должны были составить гарнизонъ собственно города [1]). Кромѣ того, на правомъ берегу рѣки, Наполеонъ приказалъ начать работы по постройкѣ укрѣпленнаго лагеря на 50—60 тысячъ человѣкъ, такъ—какъ считалъ, что только при содѣйствіи находящихся гдѣ нибудь по близости полевыхъ войскъ, Дрезденъ могъ

---

[1]) Nr. 20192.

выполнить въ случаѣ надобности роль крѣпости противъ серіозной атаки [1]).

Корпусъ, предназначавшійся защищать Дрезденъ, не долженъ былъ все время находиться въ непосредственной его близости, но маневрировать по обоимъ берегамъ Эльбы на всемъ ея южномъ участкѣ.

Въ этомъ отношеніи важную роль должны были играть укрѣпленія Кёнигштейна и Лиліенштейна, двухъ большихъ каменныхъ глыбъ, стоящихъ другъ противъ друга, по правому и лѣвому берегу рѣки, верстахъ въ 10-ти отъ выхода ея изъ Богемскихъ горъ, и образующихъ естественную неприступную крѣпость.

Оцѣнивъ значеніе этихъ пунктовъ, Наполеонъ приказалъ усилить ихъ нѣсколькими незначительными постройками, соединить между собою двумя мостами, вооружить артиллеріей и считалъ, что гарнизонъ въ 800 человѣкъ будетъ въ состояніи противодѣйствовать арміи въ 50,000 [2]).

Въ самой крѣпости предполагалось устроить, кромѣ того, укрѣпленный лагерь на 10,000 человѣкъ, а въ ея окрестности – другой на 50—60,000 чел., все для того-же корпуса, который долженъ былъ защищать Дрезденъ.

Для безпрепятственнаго движенія войскъ, всѣ существовавшія дороги приказано было разработать, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ на нихъ, фронтомъ къ югу, насыпать и укрѣпленія [3]).

Между Лиліенштейномъ и Штольпеномъ была проложена совершенно новая дорога, выходившая на большой Дрезденъ-Бреславльскій трактъ.

Маршалъ Гувіонъ С. Сиръ, временно пребывавшій безъ дѣла въ Дрезденѣ, предназначался къ командованію войсками, которыя должны были дѣйствовать на этой мѣстности, а потому, въ началѣ Іюня, и получилъ приказаніе Императора имѣть общее наблюденіе надъ работами у Кёнигштейна, а также и произвести, инкогнито, рекогносцировку какъ теченія Эльбы, такъ и всѣхъ горныхъ проходовъ къ западу отъ рѣки, и составить проэктъ о наилучшемъ способѣ ихъ укрѣпленія

Подобное же порученіе произвести рекогносцировку горныхъ проходовъ, но только къ востоку отъ Эльбы, получилъ, нѣкоторое время спустя, и маршалъ Макдональдъ.

Кромѣ этихъ главныхъ работъ по усиленію театра въ инженерномъ отношеніи, Наполеонъ, въ теченіе всего лѣта, не переставалъ за-

---

[1]) Безъ этого-же, возведенныя укрѣпленія, по его мнѣнію, были не болѣе какъ средствомъ обезпечить городъ отъ внезапнаго его захвата большимъ кавалерійскимъ отрядомъ съ конной артиллеріей, если только противники способны проникнуться мыслью о возможности подобнаго предпріятія.

[2]) №№ 20169 и 20170.

[3]) № 20161.

ботиться о возможно лучшемъ укрѣпленіи и другихъ пунктовъ, у которыхъ могли предвидѣться серіозныя дѣйствія. Всѣ позиціи на Дрезденъ-Бреславльской дорогѣ тщательно изучались, и проэкты ихъ усиленія земляными постройками заблаговременно разработывались въ штабахъ тѣхъ корпусовъ, которые были расположены по ихъ близости.

На дорогахъ Дрезденъ-Берлинъ и Гоерсверда-Берлинъ, находящіеся среди болотъ рѣки Шпрее, города Луккау и Люббенъ, приказано было обнести земляными валами, съ палисадами и водяными рвами.

Крѣпости Торгау, Витенбергъ и Магдебургъ, а также и цитадели Вюрцбурга и Эрфурта, приводились въ вполнѣ исправный видъ.

Лейпцигъ обносился валомъ.

Во всѣхъ укрѣпленныхъ пунктахъ театра должны были сосредоточиться большіе запасы продовольствія для собиравшихся войсковыхъ массъ.

Вслѣдствіе длиннаго ряда войнъ, разброски войскъ по всѣмъ почти государствамъ Европы, нахожденія въ рядахъ множества иностранныхъ контингентовъ и спѣшности созданія новыхъ вооруженныхъ силъ послѣ погрома 1812 года, организація и комплектованіе французской арміи представлялись въ описываемое время въ невыразимо сложномъ и хаотическомъ видѣ.

Остатки великой арміи, новосозданные полки изъ когортъ національной гвардіи, контингенты Италіи, Польши, Бадена, Гессена, Вестфаліи, Вюртемберга, Баваріи, Саксоніи, Неаполя, Илиріи, Даніи, Веймара, Готы, — вотъ тѣ разнородные элементы, изъ которыхъ такъ мастерски составилъ Наполеонъ къ лѣту 1813 года свою армію, и которые должны были послужить и къ дальнѣйшему ея увеличенію почти вдвое.

Кромѣ уже существовавшихъ, въ теченіе лѣта, онъ создалъ XIII и XIV армейскіе и 4 и 5 кавалерійскіе корпуса, и предполагалъ довести число всѣхъ войскъ, собранныхъ на средней и нижней Эльбѣ, до цифры въ 500,000 человѣкъ при 1,200 орудіяхъ.

Гвардія была доведена до состава 2 дивизій старой и 4 дивизій молодой гвардіи; гвардейская кавалерія состояла изъ 3 дивизій.

Всѣ армейскіе корпуса имѣли, приблизительно, слѣдующую организацію. 3 дивизіи пѣхоты (въ III было 5; въ I и XIV—4 и въ VIII—1), 1 бригада легкой кавалеріи и артиллерійскій резервъ корпуса въ двѣ восьми-орудійныя батареи.

Всякая пѣхотная дивизія, за немногими исключеніями, состояла изъ двухъ бригадъ, а бригада изъ 2—3 полковъ; полки же имѣли отъ 1 до 4 батальоновъ; иногда полки образовались изъ 2—3 батальоновъ различныхъ старыхъ полковъ, и тогда получали названіе временнаго полка (régiment provisoir). Дивизія составлялась, по возможности, изъ одно-

родныхъ контингентовъ; при каждой изъ нихъ имѣлось двѣ восьми-орудійныхъ батареи дивизіонной артиллеріи; при корпусной кавалеріи состояла одна 6-ти орудійная конная батарея.

Отдѣльные кавалерійскіе корпуса имѣли отъ 2 до 5 дивизій и отъ 4 до 10 конныхъ батарей; число эскадроновъ въ корпусѣ колебалось отъ 87 до 32.

При каждомъ изъ этихъ корпусовъ былъ сформированъ партизанскій отрядъ въ 1500 коней, съ 6 или 12 орудіями; отряды эти должны были находиться подъ командою лучшихъ изъ бригадныхъ командировъ и предназначались для несенія службы впереди фронта арміи, производства дальнихъ развѣдокъ, набѣговъ, и противодѣйствія непріятельскимъ партизанамъ [1].

Такова была организація французской арміи. Нельзя, разумѣется, не признать, что организація эта отличалась большимъ совершенствомъ по идеѣ, хотя несомнѣнно, въ ней были и нѣкоторые существенные недостатки.

Многіе корпуса и даже нѣкоторыя дивизіи состояли изъ войскъ совершенно различныхъ національностей. Кавалерія по прежнему была неудовлетворительна. Армія была молода и неопытна, а артиллеріи при ней было слишкомъ мало — не болѣе 2,5 орудій на 1,000 человѣкъ.

Но, конечно, все что можно было сдѣлать, чтобы устранить или ослабить эти недостатки, было сдѣлано Наполеономъ; имѣя-же въ виду, что въ описываемое время, онъ былъ крайне стѣсненъ и въ матеріальномъ отношеніи, и что въ его распоряженіи лѣтомъ 1813 года имѣлось немногимъ болѣе 145 милліоновъ франковъ [2], которые должны были удовлетворить всѣмъ потребностямъ, какъ для подготовки, такъ и для продолженія борьбы, нужно только удивляться, какъ онъ могъ еще обойтись съ этими средствами.

При всѣхъ указанныхъ нами слабыхъ сторонахъ, армія, созданная имъ къ половинѣ Августа, была неизмѣримо выше той, съ которой онъ выступилъ въ весеннемъ походѣ. Она была и лучше обучена, и матеріальная часть ея также была въ гораздо лучшемъ состояніи.

Рѣдкій день во время перемирія проходилъ безъ того, чтобы войска не учились.

Прибывавшія-же въ полки укомплектованія тоже не теряли времени своего движенія даромъ и постоянно учились на походѣ. Дѣлалось это такимъ образомъ: каждое депо, снарядивъ и обучивъ насколько возможно

---

[1] №№ 19987, 20124, 20003, 20206, 20217, 20043, 20098, 20130, 20151, 20213, 20312.

[2] Thiers. Histoire du consulat et de l'empire XVI. p. 201.

своихъ конскриптовъ, формировало изъ нихъ маршевыя роты и отправляло въ армію; маршруты маршевымъ ротамъ составлялись такъ, чтобы онѣ на первыхъ-же переходахъ встрѣчались съ другими маршевыми ротами своей дивизіи и составляли-бы маршевые батальоны; маршевые батальоны одного и того-же корпуса сводились въ маршевые полки. Всѣмъ этимъ частямъ во время движенія производили ежедневныя ученья.

Шедшія изъ Франціи укомплектованія переходили Рейнъ у крѣпости Майнца, и здѣсь встрѣчались старымъ маршаломъ Келлерманомъ, который производилъ имъ смотры, а затѣмъ отправлялись дальше, уже въ составѣ маршевыхъ отрядовъ изъ трехъ родовъ оружія, по прежнему продолжавшихъ ежедневныя упражненія.

По прибытіи въ корпусные раіоны — отряды расходились по полкамъ и уже на мѣстѣ продолжали дальнѣйшее обученіе. Въ пѣхотѣ проходился полный курсъ стрѣльбы и затѣмъ устраивался рядъ состязаній на призы.

Конница обучалась въ полѣ дѣйствіямъ большими массами.

Кавалерійскіе полки получали людей и лошадей или изъ полковыхъ депо, или же изъ 4 большихъ кавалерійскихъ депо, устроенныхъ, подъ общимъ завѣдываніемъ генерала Бурсье, въ Везелѣ, Франкфуртѣ, Лейпцигѣ и Магдебургѣ [1]).

Артиллерійскія батареи формировались, преимущественно, при крѣпостныхъ арсеналахъ.

Во всѣ детали организаціи и комплектованія, постоянно входилъ лично самъ Императоръ. Онъ указывалъ откуда слѣдуетъ брать людей, лошадей и орудія для новыхъ частей, гдѣ купить и какъ перевести запасы продовольствія, назначалъ предѣльныя цѣны, и всегда зналъ самымъ точнымъ образомъ о ежедневныхъ перемѣщеніяхъ всѣхъ маршевыхъ командъ.

По проэкту Наполеона, къ открытію военныхъ дѣйствій, всѣ армейскіе корпуса должны были получить по одному обозному батальону въ 120 четверочныхъ повозокъ, которые были-бы въ состояніи поднять 10-ти дневный запасъ продовольствія. Большинство этихъ повозокъ нужно было построить въ теченіе лѣта, и для выработки наилучшаго ихъ типа, было собрано нѣсколько комиссій, въ работѣ которыхъ онъ принималъ самое живѣйшее участіе [2]).

Главныя обозныя депо устраивались въ Дрезденѣ и Магдебургѣ. Кромѣ продовольственнаго обоза, Наполеонъ приказалъ придать къ каждому корпусу по одной санитарной ротѣ въ 50 парныхъ повозокъ для уборки

---

[1]) №№ 20003 и 20191.

[2]) №№ 20050, 20161, 20265, 20291

200 раненыхъ съ поля сраженія; остальныхъ раненыхъ предполагалось перевозить средствами мѣстныхъ жителей.

Въ крѣпостяхъ устраивались большіе госпитали:

Въ Дрезденѣ	— на 8,000	больныхъ	и депо для	2,000	выздоравливающихъ.
Въ Магдебургѣ	— на 4,000	„	„	2,000	„
Въ Витенбергѣ	— на 1,000	„	„	1,000	„
Въ Торгау	— на 1,000	„	„	1,000	„
Въ Лейпцигѣ	— на 2,000	„	„	1,000	„
Въ Эрфуртѣ	— на 1,000	„	„	1,000	„
Въ Глогау	— на 4,000	„	„	2,000	„
Всего	на 24,000	больныхъ	и на	11,000	выздоравливающихъ.

Больныхъ, на скорое выздоровленіе которыхъ разсчитывать было нельзя, предполагалось эвакуировать въ близь лежащія деревни и мѣстечки и отдавать на попеченіе жителей при содѣйствіи военныхъ врачей [1]).

Всей госпитальной частью, какъ было уже выше указано, завѣдывалъ графъ Дарю. На его же обязанности лежали и распоряженія по продовольственной части.

Въ теченіе перемирія, войска обязаны были питаться, почти исключительно, мѣстными средствами, и лишь съ начала военныхъ дѣйствій пользоваться запасами интендантства. Для этой цѣли, въ продолженіе всего лѣта Наполеонъ собиралъ громадное количество продовольствія направлявшагося, главнымъ образомъ, въ Эльбскія крѣпости.

Къ 20 Іюля, дню открытія военныхъ дѣйствій по первоначальнымъ условіямъ Пойшвицкаго перемирія, въ Дрезденѣ долженъ былъ быть сосредоточенъ запасъ 2-хъ мѣсячнаго продовольствія на 150,000 ч. [2]).

Въ Магдебургѣ —	2 мѣсячный запасъ	на	80,000 ч.
Въ Кенигштейнѣ —	10-ти дневный	„ на	60,000 ч.
Въ Глогау —	2-хъ мѣсячный	„ на	40,000 ч.
Въ Эрфуртѣ —	10-ти дневный	„ на	150,000 ч.

Въ Бауценѣ, Герлицѣ и Бунцлау по 10-ти дневному запасу на 100,000 ч.

Для наполненія этихъ магазиновъ были приняты различныя мѣры: часть запасовъ дала контрибуція съ города Гамбурга; нѣкоторое количество зерна было собрано реквизиціоннымъ способомъ, съ обѣщаніемъ уплаты, въ государствахъ Рейнскаго союза, преимущественно-же въ Сак-

---

1) №№ 20050, 20139, 20191, 20219.

2) Всѣ приведенныя здѣсь цифры взяты изъ „Correspondance“. У Тьера эти цифры, почему-то, вдвое больше.

сопіи; часть муки находилась уже въ крѣпостяхъ Магдебургѣ и Глогау, еще съ прошлаго года; все же остальное, недостающее количество, пріобрѣталось покупкой, для чего и были открыты большіе хлѣбные рынки въ Богеміи, Саксоніи, Байретѣ и Бамбергѣ [1]).

Кромѣ хлѣба, Наполеонъ приказалъ производить вездѣ и большія закупки риса, такъ какъ считалъ необходимымъ давать его людямъ, для предупрежденія диссентеріи [2]).

Суточный раціонъ Наполеоновскаго солдата состоялъ изъ $1^1/_2$ франц. фунтовъ хлѣба (около 2 нашихъ); онъ носилъ его на 4 дня.

Имѣя въ виду большую питательность риса, Императоръ приказалъ уменьшить вѣсъ раціона до одного фунта, но зато составить его изъ $^3/_4$ ф. хлѣба и $^1/_4$ ф. риса; при этомъ, онъ находилъ возможнымъ довести тяжесть носимаго продовольствія до 12 фунтовъ, т. е. заставить солдата носить на себѣ 12-ти дневный запасъ пищи [3]).

Все съ той же цѣлью, какъ можно лучше обезпечить войска продовольствіемъ при всякой обстановкѣ, лѣтомъ 1813 года, по приказанію Наполеона, было заготовлено 1,000 ручныхъ желѣзныхъ мельницъ, которыя и были розданы по двѣ на батальонъ и могли каждая перемалывать за сутки 500 раціоновъ [4]).

Для обезпеченія войскъ мясомъ въ Дрезденѣ было собрано около 5,000 головъ скота; каждой корпусъ имѣлъ тоже свой порціонный скотъ. Во всѣхъ крѣпостяхъ находились запасы солонины.

Спиртъ закупался значительными партіями. Многочисленныя фабрики Саксоніи доставляли большое количество сукна и холста для постройки платья и бѣлья. Въ Дрезденѣ были устроены обширныя обмундировальныя мастерскія.

Порохъ, ядра, ружья, сабли, пики, латы, каски, доставлялись изъ Франціи, или брались заимообразно у королей Баварскаго, Виртембергскаго и Саксонскаго; команды оружейниковъ находились во всѣхъ крѣпостяхъ и при всѣхъ корпусахъ [5]).

Ни одна мѣра, какъ-бы она не была на первый взглядъ мелочна, въ снабженіи войскъ всѣми видами довольствія, не упускалась изъ виду Наполеономъ, и если нѣкоторыя изъ нихъ все таки не были приведены въ исполненіе, то единственной этому причиной являлся дурной составъ французскаго интендантства, а никакъ не недостатокъ предусмотрительности Императора.

---

[1]) №№ 20139, 20142, 20173, 20191, 20231, 20258.
[2]) № 20137.
[3]) № 20173.
[4]) №№ 20111, 20181, 20271.
[5]) №№ 20092, 20148, 20257, 20264, 20303.

Для движенія 200 слишкомъ тысячной массы подошедшихъ къ Августу укомплектованій, вмѣстѣ съ безконечно длинными вереницами повозокъ со всевозможной кладью, были устроены слѣдующія военно-этапныя линіи:

1) Майнцъ — Фульда — Эрфуртъ — Іена — Гера — Рохлицъ — Дрезденъ, служившая главной коммуникаціонной линіей съ Франціей и имѣвшая протяженіе до 400 слишкомъ верстъ.

Параллельно ей, но только на время до возобновленія военныхъ дѣйствій, были открыты и двѣ другія военныя дороги. 2) Майнцъ—Вюрцбургъ—Бамбергъ—Хемницъ—Дрезденъ и 3) Майнцъ—Франкфуртъ—Кассель—Мейссенъ—Дрезденъ. На главную коммуникаціонную линію у г. Фульды выходилъ и военно-этапный путь изъ Италіи: Миланъ—Аугсбургъ—Вюрцбургъ—Фульда [1]).

Коммуникаціонной линіей къ нижней Эльбѣ служилъ превосходный путь Везель—Мюнстеръ—Бременъ—Гамбургъ.

Сама Эльба тоже служила коммуникаціонной линіей; по теченію ея, между Дрезденомъ и Гамбургомъ, все лѣто ходили большіе караваны судовъ.

На каждомъ этапѣ имѣлись эстафетныя станціи.

Между Парижемъ и Дрезденомъ дѣйствовалъ оптическій телеграфъ.

Штабы всѣхъ корпусовъ были связаны постами летучей почты и обязаны были ежедневно обмѣниваться другъ съ другомъ извѣстіями [2])....

Въ только-что приведенномъ очеркѣ подготовки Наполеона къ предстоящей кампаніи, нами пропущенъ весьма существенный отдѣлъ о мѣрахъ, принятыхъ имъ для сбора свѣдѣній о противникѣ; на основаніи нѣкоторыхъ указаній „Correspondance“, мы имѣемъ возможность сказать по этому поводу лишь весьма немногое, а именно, что лѣтомъ 1813 года графу Нарбонну, посланнику Императора при вѣнскомъ дворѣ, было поручено раскинуть сѣть шпіоновъ по Богеміи, а генералу Герсдорфу, саксонскому военному министру, по Германіи; вопросъ-же о томъ, какъ именно была организована эта служба, намъ, за отсутствіемъ матеріаловъ, къ сожалѣнію выяснить не удалось.

Во время всего лѣта, рядомъ съ приготовленіями къ новой кампаніи, не прерывались и переговоры съ союзниками о мирѣ.

Какъ извѣстно, переговоры эти не привели ни къ чему.

---

[1]) № 20055.
[2]) № 20136.

Образовавшаяся къ осени коалиція изъ Россіи, Пруссіи, Австріи, Англіи и Швеціи, предлагала Наполеону миръ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Возстановленіе Австріи въ степени могущества и въ объемѣ территоріи, сообразно съ положеніемъ ея до 1805 года, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи.

2) Возстановленіе Пруссіи въ такихъ предѣлахъ, въ какихъ она находилась до 1806 года.

3) Расторженіе Рейнскаго союза; независимость Германіи и возвращеніе ей сѣверныхъ областей, присоединенныхъ къ Франціи.

4) Раздѣлъ Варшавскаго герцогства.

5) Отдѣленіе Голландіи отъ Франціи.

6) Возстановленіе Бурбоновъ на испанскомъ престолѣ.

7) Независимость Италіи отъ вліянія и владычества Франціи.

Тьеръ, разсматривая эти требованія, упрекаетъ Наполеона въ томъ, что онъ не согласился купить миръ цѣной этихъ уступокъ, такъ какъ Франціи и тогда оставалось-бы очень многое изъ того, чего она лишилась послѣ кампаніи 1814 года.

Можетъ быть Тьеръ и совершенно правъ съ точки зрѣнія абстрактной политической мудрости: но стать на эту точку зрѣнія Наполеонъ, очевидно, не могъ.

Вся его карьера и все его обаяніе были именно основаны на томъ, что онъ всегда самъ писалъ всѣмъ законы, а потому, разумѣется, вполнѣ понятенъ и отвѣтъ, данный имъ Меттерниху, прибывшему 28 Іюня въ Дрезденъ, для личныхъ переговоровъ:

„Я не могу согласиться на эти условія.... Знайте Меттернихъ, что Ваши монархи, рожденные на тронѣ, не могутъ понять тѣхъ чувствъ, которыя руководятъ мною. Если они оканчиваютъ войну неудачно, то возвращаются въ свои столицы и дѣло на этомъ и кончается. Но я, я солдатъ; мнѣ нужны почести и слава; я не могу появляться приниженнымъ среди моего народа; необходимо, чтобы я оставался великимъ, покрытымъ славою и возбуждающимъ удивленіе... “

Хотя для обѣихъ сторонъ и очевидно было, что соглашеніе на приведенныхъ выше условіяхъ состояться, конечно, не можетъ, тѣмъ не менѣе, рѣшено было, чтобы протянуть время подъ благовиднымъ предлогомъ до половины Августа, собрать въ Прагѣ конгрессъ изъ представителей Россіи, Пруссіи и Франціи, подъ предсѣдательствомъ Австріи.

Наполеонъ, отправляя на этотъ конгрессъ своихъ уполномоченныхъ и не вѣря, разумѣется, въ благополучный исходъ совѣщаній, сохранилъ все-же, хотя внѣшнее приличіе, такъ какъ назначилъ для этой цѣли Коленкура и графа Нарбонна, двухъ своихъ очень приближенныхъ людей.

Россія же и Пруссія не сдѣлали даже и этого. Съ нашей стороны былъ представителемъ третьестепенный дипломатическій чиновникъ г. Анштедтъ, а со стороны Пруссіи Вильгельмъ Гумбольтъ, извѣстный только тѣмъ, что былъ братомъ знаменитаго ученаго.

Послѣ многихъ проволочекъ, конгрессъ открылъ свои дѣйствія 20-го Іюля, а 10-го Августа должно было уже окончиться перемиріе.

Въ концѣ Іюля, Наполеонъ отправился на нѣсколько дней въ Майнцъ, чтобы повидаться съ Маріей-Луизой.

Вмѣстѣ съ Маріей-Луизой прибылъ въ Майнцъ и Савари, главный начальникъ полиціи, который сдѣлалъ Императору очень мрачный докладъ о состояніи французскаго общества. Настроеніе умовъ въ баварскихъ, виртембергскихъ и италіанскихъ полкахъ было также очень подозрительнымъ.

Іеронимъ, король Вестфаліи, чувствовалъ себя такъ непрочно, что просилъ для охраны своей особы французскій конвой.

Графъ Беньо, видѣвшій Наполеона въ концѣ Іюля въ Майнцѣ, разсказываетъ, что Императоръ, болѣе чѣмъ когда нибудь, обладалъ въ эту эпоху силою воли и ума, но, уже не держалъ себя такъ непринужденно, какъ прежде, а напротивъ, какъ-бы играя какую-то роль, старался въ разговорѣ сильно преувеличивать свои средства къ борьбѣ, и при этомъ, прямо глядя въ глаза слушающимъ, повидимому, желалъ узнать вѣрятъ-ли они ему или нѣтъ.

Конечно, эта манера держать себя, никакъ не можетъ быть объяснена тѣмъ, что, какъ говорилъ графъ Іоркъ, Наполеонъ уже потерялъ въ это время, способность правильно понимать истинное положеніе дѣлъ, а видѣлъ его такимъ, какъ это являлось желательнымъ его фантазіи.

Онъ, безъ сомнѣнія, понималъ всю затруднительность своего положенія, а если старался скрыть отъ всѣхъ, что почва уже колеблется подъ его ногами, то только потому, что ни въ комъ не могъ разсчитывать встрѣтить нравственную поддержку. Едва-ли даже и свиданіе съ Маріей-Луизой, у которой въ это время уже завязывался романъ съ графомъ Нейпергомъ, могло принести ему большое душевное успокоеніе.

Когда однажды, графъ Беньо сѣлъ ошибочно въ кресло Наполеона, то послѣдній сказалъ ему полушутя: „Вы кажется во чтобы-то ни стало, хотите занять мое мѣсто. Замѣтьте, что Вы дѣлаете это въ очень дурное время“ [1]).

Эта фраза, вмѣстѣ съ другой, написанной въ первыхъ числахъ Августа Даву, что: „положеніе наше чрезвычайно серіозно“ [2]), а также

---

[1]) Mémoires du comte Beugnot. II. p. 1, 17, 20.

[2]) Nr. 20339.

и распоряженія, отданныя имъ въ Майнцѣ о приведеніи въ порядокъ крѣпостей по Рейну и о начатіи постройки двухъ новыхъ — Кельна и Кобленца, показываютъ, что Наполеонъ вовсе не заблуждался относительно трудности своего положенія.

4-го Августа вечеромъ онъ вернулся въ Дрезденъ и немедленно-же спросилъ: „что дѣлается въ Прагѣ?"

Разумѣется, тамъ ничего не было сдѣлано.

Понимая какое огромное значеніе будетъ имѣть Австрія въ предстоящей борьбѣ и желая, если и не купить съ ней миръ, то по крайней мѣрѣ, насколько возможно, замедлить вступленіе ея въ коалицію, онъ рѣшилъ, наконецъ, пожертвовать всѣмъ тѣмъ, что допускало его самолюбіе, и приказалъ Коленкуру спросить Меттерниха подъ величайшимъ секретомъ, цѣною какихъ уступокъ Австрія согласится разорвать съ союзниками и вновь перейти на сторону Франціи.

7-го Августа графъ Меттернихъ сообщилъ свои условія, заключившіяся въ слѣдующемъ:

1) Раздѣлъ Варшавскаго герцогства.

2) Возстановленіе независимости Ганзеатическихъ городовъ.

3) Возстановленіе Пруссіи съ границей по Эльбѣ.

4) Возвращеніе Иллирійскихъ провинцій съ Тріестомъ.

Къ условіяхъ этимъ было прибавлено, что если къ полуночи съ 10 на 11-ое Августа на нихъ не будетъ получено согласіе, то Австрія окончательно переходитъ на сторону союзниковъ и объявляетъ войну.

На это Наполеонъ послалъ такой отвѣтъ: „Герцогства Варшавскаго не будетъ; согласенъ. Но Данцигъ остается вольнымъ городомъ. Иллирійскія провинціи будутъ уступлены Австріи; можно даже отказаться и отъ гавани Фіуме; но Тріестъ не будетъ возвращенъ. Рейнскій союзъ распространится до Одера. Наконецъ, будетъ гарантирована цѣлость Датскихъ владѣній".

10-ое Августа было послѣднимъ днемъ перемирія. Въ этотъ день въ Дрезденѣ было отпраздновано съ большимъ торжествомъ рожденіе Императора, приходившееся въ дѣйствительности на 15-ое. Утромъ былъ парадъ, затѣмъ общій обѣдъ гвардіи, а вечеромъ блестящая иллюминація.

Ровно въ полночь на 11-ое число зажглась и другая иллюминація: по всей длинѣ дороги отъ Праги до Трахенберга, ярко загорѣлись большія смоляныя вѣхи, извѣщавшія союзныя войска о прекращеніи перемирія.

Изъ войскъ этихъ предположено было образовать три арміи:

1) Богемскую, кн. Шварценберга, въ 237,000 ч. у м. Будина, изъ 111,000 австрійцевъ и 126,000 россійско-прусскихъ войскъ кн. Барклая

де-Толли, которыя немедленно-же должны были начать для этого передвиженіе изъ Силезіи въ Теплицкую долину.

2) Сѣверную — Бернадотта, въ 155,000 чел., въ окрестностяхъ Берлина и на нижней Эльбѣ.

и 3) Силезскую въ 100,000 чел. — генерала Блюхера, у Олау и Швейдница.

11-го утромъ, графъ Меттернихъ и Коленкуръ имѣли послѣднее оффиціальное совѣщаніе.

12-го — Австрія прислала формальное объявленіе войны.

Согласно условій перемирія, военныя дѣйствія должны были начаться 17-го числа.

ГЛАВА II.

Отъ начала кампаніи до полнаго оставленія французами праваго Эльбскаго берега.

Представленія Наполеона объ обстановкѣ 12-го Августа. — Видоизмѣненіе этихъ представленій къ вечеру 13-го числа.—Его инструкція.—Выступленіе въ Бауценъ.—Свѣдѣнія о противникѣ и предположенія о возможныхъ способахъ дѣйствій.—Движеніе противъ Блюхера.—Возвращеніе къ Дрездену.—Извѣстія о пораженіи Удино, Макдональда и Жирара.—Представленія Наполеона объ общемъ положеніи дѣлъ 30-го Августа.—Кульмская катастрофа.—Вторичное движеніе противъ Блюхера.—Вторичное возвращеніе въ Дрезденъ.—Пораженіе Нея.—Положеніе французской арміи къ концу Сентября.

Пользуясь нѣсколькими днями, оставшимися до открытія военныхъ дѣйствій, Наполеонъ, начиная съ утра 11-го Августа, почти не выходилъ изъ своего кабинета, гдѣ оканчивалъ отдачу послѣднихъ распоряженій.

Войска-же его, въ это время, заканчивали свои передвиженія къ тѣмъ пунктамъ, на которыхъ ихъ должно было застать начало кампаніи [1]):

Гвардейская кавалерійская дивизія Пажоля перешла къ Фрейбергу, наблюдая за горными проходами до Гофа.

Вновь сформированный XIV корпусъ С. Сира подошелъ къ Дрездену и расположился у Пирны, Кёнигштейна, Нейштадта и Берггисгюбеля.

Старая гвардія изъ Дрездена и молодая изъ Польквицкаго лагеря—двигались къ Гёрлицу.

---

[1]) См. карту № 2.

Туда-же шелъ и 1-й кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мабура.

Другой вновь сформированный корпусъ, I-й Вандамма, и часть 5-го кавалерійскаго, направлялись къ Бауцену.

VIII корпусъ князя Понятовскаго перешелъ въ Острицъ.

4-ый кавалерійскій корпусъ Келлермана занялъ Циттау.

II-ой корпусъ Виктора расположился у Ротенбурга.

III корпусъ Нея и 2-ой кавалерійскій Себастіани стояли у Лигница.

V „ Лористона — въ Гольдбергѣ.

VI „ Мармона — въ Бунцлау.

XI „ Макдональда — въ Левенбергѣ.

XII „ Удино переходилъ въ Барутъ.

IV „ Бертрана и VII корпусъ Рейнье — въ Луккау.

3-ій кав. „ Арриги двигался къ Даме.

XIII корпусъ Даву стоялъ впереди Гамбурга.

Сборный 12-ти тысячный отрядъ генерала Жирара находился у Магдебурга.

По рапорту, поданному Наполеону 6-го Августа Бертье, во всѣхъ только что перечисленныхъ войскахъ состояло на лицо:

Пѣхоты	330,000.
Кавалеріи	72,000.
Артиллеріи	33,000.
Піонеровъ	4 000.
Всего .	440,000.

Кромѣ того: гарнизонами по Эльбѣ—около 25,000 человѣкъ; гарнизонами по Вислѣ и Одеру — около 60,000 человѣкъ. Въ IX корпусѣ Ожро у Вюрцбурга — около 15,000 человѣкъ. Баварцевъ по Майну — около 20,000 чел. У вице-короля Евгенія въ Италіи — до 80,000 чел.

Всего — 440,000 перволинейныхъ войскъ и 200,000 остальныхъ.

Какъ-же рисовалась Наполеону обстановка, при которой ему приходилось открывать кампанію, и что намѣренъ онъ былъ предпринять?

12-го Августа, получивъ формальное объявленіе со стороны Австріи о войнѣ, онъ писалъ Нею и Мармону слѣдующее письмо: [1])

„Австрія объявила намъ войну; перемиріе окончилось; военныя дѣйствія начинаются 17-го. Вотъ планъ операцій, который вѣроятно я приму, окончательно закрѣпивъ свое рѣшеніе къ полуночи. Сосредоточить всю армію у Гёрлица и Бауцена, и въ Дрезденскомъ и Кёнигштейнскомъ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Если земляныя работы были произведены у Лигница и у Бунцлау, то ихъ разрушить.

---

[1]) № 20360.

Направить Удино съ XII, IV и VII корпусами на Берлинъ, одновременно съ тѣмъ, какъ генералъ Жираръ двинется съ 10,000 чел. изъ Магдебурга, а Даву съ 40,000 изъ Гамбурга.

Кромѣ этихъ 110,000 чел., идущихъ на Берлинъ, а оттуда на Штетинъ, я буду имѣть при себѣ: II, III, V, VI, VIII, XI и XIV армейскіе, 1, 2, 4 и 5 кавалерійскіе корпуса и гвардію, всего около 300,000 человѣкъ.

Съ этими 300,000 человѣкъ, я займу позицію между Гёрлицемъ и Бауценомъ, такъ, чтобы меня нельзя было-бы отрѣзать отъ Эльбы, чтобы я вполнѣ владѣлъ ея теченіемъ, могъ бы довольствоваться изъ Дрездена, видѣть, что намѣрены предпринять австрійцы и русскіе, и не пропускать случая пользоваться обстоятельствами. Я предпочелъ-бы остаться въ Лигницѣ, но отъ Лигница до Дрездена восемь переходовъ, отъ Бунцлау уже шесть, а отъ Герлица только четыре. Если же я займу промежуточную позицію между Герлицомъ и Бауценомъ, то будетъ уже только три.

Въ этомъ случаѣ означенная мѣстность будетъ заполнена войсками, и мы будемъ, такъ сказать, въ кучѣ; продовольствоваться-же въ продолженіе мѣсяца не составитъ для насъ труда.

Въ теченіе этого времени, мое лѣвое крыло займетъ Берлинъ и разсѣетъ все тамъ собранное; а если Австрійцы и Русскіе дадутъ намъ сраженіе, то мы ихъ раздавимъ. Въ случаѣ-же, если мы его и проиграемъ, то будемъ ближе къ Эльбѣ, и потому будемъ больше въ состояніи пользоваться ихъ глупостями.

Я не вижу причинъ, чтобы сомнѣваться на счетъ очищенія Лигница. Относительно же Бунцлау—дѣло нѣсколько иначе.

Я нисколько не обманываюсь на счетъ того, что эта позиція представляетъ мнѣ выгоды, въ случаѣ, если противникъ предприметъ движеніе между мной и Одеромъ; если же я стану между Бауценомъ и Гёрлицемъ, то противникъ, двигаясь чрезъ Бунцлау, можетъ направиться къ Гёрлицу.

Австрійская главная квартира находится въ Гиршбергѣ. Кажется австрійцы намѣрены оперировать черезъ Циттау.

Сообщите мнѣ, что Вы обо всемъ этомъ думаете.

Я полагаю, что все должно окончиться большимъ сраженіемъ, и думаю, что выгоднѣе его дать у Бауцена, въ двухъ или трехъ переходахъ отъ Эльбы, нежели въ пяти или шести; сообщенія мои при этомъ менѣе обнажаются; я могу легче продовольствоваться, тѣмъ болѣе, что къ тому времени, мое лѣвое крыло займетъ Берлинъ и очиститъ всю нижнюю Эльбу; операція эта вовсе не рискована, такъ какъ войска эти имѣютъ, на всякій случай, Магдебургъ и Витенбергъ для отступленія.

Конечно, я нѣсколько сожалѣю, что приходится оставить Лигницъ; но занимая его, было-бы трудно сосредоточить всѣ войска; слѣдовало-бы ихъ раздѣлить на двѣ арміи, и расположеніе наше отъ Бауцена до Лигница вдоль Богемской границы на протяженіи пяти переходовъ, на которыхъ противникъ можетъ всюду дебушировать, оставаясь при этомъ въ естественномъ положеніи, было-бы крайне затруднительно.

Нечего и говорить, что растягиваясь подобнымъ образомъ, необходимо будетъ показывать наступательныя намѣренія, довольствуясь быть отдѣленнымъ отъ непріятеля нейтральной полосой и однимъ или двумя льё.

Въ виду того, что Австрія выставила арміи противъ Баваріи и Италіи, я не думаю, чтобы здѣсь у нея было-бы больше 100,000. Я не думаю также, чтобы русскіе и пруссаки имѣли-бы до 200,000 — за вычетомъ войскъ у Берлина и въ направленіи къ нему. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, если желательно дать рѣшительное и блистательное сраженіе, то болѣе къ этому шансовъ представляетъ сосредоточенное расположеніе, съ тѣмъ, чтобы предоставить противнику наступать"...

Изъ письма этого видно, что въ общемъ, предстоящій образъ дѣйствій былъ намѣченъ Наполеономъ въ слѣдующемъ видѣ:

Лѣвымъ крыломъ, въ 100—110 т. чел., предпринять наступленіе къ Берлину, а главными силами, въ 300,000 ч., занять оборонительное положеніе по правую сторону Эльбы и ожидать въ немъ генеральнаго сраженія съ арміями противника, собранными въ Силезіи и Богеміи.

И это рѣшеніе Императора было какъ нельзя болѣе принаровлено къ обстоятельствамъ

Занятіе Берлина, очага германскаго національнаго движенія, а затѣмъ и помощь оттуда своимъ крѣпостямъ, должно было произвести самое рѣшительное вліяніе на умы всей Европы и служить блестящимъ прологомъ къ дальнѣйшей борьбѣ [1]).

Занятіе-же своими главными силами сосредоточеннаго положенія впереди Эльбы, съ тѣмъ, чтобы выжидать въ немъ нападенія против-

---

[1]) Правда для этого назначено было не много войскъ, шедшихъ изъ трехъ удаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ; войска, входившія въ составъ этого крыла, были самыя смѣшанныя по составу; но все-же, количество ихъ превышало 100 тыс., при чемъ въ рукахъ Удино была сосредоточена цѣлая армія въ 70 т. чел.; съ другой стороны, войска Бернадотта были также сильно разбросаны, и, также какъ французскія, состояли изъ крайне разнообразныхъ элементовъ. Наконецъ, ни совершить предварительныхъ передвиженій—для соединенія всѣхъ трехъ отрядовъ Даву, Жирара и Удино, ни увеличить количество силъ для этой операціи, Наполеонъ не могъ.

ника, и затѣмъ дать ему генеральное сраженіе, давало также шансы на блестящій успѣхъ, такъ какъ въ сраженіи этомъ Наполеонъ лично командовалъ-бы своею собранною вмѣстѣ арміей, а непріятелю наступающему изъ Богеміи и Силезіи, весьма трудно было-бы согласовать свои дѣйствія.

Приведенный нами планъ Императора, подвергался неоднократно пространнымъ обсужденіямъ, при чемъ многіе военные писатели высказывали мнѣніе, что открывая кампанію, Наполеонъ могъ-бы задаться и другими предположеніями для своихъ дѣйствій.

Но въ дѣйствительности, что-же онъ могъ еще предпринять?

Отойти на лѣвый берегъ рѣки?

Но тогда, онъ начиналъ кампанію съ отступленія и оставлялъ-бы, совершенно на воздухѣ свое лѣвое крыло; или-же, онъ долженъ былъ отказаться отъ заманчивой перспективы овладѣть Берлиномъ и деблокировать свои крѣпости; наконецъ, при этомъ, союзникамъ предоставлялась возможность свободно войти между собою въ связь, а затѣмъ и соединиться.

Онъ могъ еще, какъ говоритъ Жомини, двинуться со своими 300,000 человѣкъ въ Богемію и обрушиться на австрійцевъ [1]).

Но самъ-же Жомини говоритъ, что это требовало устройства новыхъ продовольственныхъ складовъ въ Баваріи и по Дунаю, на что, какъ мы знаемъ, у Наполеона не было средствъ; кромѣ того, это движеніе могло повлечь за собой и пораженіе войскъ, оставленныхъ для наблюденія за Силезской арміей.... Стоило-ли приносить такія жертвы, чтобы разбить Богемскую армію, слабѣйшую по составу, по мнѣнію Наполеона?

Если 12-го числа общія основанія будущихъ дѣйствій были уже вполнѣ прочно установлены Императоромъ, то относительно частностей, этого далеко еще не было имъ сдѣлано.

Въ первый разъ въ своей жизни онъ вынужденъ былъ открывать кампанію съ обороны и непремѣнное ея условіе, основывать свои дѣйствія на дѣйствіяхъ противника, тотчасъ-же стало сказываться.

Хотя онъ твердо былъ убѣжденъ, что изъ Богеміи будетъ дѣйствовать не болѣе 100,000 австрійцевъ (на самомъ дѣлѣ это было невѣрно); хотя онъ считалъ, что разъ ихъ главная квартира, а вслѣдствіе этого и вся армія расположена у Гиршберга (это также было невѣрно), то они и предполагаютъ оперировать по правому берегу Эльбы и преимущественно къ Циттау, въ самомъ опасномъ для него направленіи, т. е., не смотря на то, что въ его представленіи зона дѣйствій против-

---

[1]) Vie politique et militaire de Napoléon. p. 373.

ника была съужена, онъ, тѣмъ не менѣе, не имѣлъ никакихъ положительныхъ основаній для окончательнаго рѣшенія вопроса, въ какомъ *именно* направленіи будутъ предприняты ихъ наступательныя операціи, а это влекло для него за собой затрудненіе въ выборѣ пункта для сосредоточенія арміи.

Пространство между Бауценомъ и Гёрлицемъ представляло многія несомнѣнныя выгоды: оно было всего въ трехъ переходахъ отъ Эльбы; располагаясь на немъ, французамъ легко было довольствоваться и трудно было быть отрѣзанными отъ рѣки; но за то австрійцы, принявъ нѣсколько вправо, могли довольно свободно и незамѣтно войти въ тѣсную связь и соединиться съ войсками, шедшими изъ Силезіи, а эти, въ свою очередь, также свободно могли, принявъ нѣсколько вправо, двинуть часть своихъ силъ противъ Удино.

Всѣ эти невыгоды исчезали съ распространеніемъ французскаго расположенія влѣво до Бунцлау или Лигница; но за то, появлялись другія: удаленіе отъ Эльбы, возможность быть отрѣзаннымъ отъ нея, бо̀льшая разброска, необходимость выдѣленія особой арміи и бо̀льшая трудность своевременнаго сосредоточенія.

И Наполеонъ, за мѣсяцъ до начала кампаніи точно распредѣлившій каждое орудіе и каждую повозку обоза, еще 12-го числа колебался, какъ рѣшить вопросъ о наивыгоднѣйшемъ размѣщеніи своихъ войскъ; но колебался онъ не потому, какъ думаетъ графъ Іоркъ, что потерялъ къ этому времени устойчивость воли, а лишь потому, что для рѣшенія этого вопроса совершенно опредѣленно, у него не было еще никакихъ данныхъ.

Если въ 1806 году, открывая кампанію противъ Пруссіи, онъ былъ, еще менѣе чѣмъ теперь, оріентированъ о расположеніи и о группировки силъ противника, если тогда театръ военныхъ дѣйствій былъ ему мало извѣстенъ, и при этомъ, онъ всетаки, ни минуты не колеблясь, шелъ впередъ, то большая разница существовала во взаимномъ положеніи сторонъ при открытіи обѣихъ кампаній.

„Въ 1806 году", говоритъ принцъ Гогенлое въ своихъ „Стратегическихъ письмахъ": „Наполеонъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ численномъ превосходствѣ и близкой побѣдѣ, что, построивъ свою 200,000 армію въ огромное каре, онъ шелъ съ ней по прямому направленію на Берлинъ, весьма мало безпокоясь о намѣреніяхъ противника, ибо былъ убѣжденъ, что раздавитъ его при первой-же встрѣчѣ" [1]).

Не то мы видимъ при открытіи разбираемой нами кампаніи.

Сила обстоятельствъ уже заставляетъ его передать инициативу въ руки противника, и онъ долженъ, во чтобы то ни стало, стараться

---

[1]) Strategische Briefe I. стр. 22.

разгадать его намѣренія. Отсюда и колебанія его представленій передъ принятіемъ наиболѣе соотвѣтственнаго рѣшенія, и колебанія эти вполнѣ естественны, такъ какъ всякому разумному рѣшенію всегда должна предшествовать всесторонняя оцѣнка всѣхъ предположеній.

Въ часъ ночи съ 12-го на 13-ое число, маршалъ С. Сиръ былъ потребованъ въ кабинетъ Императора. Онъ засталъ Наполеона, сидящимъ за своею картою и внимательно вкалывающимъ въ неё булавки съ разноцвѣтными головками.

„Итакъ, Австрія объявила намъ войну"—сказалъ онъ входящему маршалу, и затѣмъ, объявивъ ему съ нѣсколько дѣланной самоувѣренностью, что вполнѣ убѣжденъ въ блестящемъ исходѣ кампаніи, началъ знакомить его со своими предположеніями.

На это С. Сиръ, въ длинной и горячей рѣчи, сталъ ему совѣтовать отойти за Эльбу, сильно упирая на возможность наступленія австрійцевъ вдоль лѣваго берега рѣки, въ тылъ французской арміи.

Внимательно выслушавъ своего маршала, Наполеонъ, разумѣется, въ словахъ его не могъ найти достаточно убѣдительныхъ доводовъ, чтобы отказаться отъ выгодъ расположенія по правую сторону Эльбы; но и указанная возможность наступленія австрійцевъ по лѣвому берегу рѣки, конечно не могла быть имъ отвергнута.

Введеніемъ этой вѣроятности, представленіе его объ общемъ положеніи дѣлъ несомнѣнно значительно расширялось, но отъ этого, ясность всей обстановки не только не увеличивалась, но напротивъ, обстановка эта принимала еще болѣе туманныя и неопредѣленныя формы, такъ-какъ возможность наступленія австрійцевъ и по лѣвому берегу Эльбы, помимо аспространенія въ его представленіи зоны дѣйствій противника, естественно влекла за собой и большую вѣроятность отдѣльныхъ дѣйствій Силезской арміи отъ Богемской, чего до сихъ поръ Наполеонъ почти не предполагалъ [1]).

Увеличеніе-же вѣроятности отдѣльныхъ дѣйствій союзниковъ, должно было логически повести и къ увеличенію заманчивости надежды разбить отдѣльно одну изъ обѣихъ непріятельскихъ армій, для чего слѣдовало лишь какъ можно болѣе затруднить ихъ соединеніе.

А этому, расположеніе всѣхъ силъ у Бауцена и у Гёрлица не такъ соотвѣтствовало, какъ расположеніе до Кацбаха и Бобера, ибо при первомъ расположеніи, Силезской арміи, подошедшей къ Гёрлицу, австрійцы легко могли протянуть руку, дебушируя чрезъ Циттау, а при

---

[1]) Это ясно видно изъ инструкціи 12-го Августа. („Я желаю сосредоточить всю мою армію. Все должно окончиться большимъ сраженіемъ").

второмъ, армія Блюхера останавливалась у Бунцлау и австрійцы могли къ ней подойти только кружнымъ путемъ черезъ Іозефштадтъ.

Такимъ образомъ, выгоды протянуться подальше къ востоку, отвергнутыя наканунѣ, въ виду сопряженныхъ съ ними большихъ неудобствъ, и почти полной непремѣнности предположенія, что союзники соединятся при наступленіи, 13-го числа, съ уничтоженіемъ непремѣнности этого предположенія, опять выступили въ еще болѣе привлекательномъ свѣтѣ.

Вѣроятно вліяніе этихъ послѣднихъ мотивовъ, среди общей неопредѣленности, пересилило наконецъ, такъ-какъ 13-го вечеромъ, Наполеонъ пишетъ уже слѣдующую инструкцію маршаламъ Нею, С. Сиру, Макдональду и Мармону [1]).

„Вотъ на что я рѣшился. Если Вы можете сдѣлать какія нибудь замѣчанія, то прошу быть совершенно откровенными.

Удино съ VII, IV и XII-мъ армейскими и 3-мъ кавалерійскимъ корпусами двинется къ Берлину, въ то время какъ генералъ Жираръ съ 12,000 будетъ дебушировать изъ Магдебурга, а Даву съ 25,000 французовъ и 15,000 датчанъ—изъ Гамбурга. Въ настоящую минуту онъ въ трехъ льё впереди Гамбурга, обращеннаго въ крѣпость первой величины; сто орудій вооружаютъ его верки; зданія, мѣшавшія оборонѣ, разрушены; рвы наполнены водой; генералъ Гогендорпъ командуетъ гарнизономъ въ 10,000 человѣкъ. Я приказалъ Удино начать наступленіе къ Берлину одновременно съ тѣмъ, какъ Даву начнетъ опрокидывать все находящееся передъ собой, если противникъ слабѣе его, или, по крайней мѣрѣ, сильно тѣснить непріятеля, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ отступленіи.

Такимъ образомъ, я имѣю 120,000 ч., которые, по различнымъ направленіямъ, двигаются къ Берлину.

На нашемъ флангѣ Дрезденъ укрѣпленъ на столько, что способенъ обороняться восемь дней, даже форштадты.

Я прикрываю его XIV-й корпусомъ, командуемымъ маршаломъ С. Сиромъ; его главная квартира въ Пирнѣ; онъ занимаетъ мосты Кёнигштейна, которые, находясь подъ защитою крѣпости, вполнѣ обезпечены. Эти мосты имѣютъ отличное дебуше на Бауценъ; та же дивизія, которая занимаетъ своей пѣхотой Кёнигштейнъ, имѣетъ кавалерію въ Нейштадтѣ. Двѣ дивизіи бивакируютъ на прекрасной позиціи у Бергиссгюбеля на обоихъ путяхъ изъ Праги въ Дрезденъ. Генералъ Пажоль съ одной кавалерійской дивизіей занимаетъ дорогу изъ Лейпцига въ Карлсбадъ, наблюдая горные проходы до Гофа. Генералъ Дюронель находится въ Дрезденѣ съ 8-ю батальонами и 100 орудіями на валгангахъ и въ редутахъ.

---

[1]) № 20273.

I-й армейскій и 5-й кавалерійскій корпуса будутъ въ Бауценѣ. Я переношу мою главную квартиру въ Герлицъ, гдѣ буду 16-го; тамъ я собираю пять дивизій гвардейской пѣхоты, три — гвардейской кавалеріи, всю гвардейскую артиллерію, а также и II-й корпусъ; части эти расположатся между Гёрлицемъ и Циттау; между-же II-мъ корпусомъ и Богеміей станетъ авангардъ изъ войскъ VIII-го корпуса (поляки).

Маршалъ Мармонъ находится въ Бунцлау; маршалъ Макдональдъ въ Левенбергѣ; генералъ Лористонъ въ Грюнбергѣ; маршалъ Ней на промежуточной позиціи между Гайнау и Лигницемъ со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ (и своимъ III-мъ корпусомъ).

Австрійская армія, если предприметъ наступленіе, то можетъ произвести его лишь только тремя способами. Во первыхъ, дебушируя главной арміей, которую я считаю въ 100,000 ч., черезъ Петерсвальде къ Дрездену.

Здѣсь она встрѣтитъ позиціи, занимаемыя С. Сиромъ, который тѣснимый такими превосходными силами, отступитъ въ Дрезденскій укрѣпленный лагерь.

Въ полтора дня I-й корпусъ прибудетъ къ Дрездену и тогда уже 60,000 будутъ занимать его укрѣпленія.

Получивъ увѣдомленіе, и я могу въ четыре дня отъ Гёрлица достигнуть Дрездена [1]) съ гвардіей и II-мъ корпусомъ. Да и помимо этого, городъ, какъ я только-что сказалъ, предоставленный самому себѣ и даже не поддерживаемый С. Сиромъ, въ состояніи обороняться восемь дней.

Второе дебуше, откуда австрійцы могутъ наступать, это Циттау.

Здѣсь они встрѣтятъ: князя Понятовскаго, гвардію, собирающуюся нынѣ у Герлица, и II-й корпусъ, т. е. прежде нежели они успѣютъ прибыть, я могу собрать болѣе 150,000. Одновременно съ этимъ наступленіемъ, русскіе [2]) могутъ двинуться на Лигницъ и Левенбергъ; VI-й, III-й, IX-й и V-й армейскіе и 2-ой кавалерійскій корпуса сосредоточатся у Бунцлау [3]), что составитъ армію болѣе 130,000 чел., а черезъ полтора дня я отошлю туда изъ Гёрлица все, что найду имѣть лишнимъ противъ Австріи.

Третье, что могутъ сдѣлать австрійцы—это двинуться черезъ Іозефштадтъ и соединиться съ русской и прусской арміями, чтобы наступать всѣмъ вмѣстѣ.

Въ этомъ случаѣ вся армія сосредоточивается у Бунцлау.

---

[1]) 80 верстъ.

[2]) Здѣсь говорится о Силезской арміи.

[3]) Въ подлинникѣ „Бауценъ“, но это очевидная опечатка.

Итакъ необходимо, чтобы расположеніе маршала Нея было-бы на одной высотѣ съ нашимъ, для чего онъ займетъ, если признаетъ соотвѣтственнымъ, Лигницъ.

Въ этомъ случаѣ маршалъ Макдональдъ будетъ слѣдить за противникомъ; онъ предупредитъ о его движеніи Нея и генерала Лористона, и отойдетъ на указанную позицію у Бунцлау. Поэтому нужно, чтобы маршалъ Мармонъ выбралъ-бы позицію на случай сраженія у Бунцлау, позади или впереди города. Я ему уже предписалъ заняться этимъ важнымъ дѣломъ".

Вотъ каково было окончательное рѣшеніе Наполеона.

Мы видѣли, что при отдачѣ его, обстановка рисовалась ему въ крайне расплывчатой и туманной формѣ.

Посмотримъ теперь, какія видоизмѣненія стала она послѣдовательно принимать въ его представленіи.

15-го Августа, назначивъ Нея командующимъ арміей, собранной на Кацбахѣ и Боберѣ; написавъ Удино письмо съ указаніемъ о расположеніи всѣхъ крупныхъ войсковыхъ частей, приказавъ ему давать о себѣ подробныя свѣдѣнія не менѣе двухъ разъ въ день, и пославъ къ нему въ штабъ делегатомъ одного изъ своихъ ординарцевъ, Наполеонъ, поздно вечеромъ, покинулъ Дрезденъ [1]).

Осмотрѣвъ ночью при свѣтѣ факеловъ укрѣпленія Кёнигштейна и Лиліенштейна, въ два часа утра 16-го, онъ прибываетъ въ Бауценъ.

Здѣсь онъ впервые получаетъ неясныя свѣдѣнія о выступленіи какой-то части русскихъ войскъ изъ Силезіи въ Богемію; здѣсь онъ узнаетъ также, что старинный его соперникъ Моро находится при союзной главной квартирѣ и что начальникъ штаба маршала Нея, генералъ Жомини, перешелъ къ противнику; наконецъ, здѣсь-же, получаетъ онъ извѣстіе и о томъ, что Блюхеръ, вопреки условіямъ перемирія, еще 15-го, перешелъ демаркаціонную линію и наступаетъ на Лигницъ [2]).

Слухъ о выступленіи русскихъ изъ Силезіи въ Богемію давалъ ему, конечно, поводъ предполагать, что австрійцы, усиленные подходящими подкрѣпленіями, желаютъ предпринять наступательное движеніе, и вѣроятно въ опаснѣйшемъ для него направленіи черезъ Циттау, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать его отъ Эльбы.

Находя, что это былъ-бы самый разумный образъ дѣйствій съ ихъ стороны, Наполеонъ тотчасъ-же посылаетъ во всѣ стороны свои распоряженія на случай сраженія, которое полагаетъ выгоднѣе всего дать при выходѣ противника изъ дебуше у Циттау, на Экартсбергской позиціи,

---

1) №№ 20380 и 20381.

2) №№ 20382 и 20383.

упирая свой правый флангъ къ Эльбѣ, а лѣвый—въ одинъ изъ неприступныхъ отроговъ Исполиновыхъ горъ [1]).

Понятовскому изъ Острица предписывается немедленно перейти на эту позицію и укрѣпить её.

Сюда-же велѣно идти изъ Ротенбурга и Виктору.

Части эти должны были-быть поддержаны гвардіей, кавалеріей Латуръ-Мобура, одной дивизіей XIV-го корпуса, а также и подходящими войсками Вандамма, головная дивизія котораго утромъ 17-го, вмѣстѣ съ одной дивизіей 5-го кавалерійскаго корпуса, подходила къ Дрездену.

Нею, тѣснимому Блюхеромъ, было послано приказаніе отходить къ рѣкѣ Боберу, на позицію у Бунцлау и Левенберга.

Повидимому, обстоятельства въ первый-же день кампаніи стали складываться такъ, что можно было разсчитывать, въ скоромъ будущемъ, на сраженіе [2]).

Однако, положительныхъ указаній на это 16-го Августа еще не имѣлось, хотя Императоръ и полагалъ: „que dans peu de jours l'échiquier s'éclaircira“ [3]).

Не получались эти указанія и въ теченіе всего 17-го числа, которое Наполеонъ провелъ въ Бауценѣ.

Ничто еще не указывало въ этотъ день, что Богемская армія будетъ непремѣнно наступать со стороны Циттау; напротивъ, въ представленіи Императора, явились, повидимому, нѣкоторыя данныя и на то, что наступленіе этой арміи можетъ произойти и по лѣвому берегу Эльбы [4]), такъ-какъ имѣвшему прибыть корпусу Вандамма было послано приказаніе расположиться по дивизіонно въ Румбургѣ, Нейштадтѣ и Штольпенѣ, съ тѣмъ, чтобы отсюда эти части одинаково легко могли-бы быть двинуты, какъ на поддержку Понятовскому, такъ и С. Сиру.

На слѣдующій день, 18-го Августа, направленіе движенія непріятеля изъ Богеміи, такъ-же, какъ и наканунѣ, продолжало составлять загадку для Наполеона; по этому, съ разсвѣтомъ, корпусъ Понятовскаго съ частью кавалеріи и былъ двинутъ имъ, съ цѣлью произвести рекогносцировку, на Румбургъ, Георгенталь, Габель и Фридландъ. Донесеніе о результатахъ этой рекогносцировки ожидалось Императоромъ въ теченіе всего

---

[1]) №№ 20284, 20285, 20286, 20287, 20288, 20289.

[2]) „Les affaires se présentent sous un aspect avantageux“. № 20383. Письмо къ Маре отъ 16-го Августа.

[3]) № 20389.

[5]) Письмо къ Бертье отъ 17-го Августа. № 20397.

дня съ большимъ петерпѣніемъ [1]), пока наконецъ вечеромъ, не пришло въ Гёрлицъ, куда къ этому времени перешла его главная квартира, чрезвычайно важное и вполнѣ опредѣленное свѣдѣніе о томъ, что всѣ австрійцы перешли съ праваго берега Эльбы на лѣвый, а Витгенштейнъ съ корпусомъ въ 40,000 чел. былъ накапунѣ въ Бёмишъ-Лейпѣ [2]).

И вотъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, онъ рѣшаетъ лично отправиться на слѣдующій день въ Циттау, а затѣмъ двинуться и дальше въ Богемію, если представится возможность захватить русскихъ [3]), такъ-какъ предполагаетъ, что они оставлены на правомъ берегу Эльбы для обороны страны, тогда-какъ 100,000 австрійцевъ двинулись въ Германію, а можетъ быть и къ Дрездену [4]).

Это движеніе, предпринятое Наполеономъ 19-го Августа, и доведенное имъ до Габеля, выяснило ему, что русскіе уже переправились черезъ Эльбу, а главная квартира князя Шварценберга уже 17-го была въ Мельникѣ, а 18-го перешла въ Шланъ, такъ-что на правомъ берегу рѣки въ этотъ день никого уже не было, почему и всякая надежда, на возможность имѣть какія нибудь дѣла съ противникомъ на этомъ фронтѣ, должна была исчезнуть [5]).

Но за то на восточномъ фронтѣ, положеніе дѣлъ рисовалось нѣсколько иначе.

За послѣдніе дни отъ маршала Нея не переставали приходить извѣстія, что на него сильно насѣдаетъ Блюхеръ.

Вмѣсто разбитія Витгенштейна, представлялась, повидимому, возможность нанести пораженіе этому противнику.

И къ утру 20-го Августа, у Наполеона уже готово новое рѣшеніе:

Оставя между Циттау и Эльбою I-й, II-й и VIII-й армейскіе и 4-й кавалерійскій корпуса, двинуться съ гвардіей и Латуръ-Мобуромъ на помощь своимъ войскамъ, тѣснимымъ Блюхеромъ, съ тѣмъ, чтобы дать ему сраженіе, если только онъ не узнаетъ заблаговременно о прибытіи Императора и не начнетъ отступать.

„Tout annonce une bataille, l'ennemi s'avançant à ce qu'il paraît avec 80 à 90,000 hommes sur la Queis. Se serait un évènement probablement fort heureux.

---

[1]) „J'attends à chaque instant des nouvelles de Friedland et de Roumburg" № 20400.

[2]) № 20407 и № 20703, № 20410.

[3]) ....„les prendre en flagrant délit". № 20408.

[4]) „Pour aller je ne sais ou; si l'ennemi pénètre par Baireuth et arrive en Allemagne avec toutes ses forces réunies, je lui souhaite bon voyage; peu m'importe qu'on nous coupe de France, pourvu qu'on nous ne coupe pas de l'Elbe", № 20408.

[5]) № 20413.

Mais je crains qu'il n'y ait une lettre écrite par moi au duc de Tarente qui ait été prise, et que cela ne dégrise l'ennemi...." писалъ Наполеонъ въ этотъ день Маре... [1]).

Къ вечеру 20-го числа, корпуса Нея вынуждены были отойти за рѣку Боберъ на линію Левенбергъ-Бунцлау, а императорская главная квартира съ резервами передвинулась въ Лаубанъ.

Съ разсвѣтомъ 21-го, резервы эти снялись со своихъ биваковъ и направились къ Левенбергу, гдѣ была сосредоточена большая часть арміи Нея [2]).

По пути отъ Лаубана къ Левенбергу, Императоръ торжественно вручилъ нѣсколькимъ вновь сформированнымъ полкамъ ихъ орлы, что онъ любилъ дѣлать непосредственно передъ сраженіемъ.

Послѣ 9-ти часовъ утра, французская армія, при громкихъ кликахъ „vive l'Empereur", начала переходить Боберъ.

Вскорѣ завязалось довольно горячее дѣло.

Но въ дѣло это, главныя силы Силезской арміи не ввязывались, а медленно отходили назадъ. Французы, подъ личнымъ руководствомъ Наполеона, настойчиво преслѣдовали противника въ теченіе цѣлаго дня.

Ночью, войска Блюхера расположились за рѣкою Быстрою Дейхсель.

22-го, со стороны французовъ продолжалось преслѣдованіе, а со стороны союзниковъ медленное, но постоянное отступленіе — вплоть до рѣки Кацбаха, за которую къ вечеру этого дня отошла Силезская армія.

Такимъ образомъ, въ теченіе 21-го и 22-го Августа, опасенія Наполеона, высказанныя имъ въ приведенномъ нами письмѣ къ Маре, сбывались все болѣе и болѣе, а надежда на сраженіе все уменьшалась и уменьшалась.

Конечно, можно было преслѣдовать Блюхера еще дальше, съ тѣмъ, чтобы вынудить его, наконецъ, принять бой.

Но уже днемъ 22-го числа, пришло изъ Дрездена письмо отъ Маре, въ которомъ говорилось, что Дюронель, комендантъ города, и С. Сиръ сильно безпокоятся за свою участь, а въ 11 часовъ вечера—получилось и другое письмо отъ самаго С. Сира, заключавшее въ себѣ совершенно опредѣленное извѣстіе о томъ, что вся Богемская армія наступаетъ противъ него [3]).

---

[1]) № 20427.

[2]) V-й, VI-й и XI-й армейскіе и 4-й кавалерійскій корпуса; III-й корпусъ долженъ былъ наступать отъ Бунцлау.

[3]) №№ 20437 и 20440.

Наличность только-что приведенныхъ условій заставляетъ Наполеона опять принять новое рѣшеніе: онъ рѣшаетъ повернуть со своими резервами назадъ къ Эльбѣ и здѣсь попытаться дать сраженіе Богемской арміи.

Согласно его распоряженій, отданныхъ утромъ 23-го Августа [1]), на поддержку С. Сира должны были собраться: гвардія, VI-й армейскій и 1-й кавалерійскій корпуса отъ Левенберга; II-й армейскій отъ Циттау и I-й Вандамма [2]); противъ же Блюхера имъ оставлялись: III-й, IV-й и IX-й армейскіе и 2-й кавалерійскій корпуса, подъ общимъ начальствомъ Макдональда, которому приказано было продолжать преслѣдовать Силезскую армію до Яуэра, и затѣмъ ограничиться оборонительными дѣйствіями, занявъ позицію на Боберѣ [3]).

Отдавъ эти распоряженія, Наполеонъ, послѣ полудня, покинулъ Левенбергъ.

Странная игра судьбы! Какъ разъ въ то время, какъ онъ рѣшилъ повернуть свой резервъ назадъ, въ свою очередь Блюхеръ рѣшилъ не отходить далѣе и принять, наконецъ, сраженіе, такъ-какъ войска его, всѣми предшествующими движеніями, были сильно разстроены, и онъ опасался, что дальнѣйшее ихъ отступленіе поведетъ къ полному разложенію арміи.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, 23-го Августа у Гольдберга, и разыгралось довольно оживленное дѣло.

Но, Макдональдъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы нанести рѣшительное пораженіе противнику, и послѣднему удалось къ вечеру удачно отойти за рѣку Яуэръ.

Что-же касается до императорскихъ резервовъ, то они, поспѣшно двигаясь къ Эльбѣ, отстоящей отъ Левенберга въ 120 верстахъ, къ ночи того-же дня прибыли въ Гёрлицъ, сдѣлавъ переходъ въ 42 версты, при чемъ, для ускоренія движенія, они шли, не смотря на мѣстность, перерѣзанную отрогами Исполиновыхъ горъ, широкимъ фронтомъ: кавалерія и артиллерія на дорогѣ, а пѣхота по ея сторонамъ.

Поступавшія во все время пути донесенія, потверждали извѣстіе о наступленіи союзниковъ противъ XIV-го корпуса настолько, что утромъ 24-го Августа, Наполеонъ, въ письмѣ своемъ къ Маре, могъ

---

[1]) №№ 20441, 20442 и 20443.

[2]) VIII-й армейскій корпусъ и 4-й кавалерійскій должны были оберегать дебуше у Циттау.

[3]) Нея Наполеонъ бралъ съ собой, такъ, какъ убѣдился въ эти дни, что въ его отсутствіи совмѣстное пребываніе 2-хъ или 3-хъ маршаловъ, вслѣдствіе постоянныхъ между ними пререканій, невозможно. III-мъ корпусомъ долженъ былъ командовать дивизіонный генералъ Сугамъ.

уже высказать свои предположенія о томъ, что онъ думаетъ дѣлать въ предстоящіе дни [1]).

„...Я намѣренъ двинуться къ Штольпену. Моя армія начнетъ сосредоточиваться тамъ завтра. 26-ое число я проведу въ подготовительныхъ распоряженіяхъ и въ окончательномъ сборѣ моихъ войскъ. Ночью-же я переправлю ихъ у Кёнигштейна, а на разсвѣтѣ 27-го—буду уже въ Пирнскомъ укрѣпленномъ лагерѣ со 100,000 чел. Я скомбинирую мои дѣйствія такъ, чтобы съ 7 часовъ утра начать атаку Геллендорфа и овладѣть имъ къ полудню. Тогда, проходящій здѣсь путь будетъ совершенно въ моей власти....

Если противникъ оперируетъ по дорогѣ Петерсвальде-Дрезденъ, то я буду у него въ тылу, имѣя всю армію въ сборѣ, тогда-какъ онъ не будетъ въ состояніи собрать свою, ранѣе 4—5 дней. Если-же операціонной линіей ему служитъ путь Коммотау-Лейпцигъ, то онъ отступитъ на Коммотау, Дрезденъ будетъ безопасенъ отъ блокады, а я буду въ Богеміи, ближе къ Прагѣ нежели онъ, и двинусь къ ней ему на перерѣзъ.... [2]).

Вотъ мои намѣренія; конечно, онѣ могутъ видоизмѣниться подъ вліяніемъ операцій противника. Я предполагаю, что когда предприму мое наступленіе, то Дрезденъ, въ случаѣ если будетъ атакованъ, продержится 24 часа...“

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ къ Маре, Наполеонъ послалъ въ Дрезденъ и своего старшаго ординарца полковника Гурго, съ тѣмъ, чтобы посвятить С. Спра въ свои намѣренія, успокоить Саксонскаго короля и доставлять точныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ.

Вообще, на всѣхъ фронтахъ, положеніе дѣлъ представлялось пока въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ; среди кипучей дѣятельности, радостностное настроеніе господствовало во французской главной квартирѣ; сухой и обыкновенно сдержанный Бертье весело обращался къ каждому съ фразой: „Eh bien! nous gagnerons une belle bataille; nous marcherons sur Prague... sur Vienne....“ [3]); черезъ два — три дня ожидалось рѣшительное сраженіе съ Богемской арміей, а 25-го—Удино уже долженъ былъ занять Берлинъ, какъ онъ доносилъ объ этомъ въ своемъ рапортѣ отъ 22-го числа [4]).

25-го Августа, передовыя части императорскихъ резервовъ, сдѣлавъ переходъ въ 28 верстъ, подошли къ Штольпену. Сюда-же рано утромъ

---

[1]) № 20449.

[2]) Откинувъ тылъ на Габель и Циттау, для чего въ соотвѣтственномъ мѣстѣ на Эльбѣ должны были быть наведены, состоящіе при арміи, мосты. См. № 20461.

[3]) Odeleben I. стр. 248.

[4]) № 20454.

прибылъ и Наполеонъ. Распоряженія для переправы французскихъ главныхъ силъ, въ ночь на послѣ-завтра у Кёнигштейна, по прежнему отдавались имъ самымъ дѣятельнымъ образомъ.

Корпусъ Вандамма долженъ былъ перейти рѣку первымъ [1]).

Но въ это время какъ разъ, днемъ 25-го числа, начинаетъ поступать въ главную квартиру рядъ неблагопріятныхъ извѣстій.

Отъ С. Сира стали приходить тревожныя донесенія, что противникъ уже находится подъ стѣнами Дрездена и что паденіе города, въ случаѣ его атаки, можно ожидать ежеминутно, такъ-какъ онъ вовсе не ручается удержать его безъ подхода подкрѣпленій, даже и въ теченіе 24-хъ часовъ.

Отъ Маре пришло, и при томъ безъ всякихъ подробностей, письмо, въ которомъ говорилось, что 23-го числа Удино былъ разбитъ близь Берлина [2]).

Въ свою очередь и Макдональдъ доносилъ, что въ его арміи произошла путаница: Ней, вмѣсто того, чтобы только лично отправиться къ Эльбѣ, велъ туда-же и свой III-й корпусъ, которымъ, согласно предписанія Императора отъ 23-го числа, долженъ былъ командовать Сугамъ [3]).

III-му корпусу было послано приказаніе немедленно вернуться назадъ; Маре было поручено узнать о подробностяхъ пораженія Удино, а изъ Дрездена продолжались съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидаться новыя донесенія, такъ-какъ вопросъ о готовящемся маневрѣ въ тылъ союзной арміи, зависѣлъ теперь всецѣло отъ нихъ.

Наконецъ, въ 11 часовъ вечера, прибываетъ въ главную квартиру крупнымъ галопомъ Гурго и докладываетъ Императору, что вся непріятельская армія уже подошла къ городу и что Саксонскій король и всѣ генералы умоляютъ его спѣшить имъ прямо на помощь, такъ-какъ иначе—сдача города можетъ послѣдовать каждую минуту.

И въ часъ пополуночи, Наполеонъ, вслѣдствіе только-что приведенныхъ донесеній, вынужденъ былъ отмѣнить отданныя приказанія для производства маневра всей своей арміей черезъ Кёнигштейнъ; отсюда долженъ былъ выйти, усиленный до 40,000 ч., одинъ только корпусъ Вандамма, уже начавшій переправляться, и затѣмъ распространять тревогу въ тылу союзниковъ. Всѣ-же остальныя войска были направлены непосредственно къ Дрездену, куда въ 9 ч. утра 26-го, прибылъ и самъ Императоръ въ сопровожденіи кирасиръ Латуръ-Мобура.

---

[1]) № 20462.
[2]) № 20468.
[3]) № 20463.

Произведенная имъ тотчасъ-же рекогносцировка мѣстности къ югу отъ города, убѣдила его, что ему предстоитъ имѣть дѣло со всей главной союзной арміей....

Разыгравшееся, вслѣдъ за этимъ, двухдневное Дрезденское сраженіе, мы разсматривать не будемъ, такъ-какъ въ корреспонденціи Императора за 26-ое и 27-ое Августа не имѣется, къ сожалѣнію, никакихъ матеріаловъ, чтобы разсмотрѣть его съ точки зрѣнія нашего изслѣдованія [1]).

---

[1]) Въ общихъ-же чертахъ дѣйствія союзниковъ до сраженія, и ходъ самого сраженія заключались въ слѣдующемъ:

Богемская армія, вмѣсто 19-го, дня присоединенія къ ней войскъ Барклая-де-Толли, начала свое наступленіе лишь 21-го Августа. „Никогда еще быть можетъ" *), говоритъ Богдановичъ въ своей исторіи этой кампаніи, „ни во времена древнія, ни въ новѣйшія, не приступалъ главнокомандующій огромной арміей къ исполненію лежавшихъ на немъ многотрудныхъ обязанностей съ такимъ невѣдѣніемъ всего того, что слѣдовало знать ему.

Фельдмаршалъ Шварценбергъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни о свойствахъ мѣстности, долженствовавшей служить театромъ дѣйствій, ни объ укрѣпленіяхъ Дрездена, ни о непріятельскихъ силахъ тамъ собранныхъ, ни о состояніи ввѣренныхъ ему войскъ.

Въ штабѣ главнокомандующаго не заботились ни развѣдать о дорогахъ, по которымъ предлежало двигаться, ни снабдить собственныя войска одеждой и обувью, ни обезпечить доставку жизненныхъ потребностей; не смотря на удобства имѣть лазутчиковъ, въ странѣ враждебной французамъ, не было вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, а потому все дѣлалось какъ-бы ощупью.

21-го Августа въ главной квартирѣ союзниковъ полагали ошибочно, будто-бы Наполеонъ" (въ этотъ день атаковавшій Блюхера на Боберѣ), „находится на лѣвой сторонѣ Эльбы, въ крѣпкой позиціи у Лейпцига **), выдвинувъ передовыя войска къ Богемскимъ горамъ".

На основаніи этого, Богемская армія была направлена къ Лейпцигу четырьмя колоннами, изъ которыхъ только крайняя двигалась къ Дрездену по Теплицкому шоссе, составляя боковой авангардъ арміи для прикрытія ея справа; три-же прочія колонны направлялись окончательно въ пустую, и только 22-го Августа изъ депешъ, захваченныхъ у адъютанта С. Сира и отъ двухъ полковъ передавшихся Вестфальскихъ гусаръ, узнали союзники, что въ Лейпцигѣ никого нѣтъ, а у Дрездена лишь 30.000 XIV-го корпуса.

23-го и 24-го происходили длиннѣйшія совѣщанія о томъ, что дѣлать въ виду этого извѣстія, которыя въ концѣ концовъ увѣнчались рѣшеніемъ — идти къ Дрездену всѣми силами; но предварительно, князь Шварценбергъ приказалъ большей части корпусовъ сосредоточиться почему-то у Диппольдисвальде, вслѣдствіе чего у мѣстечка этого и незамедлило произойти ужаснѣйшее столпленіе войскъ и обозовъ, и вслѣдствіе чего также 25-го Августа, только половина союзной арміи успѣла подойти къ стѣнамъ Дрездена.

Не смотря однако на это, и половины арміи было вполнѣ достаточно, чтобы овладѣть городомъ.

---

*) Исторія войны 1813 года, II. стр. 120.
**) 200 верстъ по воздуху отъ Левенберга.

Сраженіе это, какъ извѣстно, было выиграно Наполеономъ, и Богемская армія принуждена была отступить, при чемъ, изъ имѣвшихся прежде къ ея распоряженіи трехъ путей отступленія, головы обоихъ крайнихъ—Пирнскаго шоссе и Фрейбергской дороги, къ вечеру 27-го

Но, вмѣсто немедленной отдачи приказаній для атаки, въ союзныхъ главныхъ квартирахъ вдругъ возникла безконечная масса пререканій и споровъ.

Король Прусскій, князь Шварценбергъ, Моро, Жомини, Толь, каждый высказывалъ свое мнѣніе и отстаивалъ свой образъ дѣйствій. Въ этихъ преніяхъ насталъ вечеръ; тогда, за позднимъ временемъ, рѣшили отложить всякія начинанія до завтра.

Утромъ, 26-го Августа, послѣдовало наконецъ соглашеніе. Рѣшено было произвести частью силъ демонстрацію противъ города. Лангенау, генералъ-квартирмейстеръ Шварценберга и главный штабной faiseur, написалъ диспозицію, въ которой предписывалось войскамъ—наступать безъ серіозныхъ потерь, насколько будетъ возможно, а въ случаѣ наибольшей удачи имъ разрѣшалось и ворваться въ Дрезденскія укрѣпленія. Атака должна была начаться въ 4 часа пополудни, но уже около 11 часовъ утра рѣшили её отмѣнить, такъ какъ доносившіеся восторженные возгласы изъ города указывали на прибытіе Наполеона со своими резервами.

Однако, объ отмѣнѣ этой, по неразслѣдованной до сихъ поръ причинѣ, войска извѣщены не были, а потому, въ 4 часа дня, они и начали свое наступленіе.

А между тѣмъ, къ этому часу, у Наполеона было собрано въ Дрезденѣ уже до 70 т. ч; новыя силы подходили ежеминутно; по мѣрѣ того, какъ прибывавшія войска двигались черезъ городъ, имъ раздавали винную порцію; полки проходили съ музыкой и шли въ дѣло какъ на пиръ; солдаты снимали ранцы и скинувъ покрытыя грязью и пылью шинели и панталоны, переодѣвались въ парадную форму.

Самъ Наполеонъ находился на лѣвомъ берегу Эльбы у каменнаго моста. Нѣсколькими ласковыми словами привѣтствовалъ онъ проходящія мимо части. Онѣ отвѣчали ему громкими кликами. Свѣдѣнія о передвиженіяхъ союзниковъ сообщалъ съ одной изъ колоколенъ саксонскій полковникъ ф. Гаакъ.

Начавшееся наступленіе противника сдѣлалось немедленно извѣстнымъ Императору.

По обширной дугѣ въ 15 верстъ, раздѣленные на 5 колоннъ, наступали союзники къ Дрездену.

Изъ собранныхъ Шварценбергомъ къ 26-го Августа 150,000 ч., для атаки было назначено только 40,000.

Войска эти, въ шесть часовъ пополудни, оттѣснивъ непріятеля съ передовыхъ его позицій, подошли къ самому городу.

Тогда изъ всѣхъ заставъ сильныя французскія колонны двинулись въ поле.

Къ вечеру—союзники были отовсюду отброшены.

Наполеонъ полагалъ, что на утро послѣдуетъ ихъ отступленіе.

Но утромъ 27-го, Богемская армія, занявъ командующія высоты къ югу отъ города, повидимому, была намѣрена вступить на этой позиціи въ новое столкновеніе.

Столкновеніе это и не замедлило произойти.

Видя свой центръ достаточно обезпеченнымъ укрѣпленіями Дрездена, Наполеонъ усилилъ свои фланги, и повелъ ими рѣшительную атаку на оба фланга противника и тѣмъ завершилъ свою вчерашнюю побѣду.

Августа, находились уже во власти французовъ, а вышедшій къ тому-же времени изъ Кёнигштейна корпусъ Вандамма, кромѣ того, и сильно грозилъ правому флангу союзниковъ.

По имѣвшимся во французской главной квартирѣ свѣдѣніямъ, войска князя Шварценберга отступали черезъ Диппольдисвальде на Альтенбергъ.

Съ ранняго утра 28-го числа началось ихъ преслѣдованіе: Мюратъ съ корпусами Виктора и Латуръ-Мобура шелъ по Фрейбергской дорогѣ; Мармонъ — на Диппольдисвальде; С. Сиру приказано было идти на Дону и, соединившись съ Вандаммомъ, тѣснить противника къ Берггисюбелю. [1])

За С. Сиромъ, по Теплицкому шоссе, шелъ Мортье съ молодой гвардіей, а за ней и старая гвардія.

Преслѣдованіе велось всѣми наличными силами. Имъ руководилъ лично самъ Императоръ. Послѣ часу пополудни, онъ прибылъ на высоту Пирны, гдѣ остановился на большомъ привалѣ молодой гвардіи.

„Онъ велѣлъ подать себѣ складной стулъ и усѣвшись на немъ, сталъ разспрашивать случайно находившихся здѣсь поселянъ, о событіяхъ истекшихъ дней. Проведя въ такомъ положеніи около часу времени и получивъ въ теченіе его нѣсколько донесеній, Наполеонъ, сказавъ совершенно спокойнымъ голосомъ графу Лобау: — Ну, я больше ничего не вижу; прикажите старой гвардіи вернуться въ Дрезденъ; молодая-же останется здѣсь на ночлегъ..., — потребовалъ свой экипажъ и въ самомъ безмятежномъ и веселомъ настроеніи духа покатилъ въ Дрезденъ“.

Такъ разсказываетъ эту сцену, лично присутствовавшій при ней, баронъ Оделебенъ въ своихъ безхитростныхъ, но поразительно правдивыхъ мемуарахъ [2]).

Баронъ-же Fain, въ своемъ хотя и чрезвычайно интересномъ, но, къ сожалѣнію не всегда согласнымъ съ истиною „Manuscrit de mille huit cent treize“ [3]) говоритъ объ этомъ отъѣздѣ Наполеона совершенно иначе:

„...Итакъ Императоръ увидѣлъ, наконецъ, окончаніе одного изъ своихъ славнѣйшихъ сраженій; но, можетъ быть, это была послѣдняя улыбка побѣды!? Вдругъ онъ испытываетъ сильнѣйшую дрожь; за ней слѣдуетъ необыкновенно сильная рвота; ужасъ распространяется среди его приближенныхъ. Императорская главная квартира вступала въ это время въ Пирну, чтобы провести здѣсь ночь. Все неожиданно измѣ-

---

[1]) Aussitôt que la jonction sera faite avec le général Vandamme, le maréchal St. Cyr continuera sa route pour se porter avec son corps et celui du général Vandamme sur Berggieshübel. Письмо къ Бертье отъ 28 Августа за № 20483.

[2]) Odeleben I. p. 274—265.

[3]) II. p. 297.

няется. Наполеонъ поддается настояніямъ окружающихъ сѣсть въ экипажъ; его привозятъ въ Дрезденъ. Въ Пирнѣ-же остается только молодая гвардія, которая располагается здѣсь на почлегъ..."

Только-что приведенный разказъ барона Fain, нашелъ себѣ мѣсто почти во всѣхъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ о кампаніи 1813 года; онъ попалъ также и въ исторію Тьера; но, на самомъ дѣлѣ, онъ совершенно не вѣренъ; воспоминанія барона Оделебена прямо противорѣчатъ ему; въ мемуарахъ Ропья и графа Матьё-Дюма, людей близко стоявшихъ къ Наполеону въ описываемое время, не говорится ни слова о его болѣзни [1]); наконецъ, разсказъ этотъ въ самомъ себѣ заключаетъ два маловѣроятныхъ факта; во-первыхъ, едва-ли Наполеонъ могъ отдать приказаніе стронуть главную квартиру съ мѣста—изъ Дрездена, т. е. прекратить на нѣсколько часовъ весь ходъ ея работы и правильное поступленіе донесеній, только для того, чтобы перевести её на 10 верстъ къ югу въ Пирну, не представлявшую въ ту минуту никакихъ выгодъ для подобнаго перемѣщенія; а во-вторыхъ, если и допустить возможность этого перемѣщенія, то нельзя не признать въ высшей степени невѣроятнымъ то обстоятельство, что въ то время, когда главная квартира вступала въ Пирну и съ Наполеономъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ, приведшій въ ужасъ всѣхъ окружающихъ, его не помѣстили для подачи первой помощи въ одномъ изъ ближайшихъ Пирнскихъ домовъ, а уговорили ѣхать 10 верстъ въ экипажѣ—назадъ въ Дрезденъ.

Такимъ образомъ, по всѣмъ даннымъ, болѣзнь Наполеона 28-го числа была вымышлена и, можетъ быть, съ его вѣдома, такъ-какъ послѣ случившагося вскорѣ пораженія Вандамма, во французской арміи сложилось убѣжденіе, что если-бы Императоръ не уѣхалъ назадъ въ Дрезденъ, Кульмская катастрофа не могла-бы имѣть мѣста [2]).

Вѣроятнѣе всего, ключемъ къ разгадкѣ истинной причины отъѣзда Наполеона могутъ служить приведенныя нами слова барона Оделебена, что Императоръ остановилъ гвардію и потребовалъ свой экипажъ, послѣ того, какъ онъ получилъ *нѣсколько донесеній.*

Всѣми изслѣдованіями по кампаніи 1813 года, вполнѣ установленъ тотъ фактъ, что Наполеонъ, въ теченіе 28-го числа, получилъ

---

[1]) „...L' empereur qui avait eu d'abord le dessin d'appuyer le corps de Vandamme par la jeune garde qui se trouvait alors avec lui à Pirna, changea tout coup de résolution et rentra à Dresde". Souvenirs du lieutenant-général Mathieu Dumas. T. III. P. 522.

„...Mais par une fatalité et un aveuglement inconcevables il sàrrête á Pirna et rétrograde ensuite sur Dresde". Rogniat. Considérations sur l'art de la guerre. 1820. P. 391.

[2]) См. Duc de Fézensac. Souvenirs militaires. P. 453.

первое извѣстіе о пораженіи Макдональда подъ Кацбахомъ, случившееся за два дня передъ этимъ; что только 28-го, выяснилась для него значительность размѣровъ пораженія Удино подъ Гроссъ-Бееремомъ; и наконецъ, что 28-го-же, онъ узналъ и о неудачѣ, постигшей отрядъ Жирара, наканунѣ у Гагельберга.

Сопоставляя съ этимъ слова барона Оделебена, можно съ большою увѣренностью предположить, что приведенныя выше извѣстія, Наполеонъ получилъ *именно* въ то время, когда находится на привалѣ молодой гвардіи.

И получивъ ихъ, онъ тотчасъ-же уѣхалъ въ Дрезденъ, сохраняя наружную веселость и безмятежность, чтобы не вселять напрасно тревогу въ окружающихъ, и отъѣздомъ этимъ отъ войскъ, преслѣдующихъ противника, онъ показалъ, что вполнѣ стоялъ на высотѣ главнокомандующаго всѣми арміями на театрѣ. Не при одномъ какомъ-либо корпусѣ, насѣдавшемъ на аррiегарды Богемской арміи, исполняя роль его командира, а въ своемъ кабинетѣ, куда сосредоточивались всѣ донесенія и гдѣ были подъ рукой всѣ матеріалы для составленія распоряженій, было его истинное мѣсто [1]); только отсюда—онъ могъ возможно яснѣе смотрѣть на всю обстановку, и наконецъ, отсюда-же ему было и гораздо удобнѣе руководить общимъ преслѣдованіемъ князя Шварценберга, нежели съ биваковъ корпуса Вандамма или Мортье.

Но эти условія, разумѣется, далеко не всѣ могли понять въ его арміи, также какъ и въ настоящее время ихъ не понимаетъ графъ Іоркъ, который думаетъ, что Наполеонъ уѣхалъ съ привала молодой гвардіи „вслѣдствіе начавшей развиваться лѣни и любви къ комфорту", [2]) а потому, вѣроятно, и необходимо было пустить слухъ о его болѣзни, чтобы объяснить, понятной для каждаго причиной, неприсутствіе его при войскахъ въ дни, приведшіе къ Кульмскому пораженію.

29-го числа, съ 5-ти часовъ утра, Наполеонъ сидѣлъ уже за работой. Поступавшія въ большомъ количествѣ донесенія и массы прибывавшихъ плѣнныхъ, указывали на бѣдственное положеніе Богемской арміи; повидимому, вся она отступала на Альтенбергъ, и только небольшой русскій корпусъ отходилъ по Теплицкому шоссе, сильно тѣснимый Вандаммомъ.

Въ $6^1/_2$ часовъ утра, Императоръ пишетъ Бертье, чтобы онъ приказалъ генераламъ, идущимъ за Шварценбергомъ, возможно энергично

---

[1]) При всѣхъ корпусахъ, преслѣдовавшихъ Богемскую армію и разошедшихся по горамъ на 40 верстъ (линія Фрейбергъ-Теплицкое шоссе), онъ, конечно, одновременно находиться не могъ.

[2]) Napoleon als Feldherr II. стр, 275.

преслѣдовать его, и, при этомъ, держать между собою самую тѣсную связь... [1])

Въ теченіе дня, всѣ свѣдѣнія о противникѣ на этомъ фронтѣ сводились къ тому, что онъ всюду отходитъ съ громадными потерями.

Но какъ-же рисовались Наполеону событія на остальныхъ фронтахъ? Отвѣтомъ на это служатъ слѣдующія: „Notes sur la situation générale de mes affaires", продиктованныя имъ утромъ 30-го Августа [2]):

„Я предполагаю мою Силезскую армію, собранной за Боберомъ; не будетъ неудобства, если она расположится и за Квейссою.

Если-бы я притянулъ Понятовскаго къ моей Берлинской арміи, то дебуше у Циттау не было-бы уже болѣе занято. Хотя конечно, онъ могъ-бы въ четыре дня прибыть въ Калау, но тогда, было-бы необходимо, чтобы моя Силезская армія оперлась-бы на Герлицъ, или стала-бы даже впереди Бауцена. Достаточно, чтобы одинъ только корпусъ занималъ Гоерсверду, и тогда—моя операція на Берлинъ будетъ обезпечена.

При моемъ отказѣ отъ наступленія въ Богемію, съ цѣлью взять Берлинъ и пополнить продовольствіе Штетина и Кюстрина,—маршалъ С. Сиръ и генералъ Вандаммъ расположились-бы близъ самой Эльбы, составляя лѣвый флангъ,—Мармонъ образовалъ-бы центръ, а правое крыло Викторъ; Мюратъ могъ-бы командовать этими четырьмя корпусами и оставаться въ Дрезденѣ съ Латуръ-Мобуромъ; все это составитъ славную армію. Возможно было-бы, на выбранныхъ заранѣе позиціяхъ, прикрыться и нѣсколькими редутами. Эта армія заняла-бы угрожающее положеніе, сама не подвергаясь опасности, и могла-бы отойти къ Дрездену, пока я успѣю вернуться изъ Луккау.

Моя Силезская армія могла-бы опереться на Наумбургъ, имѣя лѣвый флангъ въ Вейссенбергѣ, и занимая Бауценъ и Гоерсверду.

Тогда—обѣ эти арміи будутъ въ оборонительномъ положеніи, прикрывая Дрезденъ съ обоихъ береговъ, въ продолженіи того времени, пока я буду оперировать противъ Берлина и перенесу театръ военныхъ дѣйствій на нижній Одеръ.

Русскіе не могутъ оставаться равнодушными къ присутствію арміи въ 60,000 человѣкъ въ Штетинѣ; блокадѣ Данцига будетъ грозить опасность, и, вѣроятно, часть ихъ изъ союзной Силезской арміи перейдетъ Одеръ, чтобы дать сраженіе между Данцигомъ и Штетиномъ. Русская армія должна была понести большія потери. Какъ только ея границѣ будетъ грозить опасность со стороны Штетина, ей представится предлогъ покинуть Богемію. А я, занимая фланговое поло-

---

[1]) № 20485.
[2]) № 20492.

женіе и собравъ всѣхъ поляковъ между Кюстриномъ и Штетиномъ, буду имѣть инипіативу всѣхъ движеній.

Мнѣ представляется два способа дѣйствій.

Первый — это двинуться къ Прагѣ, пользуясь моимъ успѣхомъ противъ Австріи. Но, во-первыхъ, я уже не въ состояніи поспѣть къ Прагѣ раньше противника; Прага крѣпость; я ее не возьму; въ Богеміи можетъ произойти возстаніе, и я буду въ затруднительномъ положеніи; во-вторыхъ, если непріятельская Силезская армія атакуетъ мою Силезскую армію, то я тоже буду въ затруднительномъ положеніи подъ Прагою. Правда, моя Силезская армія можетъ отступить къ Дрездену и опереться на него. Въ третьихъ, при этомъ положеніи вещей, арміи Удино и Даву остаются въ оборонительномъ положеніи, и къ серединѣ Октября я потеряю 9,000 человѣкъ въ Штетинѣ. Я-же буду занимать тогда линію Эльбы отъ Праги до моря; линія эта черезъчуръ уже длинна; если она будетъ прорвана въ одномъ только мѣстѣ, то можетъ открыть доступъ въ 32-ой дивизіонный округъ, что заставитъ меня двинуться въ слабѣйшую часть моихъ владѣній; русскіе, кромѣ того, не будутъ имѣть никакихъ опасеній за Польшу; они усилятъ себя между Одеромъ и Эльбою, и въ Богеміи.

Итакъ — Пражскій проектъ имѣетъ слѣдующія неудобства: 1-ое: Я не имѣю достаточныхъ данныхъ, чтобы быть увѣреннымъ въ обладаніи Прагой. 2-ое: Я располагаюсь со своими главными силами совершенно отдѣльно, и притомъ, находясь лично на крайней оконечности своей линіи, я уже не буду въ состояніи поспѣвать къ угрожаемымъ пунктамъ; будутъ дѣлаться глупости, а это перенесетъ войну въ пространство между Эльбой и Рейномъ, т. е. цѣль непріятеля будетъ достигнута. Третье неудобство — я потеряю мои крѣпости по Одеру и не буду на пути къ Данцигу.

Наоборотъ, при наступленіи къ Берлину, я тотчасъ-же получаю большіе результаты:—я обороняю мою Элинію льбы отъ Гамбурга до Дрездена; я нахожусь въ центрѣ; въ пять дней, я могу поспѣть на крайнія оконечности моего расположенія; я деблокирую Штетинъ и Кюстринъ; я могу достигнуть быстраго отдѣленія русскихъ отъ австрійцевъ; въ настоящее время года, я не могу встрѣтить въ Берлинѣ затрудненій относительно продовольствія; картофель, громадные городскіе запасы, каналы и проч., все это послужитъ мнѣ въ пользу.

Война съ Австріей представляетъ для меня неудобство лишь въ томъ смыслѣ, что я долженъ пожертвовать 120 тысячами человѣкъ, дѣйствующими оборонительно между Гофомъ и Дрезденомъ; но это даже полезно для тѣхъ изъ моихъ войскъ, которыя только-что сформированы.

Мое нежеланіе перенести войну въ Богемію, покажетъ Вѣнскому двору мою родственную деликатность и уступчивость, причемъ Австрія, все-

таки, никуда не будетъ въ состоянiи двинуться, имѣя 120,000 на своихъ границахъ, и я буду угрожать Прагѣ и безъ наступленiя къ ней.

Разъ Берлинъ будетъ взятъ, пруссаки не останутся въ Богемiи, и даже русскiе будутъ встревожены, узнавъ о сосредоточенiи поляковъ на Одерѣ.

Можетъ, впрочемъ, произойти и слѣдующее: русскiе и пруссаки, находящiеся въ Богемiи, заставятъ Австрiю перейти въ наступленiе и двинуться къ Дрездену; но это можетъ послѣдовать, не ранѣе пятнадцати дней. Въ это время я уже успѣю овладѣть Берлиномъ, возобновить продовольствiе Штетина, разрушить работы пруссаковъ и уничтожить ландверъ. Тогда, если Австрiя начнетъ свои глупости, я уже буду находится подъ Дрезденомъ съ сосредоточенной армiей, и большiя событiя, большое сраженiе, закончатъ и кампанiю и войну.

Наконецъ, въ моемъ положенiи всякiй планъ, по условiю котораго я не нахожусь въ центрѣ, не можетъ имѣть мѣста.

Всякiй планъ, при которомъ я не могу руководить всѣми операцiями, устанавливаетъ обставленную обыкновенными условiями войну, гдѣ превосходство противника въ кавалерiи, въ силахъ и даже въ генералахъ, неминуемо должно привести къ полнѣйшей гибели.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы основательно сравнить оба проекта, надо взглянуть на расположенiе моихъ армiй при обоихъ предположенiяхъ.

1-ое. *Пражскiй проектъ.* Мнѣ надо отправиться туда самолично; взять съ собой II, VI, XIV и I корпуса и кавалерiю Латуръ-Мобура; Даву станетъ у Гамбурга; корпуса Удино у Витенберга и у Магдебурга; моя Силезская армiя подъ Бауценомъ. Это расположенiе является чисто оборонительнымъ; инициатива у противника; я ничему не угрожаю; было-бы нелѣпо утверждать, что я угрожаю Вѣнѣ. Блюхеръ можетъ выставить заслонъ противъ моей Силезской армiи, перевести часть корпусовъ черезъ Циттау и атаковать меня у Праги; или же онъ, опять прикрываясь заслономъ противъ моей Силезской армiи, направится на нижнюю Эльбу и двинется къ Везеру, пока я буду у Праги; тогда мнѣ ничего не останется—какъ спѣшить къ Рейну; генералъ, командующiй у Бауцена, не признается въ томъ, что непрiятель противъ него уменьшился, а армiи мои у Гамбурга и Магдебурга будутъ окончательно внѣ моего влiянiя.

2-ая гипотеза. При ней—I, XIV, II и VI корпуса и Латуръ Мобуръ спокойно остаются у Дрездена, не опасаясь казаковъ. Корпусъ Ожро подойдетъ къ Бамбергу и Гофу; Силезская армiя къ Квейссѣ, или Боберу и Бауцену; сообщенiя мои все еще въ безопасности, а обѣ мои армiи, Даву и Удино—будутъ въ Берлинѣ и Штетинѣ.

Завтра вечеромъ у меня будетъ въ Гроссенгайнѣ.

Пѣхоты (гвардейской) .	18,000.
Кавалерiи	7,000.

Артиллерiи . . . . . . 150 орудiй,
Всего . армiя, около 30,000 человѣкъ.

Три корпуса Удино, согласно донесенiй Карамана, имѣютъ на лицо 45,000 ч. пѣхоты, 9,000 кавалерiи; всего--54,000 ч. при 200 орудiяхъ.

Такъ-что—всего—63,000 чел. пѣхоты и 16,000 кавалерiи, при 350 орудiяхъ, что составитъ армiю свыше 80,000.

Если я перенесу главную квартиру въ Луккау, то буду въ двухъ переходахъ отъ Торгау, въ трехъ отъ Дрездена и въ четырехъ отъ Гёрлица. Итакъ, я буду въ центральномъ положенiи и буду имѣть возможность принять любое рѣшенiе — или двинуть все, что найду нужнымъ къ Берлину, или-же отправиться туда и самолично.

Удаляясь отъ Луккау, необходимо будетъ сильнѣе обезпечить тылъ. Усиливъ тремя тысячами всадниковъ Мюрата, у меня будетъ 10,000 кавалерiи для поддержанiя сообщенiй между Берлиномъ, Дрезденомъ и Торгау.

Итакъ, надо начать писать соотвѣтствующiя приказанiя....".

Эти приказанiя и начали немедленно-же писаться его секретарями.

Затѣмъ, онъ послалъ приказанiе Мортье—поддержать, если нужно, Вандамма двумя дивизiями молодой гвардiи и одной кавалерiйской дивизiей; кромѣ этого, въ отрядъ Вандамма, въ виду долгаго отсутствiя отъ него свѣдѣнiй, Наполеонъ послалъ своего ординарца, съ обязательствомъ немедленно-же вернуться назадъ, какъ только онъ побываетъ въ I-мъ корпусѣ и разузнаетъ, что тамъ дѣлается [1]).

Затѣмъ, наконецъ, было написано письмо Виртембергскому королю, съ разсказомъ о всѣхъ событiяхъ 26-го и 27-го числа, о сильномъ разстройствѣ Богемской армiи, о направленiи отступленiя ея главныхъ силъ на Альтенбергъ и о предстоящемъ имъ трудномъ переходѣ чрезъ узкое дефиле у Циннвальда.... [2]).

Такъ прошелъ для Наполеона день 30-го Августа.

Старая гвардiя и двѣ дивизiи молодой — готовились выступить завтра на Луккау. Туда-же, вскорѣ, должна была перейти и французская главная квартира.

Но, въ два часа пополуночи на 31-е число, пришло извѣстiе, поразившее всѣхъ своей полной неожиданностью, что I-й корпусъ Вандамма на голову разбитъ союзниками у Кульма, что самъ Вандаммъ убитъ или взятъ въ плѣнъ, а войска его частью захвачены, частью-же разбѣжались во всѣ стороны.....

Извѣстiе это, принятое Наполеономъ въ присутствiи окружающихъ съ большимъ равнодушiемъ, въ значительной степени мѣняло только-что сложившiйся въ его представленiи взглядъ на обстановку и притомъ,

---

[1]) №№ 20493 и 20494.

[2]) № 20495.

конечно, въ крайне дурную сторону, такъ-какъ Богемская армія, послѣ одержанной побѣды, не черезъ 15-ти дней, какъ онъ разсчитывалъ 30-го числа, а тотчасъ-же, могла вновь начать наступленіе, почему проэктъ движенія къ Берлину и долженъ былъ-быть, если и не оставленъ, то значительно видоизмѣненъ.

Въ теченіе 1-го, 2-го и 3-го Сентября, по мѣрѣ приведенія въ извѣстность степени пораженій, испытанныхъ его маршалами, бывшими весьма краткими и неопредѣлительными въ своихъ донесеніяхъ[1]), Наполеономъ были созданы слѣдующія предположенія для дальнѣйшаго продолженія борьбы:

Вокругъ Дрездена, укрѣпленія котораго должны были-быть значительно усилены, онъ рѣшилъ оставить корпуса С. Сира, Виктора, остатки бывшаго Вандамма, поступившаго теперь подъ начальство Мутона, а также и прибывшій 5-й кавалерійскій корпусъ.

Маршалъ Ней долженъ былъ принять начальство надъ арміей Удино, отошедшей къ Витенбергу, и совершивъ съ ней фланговый маршъ къ Баруту, ожидать дальнѣйшихъ приказаній для движенія къ Берлину[2]).

Корпусу Понятовскаго и кавалеріи Келлермана было приказано, по прежнему, находиться у Циттау.

Макдональду—расположиться между Наумбургомъ, Вейссенбургомъ, Бауценомъ и Гоерсвердою.

Гвардія-же, Мармонъ и Латуръ-Мобуръ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Императора, должны были перейти къ Гоерсвердѣ[3]), и занять здѣсь центральное положеніе[4]), съ тѣмъ, чтобы отсюда эти части одинаково легко могли быть двинуты на тотъ фронтъ, гдѣ дѣйствія представятъ наибольшіе шансы на успѣхъ.

Судьба, однако, не позволила привести въ исполненіе и эти предположенія.

Послѣ Кацбахской побѣды, Блюхеръ перешелъ къ самому рѣшительному наступленію и, не давая опомниться, тѣснилъ Макдональда къ Дрездену.

---

[1]) .....Dites au duc de Tarente que je n'ai aucune idée de son armée, puisque je ne connais point l'état de ses pertes en matériel et en personnel, ni enfin sa situation actuelle.... Письмо къ Бертье отъ 1 Сентября за № 20498.

...J'ai reçu votre lettre... Votre correspondance est un peu trop laconique.... Письмо Мармону отъ 2 Сентября за 20500.

....„Mon cousin, envoyez un officier au duc de Reggio pour vous plaindre de ce que je n'ai pas ses états de situation et de ce qu'il ne fait pas connaître ce qu'il fait... Dites lui que je désire, qu'il fasse un rapport en régle et qu'il parle franchement de sa situation".... Письмо къ Бертье отъ 2-го Сентября за № 20803.

[2]) №№ 20502 и 20508.

[3]) №№ 20498, 20499 и 20507.

[4]) 60 верстъ отъ Дрездена и 65 отъ Гёрлица и Барута.

Уже 3-го Сентября, послѣдній былъ поставленъ въ необходимость отойти къ Бауцену, вслѣдствіе чего Наполеонъ и вынужденъ былъ, въ этотъ-же день, перемѣнить первоначальное направленіе резервовъ на Гоерсверду, а двинуть ихъ прямо къ Бауцену, въ надеждѣ неожиданнымъ переходомъ въ наступленіе заставить, увлекшагося въ своемъ преслѣдованіи Блюхера, принять сраженіе.

„Mon cousin“, писалъ Императоръ Бертье, „пошлите офицера генеральнаго штаба къ Нею, чтобы извѣстить его, что завтра утромъ 4-го, я буду въ Бауценѣ, куда прибылъ Макдональдъ со своей арміей; что противникъ сильно его преслѣдуетъ и, повидимому, необыкновенно воодушевленъ своимъ предшествующимъ успѣхомъ; въ теченіе дня, я его атакую и откину на Рейхенбахъ; послѣ-же сраженія, я поспѣшно двинусь къ Берлину....“ [1]).

Въ тотъ-же день Наполеонъ писалъ и Макдональду: „...Я намѣренъ атаковать непріятеля завтра, въ два или три часа дня, не ожидая полнаго сосредоточенія моей арміи; если-же я вынужденъ буду отложить атаку на послѣ-завтра, то крайне необходимо, чтобы всѣ прибывающія войска, располагались-бы укрыто отъ взоровъ противника.

Установите самое бдительное наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто, ни одинъ крестьянинъ, не могъ-бы проникнуть отъ насъ на ту сторону, и чтобы всякое сообщеніе съ ней было-бы прервано такъ, чтобы невозможно было узнать о числѣ нашихъ войскъ....“ [2]).

Поздно вечеромъ 3-го Сентября, Наполеонъ переѣхалъ въ Бишофсверду, съ тѣмъ, чтобы продолжать, завтра утромъ, дальнѣйшее наступленіе на востокъ.

Невеселая картина развертывалась передъ его глазами при движеніи 4-го числа по Бауценской дорогѣ. Повсюду видны были слѣды опустошительнаго хозяйничанья непріятельскихъ партизановъ.

Безпорядочныя толпы блѣдныхъ, измученныхъ и безоружныхъ солдатъ, попадались ежеминутно на встрѣчу.

„Императоръ, однако, старался скрыть свое неудовольствіе; встрѣчаемыя имъ толпы останавливались и выстраивались по сторонамъ дороги; вскорѣ—изъ Дрездена показались какія-то повозки; всѣ думали что это транспортъ съ хлѣбомъ; но въ повозкахъ этихъ были привезены ружья и патроны, которые тотчасъ-же и были розданы отступавшимъ....[3])“.

Съ высотъ у Гохберга, Наполеону стали видны наступающія колонны Силезской арміи.

---

[1]) № 20508.

[2]) № 20516.

[3]) Odeleben I. p. 269.

Имъ на встрѣчу былъ двинутъ Мюратъ съ частью кавалеріи.

Тогда Блюхеръ, видя французовъ переходящими въ наступленіе, началъ медленно отступать назадъ, и 6-го числа отошелъ уже за рѣку Квейссу; слѣдуя за нимъ, Наполеонъ съ резервами достигъ къ вечеру 5-го числа Герлица; здѣсь, убѣдившись, что противникъ боя не принимаетъ, онъ рѣшилъ пріостановить преслѣдованіе и дать отдыхъ своимъ войскамъ.

Но, въ этотъ-же вечеръ 5-го Сентября, во французской главной квартирѣ получилось отъ С. Сира извѣстіе о новомъ наступленіи Богемской арміи къ Дрездену по лѣвому берегу Эльбы, почему гвардія съ кавалеріей Латуръ-Мобура и должна была немедленно сняться съ биваковъ и двинуться назадъ—на помощь XIV корпусу [1]).

Макдональду, съ корпусами III, V и XI армейскими и 2-мъ кавалерійскимъ, велѣно было отойти къ Бауцену и удерживаться за линіей Шпрее, а Мармону—стать у Гоерсверды для связи Нея съ войсками у Бауцена [2]).

Самъ Императоръ отправился въ Дрезденъ.

Къ югу отъ города, уже съ 5-го числа, шли бои съ союзниками, и войска С. Сира были ими постепенно оттѣснены на линію Пирна, Цегиста и Дона.

Прибывъ утромъ 7-го числа на позиціи С. Сира, Императоръ имѣлъ съ нимъ, и находившимися здѣсь генералами, продолжительный разговоръ, съ цѣлью опредѣлить настоящій смыслъ наступленія Шварценберга.

Весь вопросъ заключался, конечно, въ томъ, ввяжутся-ли его войска въ серіозное сраженіе, или нѣтъ?

Этотъ вопросъ могъ быть выясненъ окончательно только на слѣдующій день, послѣ подхода резервовъ.

Утромъ 8-го, резервы эти, только-что прибывъ отъ Герлица, немедленно-же были двинуты на усиленіе войскъ С. Сира, а ровно въ полдень и самъ Императоръ, проведшій ночь въ Дрезденѣ, вновь появился верхомъ на Пирнскомъ шоссе, у корчмы Луга [3]).

Противникъ, уже успѣвшій занять къ этому времени высоты Гроссъ-Зедлица и маленькій городокъ Дону, велъ бой по всей своей линіи.

Вскорѣ послѣ полудня, французы перешли противъ него въ рѣшительное наступленіе...

Упорно удерживаясь за каждый мѣстный предметъ, австрійцы

---

[1]) № 20521, 20522 и 20523.

[2]) № 20524.

[3]) Odeleben I. 273.

и русскіе, тѣмъ не менѣе, не вводили въ дѣло большихъ подкрѣпленій, а понемногу все отходили и отходили назадъ...

На ночь—Наполеонъ расположился въ одномъ изъ домиковъ Доны и пригласилъ на ужинъ Бертье, Мюрата и С. Сира.

Во время этого ужина пришло извѣстіе и еще объ одной неудачѣ; прибывшій адъютантъ Императора, Лебрёнъ, доложилъ, что 6-го числа, маршалъ Ней потерпѣлъ сильнѣйшее пораженіе отъ войскъ союзной Сѣверной арміи подъ Денневицемъ, во время производства своего фланговаго марша къ Баруту, и въ полномъ разстройствѣ отступилъ къ Торгау.

Извѣстіе это, разсказываетъ С. Сиръ, было принято Наполеономъ съ самымъ большимъ спокойствіемъ. Разспросивъ Лебрёна про всѣ подробности происшествія, онъ сталъ обсуждать его совершенно съ академической точки зрѣнія, какъ военно-историческій примѣръ, и проведя въ этой бесѣдѣ остатокъ вечера, сказалъ своимъ гостямъ на прощанье слѣдующую фразу:

„Трудно, очень трудно наше дѣло, и надо съ большой снисходительностью относиться къ тѣмъ, кто имъ занимается. Когда-нибудь, если буду имѣть время, то я напишу книгу, въ которой изложу всѣ основанія военнаго дѣла настолько ясно, что оно станетъ доступно всѣмъ“ [1]).

Печальная новость, привезенная Лебрёномъ, была, разумѣется, оцѣнена Наполеономъ во всей ея полнотѣ.

Отпустивъ Мюрата и С. Сира, онъ немедленно призвалъ къ себѣ Маре и поручилъ ему написать въ Парижъ, военному министру Кларку, отъ себя, какъ-бы безъ вѣдома Императора, письмо, въ которомъ изложить общее положеніе дѣлъ, указать на возможность отступленія французской арміи къ Рейну, и посовѣтовать вслѣдствіе этого, теперь-же, безъ шуму, приступить къ вооруженію и приведенію въ исправность тыловыхъ крѣпостей.

9-го утромъ, Наполеонъ продолжалъ преслѣдовать Богемскую армію, которая попрежнему медленно отступала.

Доведя 11-го числа это преслѣдованіе до послѣднихъ переваловъ въ Теплицкую долину, куда къ этому времени уже отошли союзники, онъ остановилъ свои войска, а затѣмъ и сталъ ихъ отводить назадъ, такъ-какъ для того, чтобы спуститься съ горъ и атаковать самому, онъ уже не считалъ себя достаточно сильнымъ; подъ его начальствомъ находились здѣсь только —гвардія, I, II и XIV армейскіе и 1 и 5 кавалерійскіе корпуса, всего никакъ не болѣе 120-ти или 130-и тысячъ человѣкъ, а у союзниковъ не менѣе 200,000.

---

[1]) St.-Cyr. Campagne de 1813, p. 148—150.

12-го Сентября Богемская армія опять начала новое наступательное движеніе; 17-го, оно окончилось совершенно такъ-же, какъ и предъидущее. Императоръ преслѣдовалъ противника до переваловъ черезъ горы, а затѣмъ возвратился съ гвардіей въ Пирну.

...La position de l'ennemi ne me permettait pas de l'attaquer; je me suis donc arrêté au parti de m'en tenir au jeu de va et vient et d'attendre l'occasion"... [1]) писалъ онъ 18-го Сентября С. Спру.

Къ этому времени, общее положеніе дѣлъ, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, являлось для Наполеона далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ.

Съ минуты полученія извѣстія о Денневицкомъ пораженіи, сила обстоятельствъ заставила его принять, уже чисто выжидательное положеніе; онъ уже потерялъ болѣе 100,000 человѣкъ; всѣ старшіе маршалы: Удино, Макдональдъ и Ней, были на голову разбиты; послѣдній, въ письмѣ своемъ къ Бертье отъ 10-го Сентября, въ которомъ онъ просилъ увольненія отъ званія командующаго арміей, писалъ, между прочимъ: „мужество генераловъ и всѣхъ офицеровъ вообще, подорвано чрезвычайно; кавалерія, состоящая при мнѣ, такъ плоха, что является серіозный вопросъ, приноситъ-ли она пользу или только вредъ"; [2]) духъ молодыхъ войскъ пришелъ въ сильный упадокъ и обаяніе на нихъ Императора въ значительной степени пало; они уже не привѣтствовали его появленія, какъ прежде, громкими кликами; даже въ рядахъ молодой гвардіи, среди отдѣльныхъ и негромкихъ возгласовъ „vive l'empereur," слышно было иногда, также, и „personne ne veut crier" [3]).

Болѣзни, а особенно диссентерія, свирѣпствовали въ арміи. Запасы продовольствія стали приходить къ концу, [4]) а страна была совершенно истощена безпорядочными реквизиціями.

Съ отступленіемъ Нея къ Торгау, коммуникаціонная линія по Эльбѣ стала подвергаться нападеніямъ.

Сообщенія съ Франціей постоянно прерывались партизанскими отрядами непріятеля.

На другихъ театрахъ дѣла шли также не лучше.

Евгеній Богарне отступилъ со своей арміей за рѣку Изонцо. Иллирійскія провинціи были заняты Австрійцами.

Съ послѣдними не замедлили вступить въ подозрительныя сношенія и Баварцы Вреде.

Веллингтонъ перешелъ пограничную съ Испаніей рѣку Бидасоа, и занялъ своими войсками французскую территорію.

---

[1]) № 20587.

[2]) Martens. Vor Fünfzig Jahren. II. стр. 88.

[3]) Odeleben I. p. 175.

[4]) „.. Monsieur le comte Daru, l'armée n'est point nourrie... Ce serait une illusion que de voir autrement"... No 20619.

Волненіе умовъ въ Германіи усиливалось съ каждымъ днемъ.

Во французскомъ обществѣ раздавались, повсюду, недовольные голоса.

Но, не смотря на все это, Наполеонъ, упорно продолжалъ выжидать дальнѣйшаго развитія событій.

Въ началѣ второй половины Сентября, французская армія занимала слѣдующее положеніе:

Войска Макдональда и Понятовскаго стояли въ одномъ переходѣ къ востоку отъ Дрездена, на позиціяхъ противъ Блюхера, ни на шагъ не отстававшаго отъ французовъ и постоянно безпокоившаго ихъ.

На лѣвымъ берегу Эльбы, по южную сторону Дрездена, все болѣе и болѣе обращавшагося въ укрѣпленный лагерь, стояли, въ одномъ отъ него переходѣ, I-й и XIV-й армейскіе корпуса; они составляли первую линію обороны противъ Богемской арміи; у Пирны, для ближайшей ихъ поддержки, находились двѣ дивизіи молодой гвардіи.

Вправо отъ С. Сира, у Фрейберга, былъ поставленъ корпусъ Виктора, занимая фланговое положеніе относительно дороги Коммотау-Маріенбергъ-Хемницъ-Лейпцигъ.

Въ Дрезденѣ, составляя общій резервъ, находилась вся остальная гвардія.

Войска Нея (IV-й и VII-й армейскій и 3-й кавалерійскій корпуса) считавшія въ своихъ рядахъ всего только 36,000 ч., были переведены на лѣвый берегъ Эльбы между Торгау и Витенбергомъ[1]).

У Гроссенгайна и Радебурга, на правомъ берегу рѣки, стояли корпуса Мармона, Сугама, Латуръ-Мобура и л'Еритье, подъ общимъ начальствомъ Мюрата. Войска эти предназначались, какъ для связи Нея съ арміей у Дрездена и поддержки Макдональда, такъ и для охраненія судоходства по Эльбѣ и для затрудненія союзникамъ устройства переправъ на ней[2]).

Для охраненія сообщеній съ Франціей и противодѣйствія партизанамъ, былъ высланъ летучій отрядъ Лефевръ-Деноэтта[3]), а для ловли

---

[1]) Корпусъ Удино былъ расформированъ и пошелъ на усиленіе сильно разстроенныхъ IV и VII корпусовъ. Самъ Удино получилъ въ командованіе двѣ дивизіи молодой гвардіи.

[2]) „Mon cousin, donnez ordre au duc de Raguse de se porter sur Grossenhayn, afin de chasser l'ennemi de la rive droite de l'Elbe, entre Torgau et Dresde, et de favorirer un convoi de 15,000 quintaux de farine qui de Torgau doit venir à Dresde. L'arrivée de se convoi est de la plus haute importance, puisqu'il elle assurerait des subsistances pendant plusieurs mois sur notre point de réunion. Письмо къ Бертье № 20545.

[3]) 6,000 ч. конницы и 2800 ч. пѣхоты.

бѣглыхъ солдатъ, по всѣмъ направленіямъ посылались подвижныя колонны и отряды конныхъ жандармовъ; бѣглецы эти, послѣ поимки, немедленно одѣвались, вооружались и отправлялись въ полки.

Захватываемые плѣнные тоже не оставались безъ дѣла; поляки и часть австрійскихъ нѣмцевъ шли на укомплектованіе французскихъ войскъ, расположенныхъ на германскомъ театрѣ, а пруссаки и русскіе— отправлялись на службу въ Испанію.

Вмѣстѣ съ мѣрами къ упорному продолженію борьбы въ Саксоніи, Наполеономъ продолжались приниматься, въ этотъ періодъ, и мѣры на случай отступленія къ Франціи.

Кромѣ уже упомянутаго нами письма Маре къ Кларку о приведеніи въ оборонительное положеніе крѣпостей по Рейну, начальнику инженеровъ арміи, генералу Ронья, было приказано осмотрѣть линію Саалы, укрѣпить Мерзебургъ и представить соображенія объ устройствѣ мостовъ на этой рѣкѣ.

На этапахъ линіи Лейпцигъ-Эрфуртъ-Майнцъ, велѣно было собирать возможно большее количество запасовъ продовольствія.

Для новаго укомплектованія арміи—предписывалось взять людей, оставленныхъ отъ набора 1812-го, 11-го и 10-го годовъ, и конскриптовъ 1815-го года, всего около 160,000 чел.

21-го Сентября, въ императорскую главную квартиру, расположенную въ это время въ Пирнѣ, пришло отъ маршала Нея извѣстіе, что, будто-бы, войска Сѣверной арміи собираются навести мостъ у Дессау.

Вслѣдствіе этого, Нею было послано приказаніе перейти къ Витенбергу и оборонять отсюда Эльбу на пространствѣ между Магдебургомъ и Торгау, а корпусамъ Сугама, Мармона и Латуръ-Мобура—было предписано, немедленно же, перейти на лѣвый берегъ рѣки и идти ему на поддержку [1]).

Послѣднее предписаніе, однако, уже черезъ нѣсколько часовъ должно было-быть отмѣнено на нѣкоторое время, такъ-какъ въ теченіе дня поступили извѣстія о какихъ-то малопонятныхъ явленіяхъ передъ фронтомъ корпусовъ Макдональда и Понятовскаго.

Генералы эти доносили, что въ Силезской арміи, за послѣднее время, происходитъ нѣчто особенное:

Непріятель, своими передовыми частями, постоянно вступаетъ по всей линіи въ мелкія столкновенія, а между тѣмъ, сильныя колонны его войскъ были замѣчены двигающимися въ направленіи и къ сѣверу и къ югу отъ Бауценской дороги.

---

[1]) № 20604.

Эти странныя передвиженія давали поводъ предполагать, что армія Блюхера, готовясь совершить какой-то маневръ, производитъ рядъ демонстрацій.

И въ виду этого, Наполеонъ рѣшаетъ предпринять, утромъ 22-го числа, большую рекогносцировку для выясненія истиннаго расположенія и намѣреній Блюхера.

Войскамъ Мюрата было послано приказаніе оставаться, пока, у Гроссенгайна и Радебурга.

Макдональду было приказано, между 11-ю и часомъ пополудни, всюду атаковать противника самымъ рѣшительнымъ образомъ и добраться до главныхъ силъ Силезской арміи, имѣя въ виду, что его будетъ поддерживать самъ Императоръ со своей гвардіей.

Эта рекогносцировка должна была быть предпринята 22-го числа „во чтобы то ни стало, такъ-какъ того требовало общее положеніе дѣлъ на театрѣ“ [1]). Только въ одномъ случаѣ она могла быть отмѣнена; это въ томъ, „если погода будетъ также дурна, какъ 20-го Сентября“; тогда, при туманѣ, мѣшающемъ что либо увидѣть, отъ нея, конечно, нельзя было ожидать никакихъ результатовъ.

Однако-же, 22-го, погода, которая вообще, съ самаго начала кампаніи, была очень дурна, позволяла еще кое-что видѣть, а потому, задуманное предпріятіе и было исполнено.

Къ вечеру, Наполеонъ дошелъ со своими резервами до Гартау; въ теченіе дня, онъ имѣлъ возможность вполнѣ убѣдиться, что передъ нимъ находится вся Силезская армія, которая, по прежнему, слѣдуетъ своей тактикѣ уклоненія отъ боя и медленно, но безостановочно, отходитъ назадъ.

Въ виду этого, утромъ 23-го, Наполеонъ окончательно рѣшаетъ перевести всѣ свои войска на лѣвый берегъ Эльбы, тѣмъ болѣе, что къ этому времени пришло извѣстіе и отъ Нея, оказавшееся, впрочемъ, въ послѣдствіи, ложнымъ, о томъ, что Сѣверная армія навела мостъ у устья Чернаго Эльстера.

....„Я желаю имѣть по мосту у Кёнигштейна, Пирны и Пильница, три у Дрездена и одинъ у Мейссена, и перевести войска на лѣвый берегъ, чтобы дать имъ нѣкоторый отдыхъ. Въ этомъ положеніи, я буду слѣдить за противникомъ, и если онъ предприметъ какую-либо наступательную операцію, то я брошусь на него такъ, чтобы онъ не могъ избѣгнуть сраженія....“ читаемъ мы въ письмѣ Наполеона къ Мюрату отъ 23-го Сентября [2]).

---

[1]) № 20609.

[2]) № 20618.

Съ 24-го—началось постепенное отступленіе французовъ съ праваго берега, и къ 28-му на немъ остались лишь мелкія рекогносцировочныя партіи.

Къ союзникамъ-же, какъ разъ въ это время, подошли подкрѣпленія, и они рѣшились, наконецъ, перейти въ общее наступленіе по всей линіи.

Богемская армія, въ числѣ 160—170,000 ч., выступила 27-го числа изъ Теплицкой долины и направилась по дорогамъ на Хемницъ и Цвиккау къ Лейпцигу, оставляя 70,000 ч. Беннигсена противъ Дрездена; а 25-го Сентября, Блюхеръ, съ 70,000 ч., началъ фланговый маршъ къ сѣверу, къ устью Чернаго Эльстера, прикрывая его выдвиженіемъ къ Дрездену 6-го пѣхотнаго корпуса князя Щербатова и австрійской дивизіи Бубна, а также и демонстративнымъ наступленіемъ корпуса Сакена къ Мейссену.

2-го Октября, Силезская армія достигла Іессница, а 3-го, она переправилась у Вартенбурга, послѣ упорнѣйшаго боя съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ Бертрана.

На слѣдующій день, 4-го Октября, у Акена и у Росслау, перешелъ Эльбу и Бернадоттъ съ большею частью своей арміи.

ГЛАВА III.

Очеркъ постепеннаго выясненія для Наполеона общаго перехода союзниковъ въ наступленіе.

Положеніе французской арміи къ 28-му Сентября.—Свѣдѣнія о противникѣ, получившіяся въ теченіе 29-го и 30-го Сентября, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Октября.—Извѣстіе о Вартенбургскомъ боѣ.—Предположенія Императора днемъ 5-го Октября.—Положеніе вопроса объ очищеніи Дрездена.

Снисходительно оправдывая выжидательное положеніе Наполеона до послѣднихъ дней Сентября, графъ Іоркъ въ сочиненіи своемъ, уже упомянутомъ нами, находитъ, что съ началомъ движенія Блюхера и Богемской арміи, Императоръ немедленно-же долженъ былъ перейти къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и если не сдѣлалъ этого, то потому, что уже потерялъ свои прежнія качества и лишился способности быстро рѣшаться [1]). Взглядъ графа Іорка служитъ типичнымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами въ предисловіи, относительно того, насколько мало нѣкоторые военные писатели уясняютъ себя вопросъ о томъ, какъ рисуются событія въ представленіи полководца.

Первое извѣстіе о Вартенбургскомъ боѣ, и притомъ безъ всякихъ подробностей, получилъ Наполеонъ лишь утромъ 5-го Октября, а до

---

[1]) Jetzt scheint er immer zu warten, bis eine Maszregel des Gegners ihn zu einer theilweisen Gegenmaszregel nöthigt, gerade wie es Mack bei Ulm gemacht hatte. Bisher hatte er in Dresden gesessen, man verzeihe das unedle, aber nicht unrichtige Bild—wie eine Spinne im Netze, bereit, auf den Ersten loszustürzen, der seine strategischen Fäden berühren würde... Стр. 297.

этой минуты, онъ проводилъ время въ трудной работѣ выясненія положенія дѣлъ на театрѣ.

Работа эта вполнѣ можетъ-быть возстановлена его письмами, и къ ея разбору, мы и намѣрены приступить, сдѣлавъ предварительно лишь общій очеркъ расположенія французскихъ войскъ къ 28-му Сентября, т. е. ко дню окончательнаго оставленія ими правой стороны Эльбы [1]).

Для воспрепятствованія противнику устройства переправъ, весь лѣвый берегъ рѣки, отъ Дессау до Кёнигштейна, былъ покрытъ, черезъ каждую французскую милю, деревянными блокгаузами; между блокгаузами этими постоянно находились въ движеніи небольшія подвижныя колонны изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Болѣе крупныя войсковыя части были расположены:

Дивизія Домбровскаго, изъ бывшаго отряда Жирара—у Биттерфельда, наблюдая участокъ Эльбы у Дессау.

Отъ Дессау до Кемберга и отъ Кемберга до Вартенбурга—стояли VII-й и IV-й корпуса, подъ общимъ начальствомъ Нея.

Корпуса Мармона и Латуръ-Мобура—занимали Вурценъ, Ошацъ и Даленъ.

5-й кавалерійскій корпусъ л'Еритье—Мейссенъ.

Корпуса Сугама, Лористона, Макдональда и Себастіани, старая гвардія и двѣ дивизіи молодой, подъ начальствомъ Удино—стояли у Дрездена.

Двѣ другія дивизіи молодой гвардіи—Мортье и I-й и XIV-й корпуса находились къ югу отъ города, большею частью, на укрѣпленныхъ позиціяхъ.

Корпуса Понятовскаго и Келлермана занимали Носсенъ и Вальдгеймъ. II-й корпусъ Виктора—Фрейбергъ.

Эти три корпуса должны были наблюдать горные проходы изъ Богеміи со стороны Хемница и служили ближайшей поддержкой, высланному къ Альтенбургу для противодѣйствія непріятельскимъ партизанамъ, отряду Лефевръ-Деноэтта.

3-й кавалерійскій корпусъ стоялъ въ Лейпцигѣ; большая часть его входила въ составъ колоннъ Лоржа, де-Франса и Маргарона, тоже слѣдившихъ за партизанскими отрядами противника.

Императорская главная квартира, 28-го числа и въ послѣдующіе дни, находилась въ Дрезденѣ.

Сдѣлавъ этотъ краткой очеркъ расположенія французской арміи къ 28-му Сентября, мы перейдемъ теперь къ разсказу о томъ, какъ постепенно вырисовывался Наполеону общій переходъ союзниковъ въ наступленіе.

---

[1]) См. карту № 3.

29-го Сентября, онъ узнаетъ, что наканунѣ, Лефевръ-Деноэттъ былъ разбитъ непріятельскими партизанами у Альтенбурга. Объ общемъ-же наступленіи союзниковъ, онъ, въ этотъ день, еще ничего не знаетъ, такъ-какъ пишетъ, того-же 29-го, къ Бертье: „Сообщите С. Сиру, что противникъ окончательно отказался отъ своего желанія проникнуть къ Дрездену и вообще отъ всякой наступательной операціи, и довольствуется вести малую войну; корпуса-же, которые, казалось, имѣли намѣреніе дебушировать черезъ Коммотау, и въ другихъ направленіяхъ, отступили въ Богемію, а всѣ мосты черезъ Эльбу у Вартенбурга, противъ Эльстера, у Акена и у Дессау, уничтожены“ [1]).

Въ ночь на 30-ое Сентября, до Императора доходятъ какіе то слухи о передвиженіяхъ Богемской арміи въ Теплицкой долинѣ; въ то же время приходятъ извѣстія и о томъ, что Сакенъ пытался форсировать рѣку у Мейссена, и что партизанскій отрядъ, разбившій Лефевръ-Деноэтта, поддержанъ 30—40 тысячнымъ корпусомъ пѣхоты [2]). Хотя послѣднему донесенію Наполеонъ и не вполнѣ довѣряетъ, но тѣмъ не менѣе, въ виду необходимости выяснить дальнѣйшія намѣренія Богемской арміи, онъ въ три часа утра приказываетъ:

„Понятовскому—съ VIII-мъ армейскимъ и 4-мъ кавалерійскимъ корпусами, перейти изъ Вальдгейма въ Фробургъ.

Виктору, съ II-мъ армейскимъ и 5-мъ кавалерійскимъ корпусами, изъ Фрейберга и Мейссена—въ Хемницъ.

Лористону, съ V-мъ армейскимъ корпусомъ, изъ Дрездена въ Носсенъ.

Всѣмъ этимъ частямъ находиться въ самой тѣсной между собой связи, обмѣниваться всѣми извѣстіями, и нѣсколько разъ на дню присылать донесенія въ Дрезденъ.“

Войска эти, въ случаѣ нужды, по приказанію Наполеона, должны были быть поддержаны и маршаломъ Мармономъ, который, наканунѣ 29-го, вмѣстѣ съ Латуръ Мобуромъ, перешелъ въ Лейпцигъ, откуда онъ одинаково удобно могъ двинуться какъ на югъ, такъ и на сѣверъ—въ помощь маршалу Нею [3]).

Въ виду извѣстій о демонстраціи Сакена, того-же 30-го Сентября, Наполеонъ приказалъ: Сугаму съ III корпусомъ двинуться изъ Дрездена въ Мейссенъ, а Макдональду—вновь выслать всю свою легкую кавалерію на правый берегъ Эльбы. [4])

1-го Октября, вниманіе Императора обращается нѣсколько болѣе

---

[1]) No 20659.
[2]) No 20660—20663.
[3]) No 20663.
[4]) No 20660 и 20663.

на югъ и западъ, нежели на сѣверъ и востокъ, откуда онъ не ожидаетъ, пока, никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, такъ-какъ пишетъ: „Безъ сомнѣнія, въ настоящее время противникъ не думаетъ атаковать, но во всякомъ случаѣ, онъ имѣетъ возможность сдѣлать это, когда ему будетъ угодно [1]).

Со стороны-же Богемской арміи, 1-го октября, онъ, напротивъ, предвидитъ какой-то маневръ, смыслъ котораго, однако, былъ для него еще совершенно не ясенъ.

Послѣ полудня, Наполеонъ писалъ Виктору:

„Главная Богемская армія показываетъ намѣреніе совершить движеніе на Маріенбергъ; я её стерегу, и если она выдвинется, то произойдутъ вторыя Дрезденскія дѣла. Было-бы очень хорошо, если-бы армія въ 100,000 ч. двинулась-бы отъ Маріенберга на Дрезденъ, или Лейпцигъ, и тѣмъ позволила-бы намъ, наконецъ, дать ей сраженіе“ [2]).

Въ виду потверждавшихся въ теченіе дня извѣстій о наступленіи Шварценберга, Наполеонъ, вечеромъ 1-го Октября, приказалъ:

Мортье, съ двумя дивизіями молодой гвардіи и гвардейской кавалерійской дивизіей Вальтера—передвинуться изъ окрестностей Дрездена въ Тарантъ, при чемъ этимъ войскамъ, вмѣстѣ съ войсками Понятовскаго и Лористона, перешедшаго 1-го въ Миттвейду, ставилось задачей—служить ближайшей поддержкой Виктора у Хемница. Сюда-же должны были идти подъ непосредственнымъ начальствомъ Императора и остальная гвардія, Макдональдъ, Сугамъ и Себастіани, какъ только выяснится, что непріятель ввязался въ серіозный бой съ передовыми французскими корпусами.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что къ вечеру 1 Октября — Наполеонъ находился въ полной готовности броситься на Богемскую армію.

2-го Октября, во французскую главную квартиру приходитъ донесеніе—о занятіи русскимъ партизаномъ, генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ, столицы Вестфаліи—Касселя [3]).

Вмѣстѣ съ этой чрезвычайно важной новостью, грозившей возстаніемъ въ тылу, получается и нѣсколько другихъ, самыхъ преувеличенныхъ, извѣстій о дѣйствіяхъ непріятельскихъ партизанскихъ отрядовъ, почему, для успокоенія своихъ черезъ-чуръ перепуганныхъ генераловъ, Наполеонъ и диктуетъ рядъ писемъ, въ которыхъ онъ ста-

---

[1]) No 20672.
[2]) № 20672.
[3]) № 20680.

рается убѣдить ихъ въ незначительности силъ партизановъ и въ ложности, распускаемыхъ ими слуховъ [1]).

2-го Октября, кромѣ тревожныхъ донесеній съ тыла, поступили извѣстія и о томъ, что армія Блюхера исчезла изъ подъ Дрездена и направилась, повидимому, на Гроссенгайнъ и Эльстерверду.

Смыслъ этого движенія былъ Наполеону еще совершенно не ясенъ.

„Кажется, что всѣ корпуса Ланжерона, Сакена и Блюхера оставили окрестности Штольпена и Бауценскую дорогу и окончательно двинулись на Гроссенгайнъ и Эльстерверду. Имѣете-ли вы объ этомъ какія-либо свѣдѣнія“ — писалъ онъ въ этотъ день С. Сиру [2]).

Далѣе, подъ вліяніемъ непонятной для него медленности движенія Богемской арміи, которая, 2-го Октября, еще не перевалила черезъ горы, онъ говоритъ въ томъ-же письмѣ:

„Непріятель двинулъ изъ Богеміи только гетмана Платова и генерала Тилемана съ 7—8 тысячами кавалеріи, 8—10 орудіями и 2-мя батальонами пѣхоты....“

Такимъ образомъ, 2-го числа, надежда Наполеона на наступленіе Богемской арміи значительно пала. [3])

Во всякомъ случаѣ, онъ оставляетъ противъ нея — выдвинутые ранѣе корпуса (II, V, VIII и 4 и 5 кавалерійскіе) и общее начальство надъ ними, „pour coordonner les mouvements des differents corps“, ввѣряетъ Мюрату.

3-го Октября—до Наполеона доходятъ какія то очень неясныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Блюхера на средней Эльбѣ, вслѣдствіе чего онъ и посылаетъ Мармону предписаніе — находиться въ Лейпцигѣ въ полной готовности къ выступленію на помощь Нею, черезъ два часа по полу-

---

[1]) Вотъ отрывки одного изъ этихъ писемъ: „Mon cousin, выразите генералу Альтону мое удивленіе по поводу его письма отъ 29-го Сентября; вѣроятно всѣ потеряли голову въ Эрфуртѣ и Эйзенахѣ; если они будутъ вѣрить всѣмъ баснямъ, распускаемымъ мѣстными сплетниками и партизанами, то конечно ничего, кромѣ глупостей, не будетъ дѣлаться. Генералъ Альтонъ совершенно напрасно напугалъ герцога Вальми и забилъ тревогу во всемъ тылу. Мой повѣренный въ дѣлахъ въ Готѣ (баронъ де-С. Эньянъ) дѣйствовалъ также совершенно безразсудно. Никогда—болѣе 1,500 чел. не было въ Брунсвикѣ. Нельзя оказать большей услуги партизанамъ, какъ поддерживать слухи, ими распускаемые... Не слѣдуетъ дѣлать тревогу по пустякамъ; не слѣдуетъ приходить въ ужасъ отъ химеръ, а необходимо имѣть болѣе твердости и разума“. Письмо Бертье отъ 2-го Октября. № 20676.

[2]) № 20679.

[3]) Je regarderais comme une nouvelle bien heureuse la certitude que l'ennemi s'enfournât avec une armée de 80,000 hommes sur Leipzig; la guerre serait alors bientôt finie, mais je pense qu'il connait trop ma manière de faire pour s'exposer à pareille aventure. Письмо Виктору въ 10 ч. вечера 2 Октября. № 20683.

ченіи объ этомъ приказанія, а Сугаму — приказываетъ держать свои войска эшалонированными отъ Мейссена до Штрелы.

Такъ-какъ и 3-го Октября, Богемская армія все еще не дебушировала изъ горъ, то и въ этотъ еще день, Наполеонъ не предполагалъ съ ея стороны рѣшительныхъ дѣйствій [1]).

Къ 4 часамъ утра 4-го Октября, онъ получаетъ весьма неопредѣлительное извѣстіе о томъ, что повидимому, противникъ намѣренъ переправиться у Мюльберга, гдѣ онъ перекинулъ, накануне, мостъ.

Вслѣдствіе этого, для распознанія на мѣстѣ истиннаго положенія дѣлъ, онъ тотчасъ-же посылаетъ къ Эльбѣ своего адъютанта, генерала Лебрёна, которому поручаетъ, въ случаѣ подтвержденія справедливости полученнаго извѣстія, немедленно приказать Сугаму и Мармону — двинуться къ мосту противника и уничтожить его [2]).

Въ продолженіи всего дня, свѣдѣнія объ арміи Блюхера отличались такой-же сбивчивостью, какъ и наканунѣ, [„Я придаю громадное значеніе свѣдѣніямъ о томъ, куда дѣлись Ланжеронъ, Сакенъ и Іоркъ“ [3])], — а къ вечеру получилось отъ Мармона извѣстіе, что онъ, въ виду слуховъ объ устройствѣ непріятелемъ переправъ у Вартенбурга, Дессау и Акена, двинулся изъ Лейпцига по направленію къ Дюбену, съ цѣлью поближе находиться къ Эльбѣ.

Рѣшеніе это Наполеонъ одобряетъ, но требуетъ отъ Мармона, во чтобы-то ни стало, болѣе обстоятельныхъ донесеній: „...Вы присылаете мнѣ офицеровъ-дѣтей, которые ничего не знаютъ и не могутъ ничего объяснить; присылайте мнѣ взрослыхъ людей....“ [4]).

Ждалъ Наполеонъ ежеминутно, 4-го Октября, донесеній и о дѣйствіяхъ Богемской арміи, („j'en attends des nouvelles à chaque instant“), которая лишь къ вечеру этого дня, перевалила своими головными корпусами черезъ горы...

Въ 3 часа утра 5-го Октября, получилось, наконецъ, во французской главной квартирѣ первое извѣстіе о боѣ подъ Вартенбургомъ, — но, пока, безъ всякихъ подробностей, и не отъ Нея или Бертрана, а отъ Мармона, дошедшаго вечеромъ 4-го — до Линденгайна. И тотчасъже, въ виду этого, Наполеонъ посылаетъ ему приказаніе — присоединить къ себѣ Сугама, двинуться къ Вартенбургу, поддержать Нея, разбить противника, уничтожить его мосты, и во чтобы-то ни стало — доставить въ главную квартиру какъ можно болѣе свѣдѣній [5]).

---

[1]) Письмо къ Друо. № 20688.
[2]) № 20690.
[3]) Письмо Макдональду за № 20693.
[4]) № 20694.
[5]) № 20695.

Къ Мейссену, на мѣсто Сугама, были посланы двѣ дивизіи молодой гвардіи Удино.

Вслѣдъ за извѣстіями съ Эльбы, къ 5 часомъ утра 5-го Октября, пришли донесенія и отъ Мюрата [1]); донесенія эти показывали, что дѣйствія Богемской арміи имѣютъ вполнѣ серіозный характеръ....

Такимъ образомъ, только 5-го, Наполеонъ могъ убѣдиться, что противники перешли въ наступленіе по всей своей линіи.

И вотъ, какъ разсказываетъ Норвенъ [2]), онъ тотчасъ-же начинаетъ обдумывать, что предстоитъ ему дѣлать теперь.

Въ своемъ бѣломъ халатѣ, съ клѣтчатымъ фуляромъ на головѣ, большими шагами ходилъ Императоръ по кабинету, изрѣдка взглядывалъ на разложенныя по столамъ карты, и быстро диктовалъ одному изъ секретарей слѣдующія замѣтки:

„*Первое. Положеніе противниковъ.*

Кажется достовѣрнымъ, что Силезская армія двинулась къ Витенбергу, а главная Богемская — оперируетъ влѣво.

Въ Силезской арміи, въ корпусахъ Іорка, Блюхера и Ланжерона, не менѣе 60 т. чел. Берлинская армія, изъ корпусовъ Шведскаго, Русскаго, Бюлова и Тауэнцина, обладаетъ такой-же силой.

Такимъ образомъ, на нижней Эльбѣ находится армія въ 120,000 ч.; во всякомъ случаѣ, необходимо удостовѣриться — не отдѣлила-ли она чего нибудь и къ Гамбургу.

Теплицкая армія, составленная изъ австрійцевъ, русскаго и прусскаго корпусовъ, не можетъ быть принята меньше, какъ въ 120,000 чел.

Проэктъ союзниковъ, стало быть, двинуть двѣ большія арміи — дну вправо, другую влѣво, и заставить Императора уйти изъ Дрездена.

Второе. Положеніе французской арміи.

IV-й и VII-й корпуса, подъ начальствомъ Нея, находятся на нижней Эльбѣ.

Мармонъ, со своимъ, 1-мъ кавалерійскимъ и III-мъ армейскимъ корпусами—у Эйленбурга и Торгау. Эти обѣ арміи вмѣстѣ, образуютъ массу въ 80 тысячъ человѣкъ, прикрывающую лѣвый флангъ.

I-й, XIV-й, II-й, V-й и VIII-й корпуса, образуютъ массу въ 70,000 чел., прикрывающую правый флангъ.

Наконецъ, XI-й, гвардія и 2-й кавалерійскій корпусъ, масса въ 60,000 чел., находятся въ центрѣ.

---

[1]) № 20698.

[2]) Norvins. Portefeuille de mille huit cent treize. II. стр. 366—371.

Третье. Что слѣдуетъ дѣлать.

Сегодня вечеромъ будетъ выяснено, вся-ли Силезская армія, или же только часть ея, двинулась къ Витенбергу.

При обѣихъ гипотезахъ, можно перейти въ наступленіе на правый берегъ Эльбы, двинувшись къ Торгау съ гвардіей и XI корпусомъ и соединившись тамъ съ III-мъ и VI-мъ корпусами, такимъ образомъ, съ арміей въ 100,000 ч., дебушировать изъ Торгау по правому берегу на непріятельскіе мосты.

Всѣ корпуса, прикрывающіе правый флангъ, при наступленіи Богемской арміи, отходятъ къ Дрездену, какъ только замѣчаютъ ея движеніе, а въ случаѣ нужды, и очищаютъ Дрезденъ, чтобы двинуться къ Торгау.

Другой проэктъ.

Этотъ проэктъ заключался-бы въ сосредоточеніи всѣхъ силъ къ Лейпцигу, совершенно очищая Дрезденъ.

Для этого, XI-й, гвардія и 2-й кавалерійскій корпусъ, двинулись-бы къ Вурцену; II-й и V-й корпуса—къ Кольдицу, а I-й и XIV-й—отошлибы къ Дрездену.

Пожертвовавъ, такимъ образомъ, магазинами, фортификаціонными сооруженіями и госпиталями, была-бы сдѣлана попытка разбить правое непріятельское крыло, и въ случаѣ удачи, мы-бы опять вернулись въ Дрезденъ.

Если-же не удастся разбить правое непріятельское крыло, вслѣдствіе слишкомъ большаго его отклоненія назадъ, то очевидно, мы будемъ тогда вынуждены принять линію Саалы.

Третій проэктъ.

Укрѣпить лѣвое крыло XI корпуса и ждать въ этомъ положеніи развитія событій".

Вслѣдъ за приведенными, Наполеономъ были продиктованы и другія „Замѣтки о положеніи арміи":

„Безъ сраженія, зимнее расположеніе въ Дрезденѣ перенести невозможно.

Представляется два плана дѣйствій.

Первый — сохранить Дрезденъ и искать сраженія, дабы возвратиться въ него и найти все въ прежнемъ порядкѣ, если сраженіе будетъ выиграно.

Второй — Дрезденъ оставить совершенно; искать сраженія и если оно будетъ выиграно вернуться въ Дрезденъ, оттѣснивъ австрійскую армію въ Богемію.

При этомъ, возвращеніе въ Дрезденъ было-бы лишь случайнымъ, даже послѣ выиграннаго сраженія; зимой Эльба не существуетъ и на-

ступленіе въ Богемію маловозможно, а потому, съ той поры, Дрезденъ и не можетъ служить операціоннымъ центромъ.

Гораздо естественнѣе, находиться въ Лейпцигѣ или Магдебургѣ.

Движенія при первомъ планѣ:

Желая сохранить Дрезденъ, слѣдовало-бы дѣйствовать такъ:

Охрану его поручить I-му и XIV-му корпусамъ. Оставить II-й, V-й и VIII й корпуса для наблюденія у Хемница и Фрейберга, и двинуться что-бы дать сраженіе [1]) съ VI-мъ, III-мъ, IV-мъ, VII-мъ, XI-мъ и гвардіей.

Движенія при второмъ планѣ:

Слѣдовало-бы съ послѣ завтра, II-й, V-й и VIII-й корпуса, послѣдній у Альтенбурга, занимая Хемницъ, поставить такимъ образомъ, какъ будто движеніе происходитъ отъ Лейпцига, а не отъ Дрездена; пододвинуть I-й и XIV-й корпуса къ Дрездену для дальнѣйшаго движенія, или-же притянуть I-й и XIV-й корпуса на Носсенскую дорогу, приблизительно на высоту Вальдгейма, откинувъ тылъ къ Лейпцигу.

Разница обоихъ плановъ:

Въ первомъ планѣ, я принужденъ поставить II и V корпуса тыломъ къ Дрездену; поэтому противникъ, предупредивъ ихъ у Альтенбурга, можетъ такъ быстро двинуться къ Лейпцигу, что подвергнетъ его немедленной опасности; кромѣ того, войска, оставленныя у Дрездена, могутъ быть поставлены, при малѣйшей ошибкѣ, въ весьма затруднительное положеніе и вмѣсто того, чтобы очистить Дрезденъ, быть изъ него выгнанными.

Во второмъ планѣ, такъ-какъ сразу образуются двѣ арміи, тотчасъ-же занимающія естественное положеніе, есть возможность, постоянно оставаясь въ центрѣ, двигаться вправо или влѣво.

Если-бы Императоръ уѣхалъ изъ Дрездена [2]), то I-й и XIV-й, II-й и V-й корпуса не поняли-бы своей задачи, не связали-бы своихъ дѣйствій и могли-бы быть отрѣзанными.

Въ первомъ планѣ, я оставилъ эти корпуса для охраны Дрездена; поэтому нужно, что-бы само Его Величество взялось-бы за эту роль и оставался бы въ Дрезденѣ и его окрестностяхъ, а въ этомъ случаѣ теряется много шансовъ на лѣвомъ флангѣ; сомнительно даже, что-бы безъ присутствія Императора, было-бы выгодно дать сраженіе; при его потерѣ—положеніе сдѣлалось-бы таковымъ, что необходимо было-бы возможно скорѣй уйти съ Эльбы за Саалу".

---

[1]) Блюхеру и Бернадотту.

[2]) Это говорится про дѣйствія по первому плану.

Только-что приведенныя нами замѣтки показываютъ, что при всей неопредѣленности своихъ предположеній, Наполеонъ, тѣмъ не менѣе, клалъ въ ихъ основаніе — намѣреніе дать сраженіе только одному изъ противниковъ, или Силезской, или Богемской арміи, а не обоимъ одновременно, и полагалъ, во всякомъ случаѣ, продолжать оставаться во внутреннемъ положеніи.

Ни на чемъ большемъ какъ на этомъ, онъ, конечно, не могъ остановиться, такъ-какъ не имѣлъ, пока еще, болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній о противникѣ.

Все съ той-же цѣлью получить, наконецъ, эти свѣдѣнія, послѣ полуночи на 6-ое число, онъ посылаетъ галопомъ своего ординарца капитана Карамана въ Мейссенъ, приказываетъ ему прислать оттуда донесеніе о мѣстонахожденіи Сугама, о состояніи гарнизона и о томъ, что слышно о противникѣ, переѣхать затѣмъ въ Вурценъ, удостовѣриться что тамъ происходитъ, отыскать Мармона, сообщить ему предположенія Императора, и нѣсколько разъ на дню писать въ Дрезденъ, посылая свои донесенія съ надежными курьерами.

Послѣ 3-го часовъ утра 6-го Октября, Наполеонъ посылаетъ приказаніе Макдональду—немедленно выступить изъ подъ Дрездена въ Мейссенъ, и произвести это движеніе по правому берегу, такъ-какъ дорога по лѣвому берегу уже была занята, шедшими туда-же, двумя дивизіями Удино.

Нѣсколько позднѣе, онъ направляетъ къ Мейссену и корпусъ Себастіани, а въ 9 ч. утра, онъ пишетъ Мармону слѣдующее письмо[1]:

„Сегодня у меня будетъ въ Мейссенѣ 80,000 ч., съ авангардомъ на развѣтвленіи дорогъ къ Лейпцигу и Торгау; тамъ, я получу Ваши письма, и увижу изъ нихъ, по которой изъ этихъ двухъ дорогъ мнѣ слѣдуетъ продолжать движеніе. Я предполагаю двинуться къ Торгау, и оттуда оперировать по правому берегу, чтобы отрѣзать противника отъ его сообщеній и уничтожить его мосты, не прибѣгая къ необходимости атаковать его предмостныя укрѣпленія.

Наше движеніе по лѣвому берегу имѣетъ то неудобство, что противникъ можетъ уйти за рѣку и избѣгнуть боя; правда, при этомъ предположеніи, можно дебушировать черезъ Витенбергъ. Во всякомъ случаѣ, такъ-какъ инниціатива движенія принадлежитъ противнику, я могу окончательно рѣшить вопросъ о моемъ образѣ дѣйствій, не ранѣе какъ сегодня вечеромъ 6-го, когда положеніе дѣлъ еще болѣе выяснится.

Такимъ образомъ, рѣшеніе двинуться къ сѣверу было окончательно принято утромъ 6-го числа, хотя, до дальнѣйшаго разъясненія обстановки, и оставался еще открытымъ вопросъ, куда именно двигаться отъ Мейссена—на Лейпцигъ или на Торгау.

---

[1]) № 20705.

Впрочемъ, оставался неразрѣшеннымъ и еще одинъ вопросъ.

Изъ замѣтокъ, продиктованныхъ наканунѣ 5-го, видно, что Наполеонъ допускалъ два способа дѣйствій: сохраняя за собой Дрезденъ, и не сохраняя его.

Изъ этихъ-же замѣтокъ ясно видно, что онъ болѣе склонялся къ мысли очистить Дрезденъ и вывести изъ него I-й и XIV-й корпуса.

Несмотря однако на это, очищеніе Дрездена имѣло также и большія неудобства.

Во первыхъ, это было-бы похоже на полное отступленіе; затѣмъ, оставленіе безъ всякой защиты столицы Саксоніи могло весьма дурно повліять на настроеніе умовъ какъ во Франціи, такъ и въ государствахъ Рейнскаго союза, и, наконецъ, въ Дрезденѣ было много больныхъ, и все же, кое-какіе запасы, если и не продовольствія, то оружія и снаряженія.

Въ виду этихъ соображеній, и вѣроятно вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ Саксонскаго короля, днемъ 6-го, Наполеонъ, призвавъ къ себѣ С. Сира, объявилъ ему, что онъ поручаетъ защиту Дрездена состоящимъ подъ его начальствомъ I-му и XIV-му корпусамъ, которыхъ для этой цѣли, и велѣно было тотчасъ-же придвинуть поближе къ городу [1]).

Однако, въ 12-ть часовъ ночи, Наполеонъ снова призвалъ къ себѣ С. Сира и передалъ ему, что I-й и XIV-й корпуса, онъ также беретъ съ собой противъ Блюхера и Бернадотта.

„Я во всякомъ случаѣ дамъ сраженіе; если я его выиграю, то буду сожалѣть, что не всѣ мои войска были подъ руками; а если я его проиграю — то Вы и у меня на полѣ сраженія не будете, да и здѣсь погибнете безвозвратно. Затѣмъ, что такое теперь Дрезденъ? Онъ уже не можетъ служить центромъ операцій для арміи, такъ-какъ она не въ состояніи располагаться вокругъ него, вслѣдствіе полнаго истощенія страны.

Въ Дрезденѣ теперь 12,000 больныхъ; они всѣ должны умереть, такъ-какъ это остатокъ изъ тѣхъ 60,000, которые поступили въ госпитали при началѣ кампаніи. Прибавьте еще, что и время года теперь позднее, почему Эльба, какъ только замерзнетъ, и не будетъ представлять изъ себя ровно никакой позиціи.

Я хочу принять новое расположеніе, чтобы провести зиму; откинуть мой правый флангъ къ Эрфурту, а центръ поставить за Саалой, представляющей прекрасную позицію во всѣ времена года, вслѣдствіе своего высокаго лѣваго берега.

---

[1]) „Порывистый и беззапеляціонный тонъ этого приказанія“, разсказываетъ С. Сиръ, „не допускалъ никакихъ возраженій“.

Мой лѣвый флангъ я примкну къ Магдебургу, и Магдебургъ будетъ имѣть для меня гораздо болѣе важное значеніе, нежели Дрезденъ.... Дрезденъ слишкомъ близокъ къ Богеміи и я, находясь въ его окрестностяхъ, никогда не могу выйти въ тылъ противнику, который, вслѣдствіе короткости разстояній, всегда предупреждаетъ меня своимъ отступленіемъ“.

Такимъ образомъ, въ 12 часовъ ночи съ 6-го на 7-ое число, Императоръ окончательно рѣшилъ очистить Дрезденъ, и со всѣми войсками своего лѣваго фланга и центра, двинувшись къ сѣверу—искать сраженія.

ГЛАВА IV.

Дюбенъ.

Дѣйствительное положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ ночь съ 6-го на 7-ое Октября.—Письмо Императора С. Сиру отъ полудня 7-го Октября.—Движеніе къ Дюбену.—Положеніе дѣлъ въ представленіи Наполеона въ 4 часа утра 10-го Октября.—Измѣненіе во взглядѣ на обстановку въ 4 часа пополудни того-же 10-го числа.—Взглядъ Императора на положеніе дѣлъ въ часъ ночи на 11-ое Октября.—Окончательное затемненіе представленій Наполеона объ обстановкѣ послѣ 3-хъ часовъ дня 11-го Октября.—Рѣшеніе о движеніи къ Таухѣ.—Видоизмѣненіе этого рѣшенія.—Окончательное принятіе рѣшенія двинуться къ Лейпцигу.

Дѣйствительное общее положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ ночь съ 6-го на 7-е Октября, представлялось въ слѣдующемъ видѣ [1]):

Противъ позицій къ югу отъ Дрездена, стояло 80,000 Беннигсена и Коллоредо.

Богемская армія, эшалонируясь отъ Коммотау, занимала передовыми корпусами линію Цвиккау—Хемницъ—Вальдкирхъ.

Сѣверная армія ночевала между Дессау, Акеномъ, Цербигомъ и Іесспицемъ.

На правомъ берегу, ею были оставлены:

Отрядъ Гиршфельда (23 т.)—у Росслау.

Бригада Тюмена—для обложенія Витенберга съ восточной стороны и бригада Вобезера—для наблюденія за Торгау.

Блюхеръ, не смотря на свое желаніе, послѣ Вартенбурскаго боя, быстро двигаться къ Лейпцигу, долженъ былъ повременить этимъ движеніемъ до выхода Богемской арміи изъ горъ и до сближенія съ Бернадоттомъ.

---

[1]) См. карту № 4.

6 го Октября, войска Силезской арміи, въ полной готовности идти къ Мульдѣ, и выславъ къ ней свою кавалерію, были расположены:

Іоркъ—у Грефенхайнхена.

Ланжеронъ—у Тёрнау и Цёлликау.

Сакенъ—у Даленберга.

Французская армія была расположена:

Корпуса Бертрана (IV), Мармона (VI), Рейнье (VII), Латуръ-Мобура (1 кав.), и большая часть 3-го кавалерійскаго корпуса Арриги, вмѣстѣ съ дивизіей Домбровскаго,—(всего около 50 т. ч.), между Каменцомъ, Ѳйленбургомъ и Таухою.

III-й корпусъ Сугама - между Мейссеномъ и Торгау. XI-й, 2-й кавалерійскій и двѣ дивизіи молодой гвардіи Удино—у Мейссена.

Старая гвардія и молодая гвардія Мортье у Дрездена.

I-й и XIV-й корпуса, подъ общимъ начальствомъ С.-Сира, въ Дрезденѣ и на позиціяхъ къ югу отъ него.

Войска Мюрата—II-й, VIII-й и V-й армейскіе и 4-й и 5-й кавалерійскіе корпуса, (всего около 60,000), задерживая голову Богемской арміи, на линіи Эйдерапъ—Рохлицъ—Фробургъ.

Маршевые батальоны Маргарона (2—3 т. ч.) и часть 3 го кавалерійскаго корпуса—въ Лейпцигѣ.

Корпусъ Ожеро, (15 т. ч.), еще 19-го Сентября получившій приказаніе присоединиться къ главной арміи, въ 5—6 переходахъ къ западу отъ Лейпцига.

Отпустивъ маршала С. Сира, въ часъ пополуночи на 7-ое число, Наполеонъ диктуетъ слѣдующія „Замѣтки о движеніи различныхъ армейскихъ корпусовъ“: [1])

1) 7-го—сдѣлать большой переходъ къ Вурцену; въ немъ я могу имѣть мою главную квартиру съ конницей Себастіани и гвардейской кавалеріей; корпусъ Удино станетъ въ четырехъ лье позади и, такимъ образомъ, я имѣю возможность прибыть въ Лейпцигъ завтра 8-го, если это будетъ необходимо, во что бы-то ни стало.

2) III-й армейскій корпусъ вѣроятно прибудетъ въ Вурценъ, такъ-какъ маршалъ Мармонъ двинулъ его къ Мульдѣ.

3) Генералъ Лористонъ можетъ занять позицію у Рохлица; онъ находится отъ нея всего лишь въ трехъ лье Маршалъ Викторъ, выступивъ нѣсколько попозже, перейдетъ въ Миттвейду; оба они войдутъ въ связь съ княземъ Понятовскимъ, который занимаетъ Фробургъ.

Завтра, всѣ эти войска могутъ сосредоточиться въ Фробургѣ, чтобы затѣмъ задерживать голову непріятельской арміи.

Маршалъ С. Сиръ можетъ сегодня, 7-го, отвести къ Дрездену

---

1) № 20711.

I-й и XIV-й корпуса, занять завтра, 8-го, Мейссенъ, 9-го очистить Дрезденъ и начать, такимъ образомъ, свое движенiе къ Вурцену.

Слѣдствiемъ этихъ перемѣщенiй, для меня является возможность дѣлать все, что пожелаю. Изъ Вурцена, я могу двинуться къ Торгау и на непрiятеля, дебуширующаго изъ Витенберга, или-же сосредоточить всю армiю къ Лейпцигу и дать здѣсь генеральное сраженiе

Наконецъ, я могу отсюда-же уйти и за Саалу..."

Такимъ образомъ, даже ночью 7-го, Императоръ все еще не имѣлъ данныхъ, чтобы рѣшить, гдѣ ему придется искать сраженiя, а потому и расчеты его могли ограничиваться лишь подготовительнымъ сосредоточенiемъ къ Вурцену, откуда одинаково удобно можно было идти, какъ къ западу, такъ и къ сѣверу.

За только-что приведенными замѣтками, послѣдовалъ длинный рядъ приказанiй для исполненiя предстоящихъ передвиженiй, отдача которыхъ заняла у Наполеона всю ночь до 6 часовъ утра.

Въ шесть-же часовъ утра, онъ покинулъ Дрезденъ вмѣстѣ съ маленькой главной квартирой, т. е. съ Бертье, Коленкуромъ, начальникомъ военно-топографическаго бюро, дежурными адъютантами, секретарями и ординарцами.

Большая главная квартира и саксонскiй король съ семействомъ, должны были выступить на нѣсколько часовъ позднѣе.

Прибывъ около полудня въ Мейссенъ, Наполеонъ послалъ С. Сиру слѣдующее письмо: [1])

„Я нахожусь въ Мейссенѣ. Послалъ предписанiе транспортамъ съ мукой продолжать свой путь въ Дрезденъ. Имѣю надежду принудить противника вступить въ сраженiе. Оставайтесь весь день 8-го, на позицiяхъ впереди Пирны. Мои мысли усядутся окончательно завтра, и если надежда на сраженiе будетъ, то намѣренiе мое сохранить Дрезденъ, тѣмъ болѣе, что я буду оперировать черезъ Торгау, и сообщенiя мои будутъ обезпечены на обоихъ берегахъ. Прикажите печь хлѣбъ, прикажите продолжать работы въ укрѣпленномъ лагерѣ и велите эвакуировать какъ можно больше раненыхъ. Тачки, на которыхъ привозятъ въ Дрезденъ фрукты, могутъ отлично служить для ихъ перевозки. Успокойте жителей, скажите имъ, что нѣтъ и рѣчи о выводѣ изъ города войскъ; увѣрьте ихъ, что у Васъ 50,000, а въ случаѣ нужды, Вы будете быстро поддержаны... Большая главная квартира прибудетъ сегодня въ Мейссенъ; маленькая въ Ошацъ. Оттуда, я вѣроятно двинусь къ Торгау".

Слова „я буду оперировать черезъ Торгау, и при сохраненiи Дрездена, мои сообщенiя будутъ обезпечены на обоихъ берегахъ" ука-

---

[1]) № 20719.

зываютъ, что Наполеонъ уже обдумывалъ какой-то новый способъ дѣйствій, требовавшій сохраненія Дрездена, „хотя“ мысли Императора въ это время, по собственному его выраженію, „еще и не были окончательно усѣвшимися“. Во что вылился этотъ новый способъ дѣйствій, будетъ видно нѣсколько ниже.

Къ вечеру 8-го числа, войска французскаго центра и лѣваго фланга, совершивъ въ теченіе двухъ дней указанныя имъ передвиженія и сдѣлавъ, въ среднемъ, отъ 60 до 70 верстъ,—расположить на суточномъ переходѣ по фронту и въ глубину [1]), между Таухою, Эйленбургомъ, Шильдою, Даленомъ и Вурценомъ [2]). Императорская главная квартира — въ Вурценѣ.

Всего, для дѣйствій противъ Блюхера, у Наполеона, было сосредоточено: 22 дивизіи пѣхоты и 12 дивизій кавалеріи — около 120,000 ч.

Согласно условіямъ Мюльбекскаго совѣщанія, на которомъ свидѣлись 7-го числа Блюхеръ и Бернадоттъ, 8-го—Силизская армія продвинулась къ Мульдѣ, съ цѣлью дальнѣйшаго наступленія къ Лейпцигу, и войска ея, къ концу дня, расположились:

Корпусъ Іорка—у Мюльбека.

„ Ланжерона—у Дюбена.

„ Сакена—у Мокрены, выдвинувъ авангардъ почти къ самому Эйленбургу.

Главная квартира въ Дюбенѣ.

Сѣверная армія, 8-го числа, оставалась въ томъ-же положеніи, какъ и въ предъидущіе дни.

Не смотря на имѣвшуюся многочисленную конницу, ни Блюхеръ, ни Бернадоттъ, днемъ 8-го, еще почти ничего не знали о движеніи французовъ. Въ главной-же квартирѣ Наполеона, при всемъ плохомъ состояніи кавалеріи, было уже весьма обстоятельно выяснено положеніе Силезской арміи. Её отдѣляло отъ передовыхъ французскихъ корпусовъ пространство въ 20 — 25 верстъ, и завтра она должна была быть рѣшительно атакована.

---

[1]) См. карту № 5.

[2]) А именно:

III корпусъ Сугама—въ 7 верстахъ къ югу отъ Эйленбурга.

XI корпусъ Макдональда и 2-й корпусъ Себастіани—у Далена.

Вся гвардія и баварская дивизія Рагловича—между Даленомъ и Вурценомъ.

Впереди стояли, подъ общимъ начальствомъ Нея:

VI корпусъ Мармона и кавалерійская дивизія Лоржа—у Таухи.

VII корпусъ Рейнье и четыре кавалерійскихъ дивизіи корпусовъ: Латуръ-Мобура и Арриги между Махерномъ и Эйленбургомъ.

Дивизія Домбровскаго—у Эйленбурга.

IV корпусъ Бертрана—у Шильды.

Правѣе его, близъ Торгау—сборная кавалерійская дивизія Шастеля.

Цѣлую ночь отдавалъ Императоръ приказанія для движенія своей 120-ти тысячной массы къ Дюбену. Движеніе это онъ велѣлъ начать въ 6 часовъ утра, имѣя впереди всю кавалерію, и произвести его тремя колоннами:

Правой—на Мокрену и Шпроттау [1]).

Средней—по правому берегу Мульды—на Дюбенъ [2]).

Лѣвой—тоже на Дюбенъ, но по лѣвому берегу рѣки [3]).

Императорская маленькая главная квартира должна была слѣдовать при средней колоннѣ...

Къ вечеру 8-го числа, пришли, наконецъ, въ штабъ Силезской арміи, положительныя извѣстія о наступленіи французовъ.

Извѣстія эти возбудили большую тревогу, и для рѣшенія вопроса о томъ, что предпринять, начальникъ штаба Блюхера—Гнейзенау—отправилъ въ главную квартиру Сѣверной арміи, въ Цербигъ, одного изъ своихъ офицеровъ генеральнаго штаба, маіора Рюле, которому велѣно было узнать о намѣреніяхъ Бернадотта и обсудить съ нимъ вопросъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ.

Поздно ночью прибылъ Рюле въ Цербигъ.

Выслушавъ его сообщеніе о наступленіи Наполеона, Бернадоттъ объявилъ, что Сѣверная армія немедленно-же уйдетъ за Эльбу и уничтожитъ свои мосты, и что онъ совѣтуетъ сдѣлать тоже самое и Блюхеру, т. е. переправиться обратно у Вартенбурга и отступить для прикрытія Берлина.

Маіоръ Рюле, видя, что съ предлагаемымъ отступленіемъ окончательно рушится движеніе къ Лейпцигу, рѣшилъ, отъ себя и на свой страхъ, отвѣтить Бернадотту, что Блюхеръ ни въ какомъ случаѣ за Эльбу не уйдетъ, а если нужно, то броситъ свои мосты и двинется къ Саалѣ, чтобы оттуда идти на соединеніе съ Богемской арміей.

„Хорошо" сказалъ, пораженный этимъ отвѣтомъ, Бернадоттъ, „я также перейду черезъ Саалу; если-же Наполеонъ двинется вслѣдъ за нами, то мы переправимся черезъ Эльбу у Феркланда, гдѣ уже готовъ мостъ и опять прикроемъ Берлинъ".

Отвѣтивъ, однако, такимъ образомъ, и обѣщавъ приготовить для Силезской арміи мостъ на Саалѣ у Веттина, въ дѣйствительности, Бернадоттъ былъ далекъ отъ мысли исполнить предложенное движеніе; отпустивъ Рюле, онъ отправилъ съ нимъ и своего адъютанта

---

[1]) Корпуса Макдональда, Бертрана, Себастіани и кавалерійская дивизія Шастеля.

[2]) Корпуса Рейнье, Сугама и Латуръ-Мобура, дивизія Домбровскаго, кавалерійскія дивизіи Фурнье и Дефранса и вся гвардейская кавалерія. За этой колонной должны были также идти и гвардейская пѣхота, парки и понтоны.

[3]) Корпусъ Мармона и кавалерійская дивизія Лоржа.

де-Ноайлля, которому приказалъ доказать Блюхеру безусловную необходимость немедленно-же отступить за Эльбу.

Рано утромъ 9-го Октября, прибыли оба они въ Дюбенъ. Рюле, предчувствуя секретную миссію своего спутника, послѣшилъ предупредить его свиданіемъ съ Блюхеромъ, и тотчасъ-же и передалъ послѣднему весь свой разговоръ съ Бернадоттомъ.

Блюхеръ съ радостью согласился на проэктъ движенія къ Саалѣ. Онъ приказалъ подать себѣ карту, которую, вообще, никогда не удостаивалъ взглядомъ, и держа её въ рукахъ встрѣтилъ вошедшаго де-Ноайлля; съ важной и глубокомысленной миной объявилъ онъ затѣмъ ему, что давно уже имѣлъ въ виду маневръ къ Саалѣ, и кромѣ полнаго согласія на него, отъ такого большаго стратега, какъ Наслѣдный Принцъ Шведскій, онъ, конечно, ничего другаго и ожидать не могъ.

Рѣшительный тонъ, которымъ все это говорилось, исключалъ всякую возможность противорѣчія.

Адъютантъ Бернадотта долженъ былъ уѣхать ни съ чемъ.

Затѣмъ, немедленно, было приказано:

Корпусу Іорка тотчасъ-же перейти отъ Мюльбека къ Іесницу, и здѣсь переправиться черезъ Мульду, а Ланжерону—направиться отъ Дюбена къ Мюльбеку.

Вслѣдствіе этого приказанія, оба названныхъ корпуса и могли своевременно уклониться къ сѣверу, отъ готовящагося имъ удара.

Сакенъ-же, не получившій никакихъ приказаній и двигавшійся отъ Мокрены къ Эйленбургу, подвергался неминуемой опасности быть раздавленнымъ подавляющимъ превосходствомъ силъ французовъ.

Но, счастье уже явно было на сторонѣ союзниковъ. Получивъ отъ своей конницы извѣстіе о наступленіи непріятеля, Сакенъ рѣшилъ не исполнить, предписаннаго ему наканунѣ, движенія къ Эйленбургу, а бросился къ сѣверу, и, ускользнувъ такимъ образомъ отъ встрѣчи съ французами, поздно вечеромъ достигъ Скёны.

Во время этихъ происшествій въ Силезской арміи, Наполеонъ, выѣхавъ послѣ 9-ти часовъ утра изъ Вурцена, торопилъ свои корпуса къ Дюбену.

Обгоняя войска, онъ говорилъ имъ рѣчи.

Все предвѣщало большое сраженіе. Но, противникъ, въ сколько нибудь значительныхъ силахъ, нигдѣ не обнаруживался. Передъ французской конницей - всюду поспѣшно отступала непріятельская; на горизонтѣ видны были тучи пыли, ею поднимаемыя.

Наконецъ, въ три часа дня, передовыя войска Наполеона достигли Дюбена; мѣстечко было пусто; два часа тому назадъ, его оставилъ арріергардъ Ланжерона.

Французская армія опоздала на нѣсколько часовъ. Движеніе про-

тивъ Блюхера, предпринятое Императоромъ послѣ столькихъ дней выясненія обстановки, и стоившее громадной форсировки, (разстояніе отъ Дрездена до Дюбена въ 90 верстъ—было пройдено въ три дня), результатомъ которой была потеря въ 20,000 человѣкъ, оказалось ударомъ по воздуху.

Противникъ ускользнулъ и ускользнулъ неизвѣстно куда.

И вотъ, какъ и въ послѣдніе дни Сентября, опять начинается для Наполеона томительное бездѣйствіе, вызываемое, исключительно, необходимостью разъясненія положенія дѣлъ, сложившихся самымъ неожиданнымъ, непонятнымъ для него образомъ, и почти всѣми изслѣдователями, объясняемое упадкомъ его духа.

Однако, его письма за это время даютъ намъ возможность, и на этотъ разъ, возстановить съ достаточной полнотой всю картину его громадной дѣятельности за вновь наступившіе для него тяжелые дни…

Армія, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, бивакoвала вечеромъ 9-го, въ пространствѣ между Дюбеномъ, Эйленбургомъ, Вурценомъ, Айденхайномъ и Мокреною [1]).

Императорская главная квартира—въ Эйленбургѣ.

Мюратъ, 9-го, былъ оттѣсненъ къ Борнѣ, мѣстечку въ 25 верстахъ къ югу отъ Лейпцига и въ 30—40 верстахъ отъ Вурцена и Эйленбурга.

Передовые корпуса Богемской арміи подошли въ этотъ день къ Борнѣ; ея задніе эшелоны были расположены до Хемница.

Войска Силезской арміи стояли:

Іоркъ—у Іессница и Рагуна.

Ланжеронъ у Мюльбека, а Сакенъ—у Скёны.

Сѣверная армія—на линіи Цербигъ-Іессницъ, отдѣливъ корпусъ Тауэнцина для охраны Росслаускаго моста.

Въ продолженіи 10-го и 11-го Октября, Богемская армія совершила незначительныя передвиженія въ пространствѣ между Борною, Альтенбургомъ и Пенигомъ.

Войска Блюхера, 10-го Октября, продолжали свой маршъ въ Саалѣ и достигли къ вечеру—Іоркъ и Ланжеронъ—Цербига, Сакенъ—Іессница.

11-го, Ланжеронъ и Іоркъ переправились у Галле, а Сакенъ у Веттина.

Бернадоттъ все 10-е число оставался въ прежнемъ положеніи, а на другой день—поставилъ свою армію у Кётена, т. е. ближе къ Акенскому мосту, нежели къ Саалѣ.

Что-же дѣлалъ въ эти дни Наполеонъ?

Первыя его распоряженія на 10-ое число, имѣли, разумѣется, цѣлью отыскать исчезнувшаго противника; тактика уклоненія отъ боя, которой такъ долго слѣдовали союзники, давала ему, конечно, право предполагать, что и на этотъ разъ они прибѣгнули къ ней.

---

[1]) См. карту № 6.

Имѣвшіяся во французской главной квартирѣ, въ ночь на 10-е число, немногочисленныя свѣдѣнія о непріятелѣ сводились къ тому, что „повидимому, Сакенъ двинулся къ Вартенбургу, а Ланжеронъ къ Дессау", [1]) и, такимъ образомъ, армія Блюхера, отказавшись отъ своего движенія къ Лейпцигу, бросилась назадъ къ Эльбѣ.

Предположенія эти, во всякомъ случаѣ, требовали подтвержденія, почему съ 4-хъ часовъ утра 10-го Сентября, Императоръ и сталъ отдавать приказанія для производства развѣдки крупными войсковыми частями по различнымъ направленіямъ, преимущественно-же, въ сѣверо-восточномъ.

Макдональдъ, съ XI-мъ корпусомъ, кавалерійской дивизіей Шастеля и легкой кавалеріей корпуса Себастіани, долженъ былъ двинуться на Вейденхайнъ и искать Сакена между Дёмичемъ, Прётчемъ, и Кембергомъ.

Бертранъ, съ IV-мъ корпусомъ и остальной кавалеріей Себастіани, былъ направленъ къ Пресселю.

Отряду Домбровскаго—приказано было двинуться къ Кёмбергу.

Сугаму, Рейнье и кавалерійской дивизіи де Франса, идти въ Дюбенъ.

Развѣдку къ сѣверо-западномъ направленіи, куда именно и уклонился Блюхеръ, Императоръ предполагалъ вести лишь до линіи Деличъ—Биттерфельдъ—Мюльбекъ, и притомъ, значительно слабѣйшими силами, а именно:

Дивизіей Лефевръ-Депоэтта — между Эйленбургомъ, Дюбеномъ и Деличемъ.

Дивизіей Фурнье—между Деличемъ и Биттерфельдомъ

и легкой кавалеріей 3-го кавалерійскаго корпуса къ сторонѣ Мюльбека [2]).

Въ 10 часовъ утра, Наполеонъ, все оставаясь при предположеніи, что Сакенъ двинулся къ Вартенбургскому мосту [3]), т. е. что Силезская армія отступаетъ къ Эльбѣ, пишетъ Марè слѣдующее письмо:

„...Извѣстите С. Сира, что мои головныя части будутъ сегодня въ Витенбергѣ; что вѣроятно завтра, или послѣ завтра, будетъ сраженіе; что послѣ этого сраженія, я вернусь къ нему. Сообщите ему все, что вамъ извѣстно про Мюрата... Сообщите ему, что я, во всякомъ случаѣ, разсчитываю на сохраненіе имъ Дрездена; что въ случаѣ, если событія заставятъ его очистить Дрезденъ, чего, впрочемъ, я надѣюсь не будетъ, маршалъ С. Сиръ можетъ отойти къ Торгау, по тому или другому берегу; что если сраженіе произойдетъ, и я непріятеля разобью, то австрійцы вернутся къ своимъ границамъ, а я приближусь

---

[1]) № 20741.

[2]) № 20736—20741.

[3]) „Je vous ai mandé que Sacken se retirait en toute hâte sur le pont de Wartenbourg". № 20745.

къ Торгау по правому берегу, чтобы войти съ нимъ въ связь и посѣтить затѣмъ Берлинъ, что сдѣлаю послѣ того, какъ освобожу его.

Если, напротивъ, сраженія не будетъ, то очень вѣроятно, что я буду маневрировать по правому берегу Эльбы, ибо разъ всѣ проэкты противника разсчитаны на движеніи его по лѣвому берегу, то и я также брошусь на ихъ операціонную линію и послѣдствія событій сегодняшняго и завтрашняго дней могутъ быть неисчислимы. Сообщите ему, что я разсчитываю на его твердость и благоразуміе.

Я съ громаднымъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій изъ Лейпцига о движеніяхъ непріятеля, чтобы узнать — наступательныя-ли они или отступательныя; повидимому, его главныя силы между Саалой и Мульдой; я-же намѣренъ маневрировать между Мульдой и Эльбой до тѣхъ поръ, пока новыя извѣстія и обстоятельства не заставятъ меня идти къ Эльбѣ".

Хотя письмо это и нѣсколько неясно, но, сопоставляя съ нимъ, во-первыхъ, разговоръ съ С. Сиромъ въ 12 часовъ ночи 6-го, въ которомъ Наполеонъ говорилъ ему о желаніи имѣть возможность выйти въ тылъ Богемской арміи, во вторыхъ—письмо къ С. Сиру-же 7-го числа изъ Мейссена и, наконецъ, предположеніе Императора, что Силезская армія *отступаетъ* къ своимъ мостамъ, сопоставляя все это, можно прійти къ несомнѣнному заключенію, что утромъ 10-го, Наполеонъ предполагалъ преслѣдовать Блюхера, хотя-бы и за Эльбу, и разбивъ или отогнавъ его подальше назадъ, двинуть затѣмъ часть силъ своихъ къ Берлину, а самому выйти въ тылъ Богемской арміи черезъ Торгау или Дрезденъ.

Продиктовавъ это письмо, Императоръ сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ кирасирами Латуръ-Мобура отбылъ въ Дюбенъ.

Въ весьма мало достовѣрныхъ мемуарахъ Коленкура, записанныхъ въ 1826-мъ году, будто-бы съ его словъ, болѣзненной и экзальтированной женщиной Шарлоттой Соръ, помѣщенъ слѣдующій патетическій разсказъ, относящійся къ времени прибытія Наполеона въ Дюбенъ:

„Мы приближались къ Дюбену. Когда стали извѣстными намѣренія Императора идти на Берлинъ, а не на Лейпцигъ, то раздался всеобщій ропотъ. . . . .

Всѣ говорили, что давно уже пора кончить кампанію и стать на зимнія квартиры по Рейну. При этихъ грустныхъ обстоятельствахъ пришла вѣсть объ отложеніи Баваріи. . . . .

Я былъ въ пріемной Императора, когда весь штабъ пришелъ умолять его отказаться отъ намѣренія идти къ Берлину, а просилъ двигаться къ Лейпцигу. Нужно было видѣть эту печальную сцену, чтобы имѣть о ней полное представленіе. Первымъ сталъ говорить одинъ изъ маршаловъ. Его тотчасъ-же поддержали и остальные....

Не смотря на негодованіе, которое обуревало Императора, онъ, совладѣвъ съ собой, оставался такимъ-же холоднымъ и сдержаннымъ какъ и прежде, и только легкая дрожь слышалась въ его голосѣ при отвѣтѣ непослушнымъ: „Мой планъ былъ хорошо соображенъ; въ немъ я принялъ въ расчетъ, какъ неблагопріятное для насъ обстоятельство, и отложеніе Баваріи. Я убѣжденъ, что движеніе къ Берлину поведетъ къ блестящимъ результатамъ. Отступательное-же движеніе при нашемъ положеніи—приведетъ къ катастрофѣ, чѣмъ хулители моего плана навлекаютъ на свою голову большую отвѣтственность. Я подумаю господа".

И онъ удалился въ свой кабинетъ. Нѣсколько разъ на дню, я подходилъ къ дверямъ Императорской комнаты. Онъ сидѣлъ въ ней одинъ, погруженный въ свои думы и ничѣмъ не занимался. Встревоженный этимъ настроеніемъ, такъ не похожимъ на обыкновенное, вечеромъ, я приказалъ доложить о себѣ. Онъ не отвѣчалъ ничего. Я-же, все-таки, остался ожидать его приказаній въ пріемной, помѣщавшейся рядомъ съ кабинетомъ.

Погода на дворѣ стояла мрачная и холодная. Дулъ сильный вѣтеръ, съ ревомъ врывавшійся въ обширныя комнаты грустнаго Дюбенскаго замка; старинныя оконныя рамы, обдѣланныя свинцомъ, дрожали и издавали жалобные звуки...

Все, въ этомъ печальномъ обиталищѣ, наводило на мрачныя мысли. Одиночество окружало великаго человѣка...

Ночь надвигалась, а молчаніе въ кабинетѣ Императора продолжалось.

Тогда, я вырвалъ листокъ изъ записной книжки, написалъ на немъ карандашемъ: „Я здѣсь; хотите-ли меня видѣть" и послалъ его съ каммердинеромъ въ комнату Императора.

Онъ прочелъ, и со слабой улыбкой проговорилъ: „Войдите Коленкуръ".

Я засталъ его лежащимъ на диванѣ, со страшно перемѣнившимся лицомъ.

На слова мои: „Ваше Величество, это бездѣйствіе Васъ убиваетъ", Наполеонъ безнадежно махнулъ рукой.

Затѣмъ онъ всталъ, прошелся медленными шагами по комнатѣ, проговорилъ:

„Все потеряно, я напрасно борюсь съ рокомъ — Французы неумѣютъ переносить неудачъ"—и опять впалъ въ прежнее сонливое состояніе, вывести его изъ котораго, не смотря на всѣ мои усилія, мнѣ неудалось.

Вечеромъ на слѣдующій день, послѣдовало приказаніе двигаться всѣмъ въ Лейпцигъ [1]...."

---

[1]) Charlotte de Sor. Souvenirs du duc de Vicence. Paris 1837. I p. 259—266.

Не смотря на всю видимую точность этого разсказа, онъ, въ дѣйствительности, не заключаетъ въ себѣ ни слова правды. На ложность его давно уже указалъ Бернгарди въ своихъ „Denckwürdigkeiten aus dem Leben des generals Grafen von Toll“ [1]). Приводимъ-же здѣсь мы его потому, что года два тому назадъ, извѣстный французскій военный писатель, генералъ Піерронъ, въ своемъ этюдѣ „De Dresde à Leipsig“ не затруднился помѣстить его цѣликомъ, какъ вполнѣ достовѣрный, и тѣмъ объяснить всѣ распоряженія Наполеона послѣ 10-го числа.

На самомъ-же дѣлѣ—ничего подобнаго не было.

Мы не находимъ объ этомъ никакихъ указаній ни у Мармона, ни у Ронья; баронъ Оделебенъ въ своихъ запискахъ говоритъ только, что четыре дня, проведенные Наполеономъ въ Дюбенскомъ замкѣ, были, можетъ-быть, самыми скучными въ его жизни, а „Correspondance“ показываетъ намъ, что и приказъ о сосредоточеніи къ Лейпцигу былъ отданъ не вечеромъ 11-го, а въ 10 ч. утра 12 го, что и объ отложеніи Баваріи получились извѣстіе не 10-го, а 13-го, т. е. послѣ отдачи упомянутаго приказа, и наконецъ, а это самое главное, что вечеръ 10-го, прошелъ для Наполеона не въ одинокомъ бездѣйствіи, а напротивъ, въ самой напряженной работѣ.

Чтобы яснѣе было, въ чѣмъ именно заключалась эта работа, мы нѣсколько вернемся назадъ, къ приведенному нами письму Марè, отъ 10 часовъ утра того-же 10-го Октября.

Мы видѣли изъ этого письма, что Наполеонъ, утромъ 10-го, предполагалъ, что вся Силезская армія спѣшитъ отступить за Эльбу; предположеніе это влекло за собою надежду, что слѣдуя по пятамъ за Блюхеромъ, можно будетъ, или нанести ему отдѣльное пораженіе, или-же, если онъ боя не приметъ, то отогнать его подальше отъ остальныхъ союзныхъ армій, а затѣмъ, направя часть силъ къ Берлину, выйти съ остальными — въ тылъ Шварценбергу, черезъ Торгау или Дрезденъ, для чего въ послѣднемъ и долженъ былъ оставаться С. Сиръ.

Таковы были намѣренія Императора утромъ 10-го, и всѣ писатели, разбиравшіе осеннюю кампанію 1813 года — единодушно признаютъ ихъ вполнѣ геніальными.

Но, такъ-какъ означенныя намѣренія приведены въ исполненіе не

---

[1]) Zweite vermehrte Auflage. Leipzig 1866. стр. 452. ....„Aber das alles ist erwiesen falsch; es ist erwiesen dass während der vier Tage welche Napoleon zu Düben verlebte, auszer Marmont keiner der Marschälle dort erschien und gesehen wurde, dasz keiner sonst gewöhnlich mit Napoleon verkehrt hat....

были, то въ своихъ разсужденіяхъ о послѣдующихъ дѣйствіяхъ Наполеона, писатели эти, большею частью, распадаются уже на двѣ группы: одни изъ нихъ объясняютъ рѣшеніе Наполеона сосредоточиться къ Лейпцигу — отпаденіемъ Баваріи, или какъ Піерронъ, возмущеніемъ маршаловъ, а другіе, какъ графъ Іоркъ, упадкомъ его генія и силы воли.

Но подобныя объясненія, одинаково неправильныя, происходятъ, только лишь потому, что почти никто изъ изслѣдователей осенней кампаніи 1813 года не старался вполнѣ взглянуть на событія именно такъ, какъ они представлялись Наполеону.

Если мы припомнимъ, что Наполеонъ, открывая кампанію съ силами почти равными непріятельскимъ, тѣмъ не менѣе, считалъ для себя самымъ выгоднымъ бить его по частямъ и не дать ему возможности соединиться, что для этого онъ еще 13-го Августа рискнулъ протянуться до Лигница, что во всѣхъ его послѣдующихъ планахъ красною нитью проходило желаніе быть всегда въ центрѣ; если мы припомнимъ все это, то конечно придемъ къ несомнѣнному заключенію, что въ десятыхъ числахъ Октября, когда у французовъ было съ небольшимъ 200 т. ч., а у противника до 380 т.,—сохраненіе центральнаго положенія, дабы отнюдь не дать союзнымъ арміямъ соединиться, являлось для Наполеона самой настоятельной, самой безусловной потребностью, и отъ возможности ея осуществленія—зависѣли и всѣ дальнѣйшія его дѣйствія, въ томъ числѣ, разумѣется, и движеніе за Эльбу, которое, утромъ 10-го Октября, вовсе не было закрѣплено окончательно, а принималось лишь какъ желательная и вѣроятная возможность.

Передъ тѣмъ-же, однако, чтобы на что-нибудь рѣшиться и не подвергнуться катастрофѣ, надо было, во чтобы-то ни стало, въ точности выяснить, что дѣлаетъ непріятель, и въ работѣ-то этой, полной самаго животрепещущаго интереса, и прошли 10-ое, 11-ое и 12-ое Октября.

Конечно, во французской главной квартирѣ, 10-го, очень много говорилось о движеніи за Эльбу; весьма вѣроятно, что и самъ Императоръ, чтобы скрыть затруднительность своего положенія и показать окружающимъ, что у него готовы рѣшенія на всѣ случаи, сильно настаивалъ на словахъ — о полной возможности предполагаемаго движенія; но въ дѣйствительности, онъ и не думалъ закрѣплять подобное рѣшеніе, пока не выяснится обстановка, и это вполнѣ видно изъ всѣхъ отданныхъ имъ распоряженій за эти дни....

Въ три часа дня, въ Дюбенъ, пришли извѣстія, что дѣйствія Богемской арміи имѣютъ, несомнѣнно, вполнѣ наступательный характеръ; что-же касается до Силезской и Сѣверной армій, то онѣ Эльбы, пока еще, не переходили.

Послѣднее извѣстіе, хотя ничего и не опредѣляло положительнымъ образомъ, но, тѣмъ не менѣе, расширяло взглядъ Наполеона на обстановку въ томъ направленіи, что онъ тотчасъ-же допустилъ возможности и неухода Бернадотта и Блюхера за Эльбу, съ отказомъ ихъ отъ своихъ путей отступленія [1]).

Разумѣется, подобное расширеніе взгляда на обстановку влекло за собой лишь еще большее увеличеніе ея неопредѣленности, почему въ 4 часа пополудни, Императоромъ и были отданы новыя распоряженія для продолженія развѣдки, и притомъ уже въ болѣе сѣверномъ направленіи:

Нею—съ III-мъ корпусомъ и кавалерійской дивизіей де-Франса—приказано было перейти въ Грефенхайнхенъ, и освѣтить мѣстность между Дессау, Биттерфельдомъ и Іесницемъ.

Рейнье — идти къ Кембергу.

Бертрану съ IV-мъ корпусомъ и кавалеріей Себастіани — къ Требницу.

Макдональду, Домбровскому и дивизіи Шастеля — къ Витенбергу.

Кромѣ того:

Всей молодой гвардіи (Мортье и Удино)—стать впередъ Дюбена.

1-й гвардейской кавалерійской дивизіи генерала Орнано — направиться къ Скёнѣ.

3-й гвардейской кавалерійской дивизіи генерала Вальтера, вмѣстѣ со всей старой гвардіей—расположиться у Дюбена [2]).

Во время отдачи этихъ распоряженій, въ четыре-же часа дня, Наполеонъ получаетъ слѣдующее чрезвычайно важное донесеніе: „Сакенъ не у Вартенбурга, а былъ въ шесть часовъ утра у Рагуна“ [3]).

Донесеніе это, несомнѣнно, значительно измѣняло взглядъ на положеніе дѣлъ, а именно въ томъ смыслѣ, что давало сильный перевѣсъ предположенію, что, можетъ быть, Блюхеръ за Эльбу и не уйдетъ, иначе Сакену не зачѣмъ было идти отъ Мокрены къ Рагуну, и тѣмъ удаляться отъ Вартенбургской переправы.

Изъ предположенія этого, въ случаѣ дальнѣйшаго его потвержденія, логически должно было вытекать, что Императору слѣдовало искать сраженія съ Блюхеромъ на *лѣвомъ* берегу Эльбы, а движеніе на правый—могло оказаться и безцѣльнымъ, и выводящимъ изъ внутренняго положенія.

---

1) № 20746.

2) №№ 20747, 20750.

3) № 20751.

И подъ вліяніемъ этого, въ 5 часовъ вечера, онъ приказываетъ написать С. Сиру: „что Силезская армія въ полномъ отступленіи по *лѣвому* берегу; что завтра я её заставлю принять сраженіе, или отдать свои мосты у Дессау и Витенберга, и что *можетъ быть*, послѣ этого, я рѣшусь перейти на правый берегъ со всей моей арміей"....[1]).

Вечеромъ, въ виду подтверждавшихся извѣстій, о наступленіи Шварценберга, Наполеонъ вынужденъ былъ принять въ соображеніе и возможность своего движенія къ Лейпцигу, отогнавъ, предварительно, подальше Блюхера, съ тѣмъ, чтобы дать въ окрестностяхъ этого города сраженіе — одной только Богемской арміи. Въ $5^1/_2$ часовъ пополудни, онъ писалъ Мюрату:

„Завтра 11-го, въ теченіе дня, я или разобью непріятеля, или разрушу его мосты и отброшу на ту сторону рѣки. Прогнавъ, такимъ образомъ, Силезскую армію, я могу, 13-го днемъ, быть въ Лейпцигѣ со всей моей арміей" [2]).

Въ часъ пополуночи на 11-ое Октября, во французскую главную квартиру приходитъ, вполнѣ достовѣрное по мнѣнію Наполеона свѣдѣніе, „comme nouvelle positive", въ дѣйствительности-же, совершенно ложное, что Сакенъ — отъ Рагуна — двинулся къ Дессау, и что вся непріятельская армія сосредоточивается у этой переправы [3]).

Конечно, это свѣдѣніе влекло за собой предположеніе, что противникъ намѣренъ уйти на правый берегъ Эльбы, но не у Вартенбурга, а у Дессау.

При этомъ взглядѣ на положеніе дѣлъ,—движеніе французской арміи за Эльбу являлось вполнѣ осуществимымъ, а потому, въ три часа утра, Наполеономъ и были отданы приказанія для его исполненія, причемъ, въ виду вѣроятности уничтоженія непріятелемъ послѣ переправы моста у Дессау,—Макдональду, Бертрану, Рейнье, Себастіани, Домбровскому и Шастелю — велѣно было перейти рѣку у Витенберга, и отсюда уже двигаться къ Росслау, на встрѣчу противнику.

За этими войсками должна была дебушировать и вся остальная армія, состоявшая подъ личнымъ начальствомъ Наполеона; пока-же, чтобы дать время пройти через крѣпость головнымъ корпусамъ, Нею съ III-мъ корпусомъ и дивизіей де-Франса было приказано оставаться въ Грефенхайнхенѣ и наблюдать за Дессау съ юга; гвардія и Латуръ-Мобуръ должны были двинуться къ Кёмбергу, а Мармонъ изъ Линденгайна -перейти на правый берегъ Мульды у Дюбена, и, находясь также

---

1) № 20752.
2) № 20754.
3) № 20757.

въ готовности къ движенію къ Кёмбергу, до начала его, — освѣщать мѣстность къ сторонѣ Іесснпца и Биттерфельда........ [1]).

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этихъ распоряженій къ рѣшительному наступленію за Эльбу, приходятъ новыя сбивчивыя донесенія, изъ которыхъ можно было заключить, что противникъ *уничтожилъ* свои мосты у Дессау и останется на лѣвомъ берегу рѣки. [2]).

Конечно, донесеніями этими—предположеніе объ уходѣ Силезской арміи на правый берегъ, подвергалось большому сомнѣнію.

Новыя приказанія были немедленно посланы Наполеономъ съ настойчивыми требованіями свѣдѣній о противникѣ; въ 12 часовъ дня, онъ писалъ Рейнье: „съ Саксонской кавалеріей, поляками и Латуръ-Мобуромъ, можно обрекогносцировать мѣстность и получить кое какія указанія, что дѣлаетъ непріятель у Дессау. Имѣетъ-ли онъ намѣреніе перейти на правый берегъ и дать сраженіе, или же думаетъ снять свои мосты и остаться на лѣвомъ берегу“.

Въ три часа дня Императоръ получаетъ опять новое донесеніе:

„Вчера вечеромъ (10-го), никого не было въ Рагунѣ и очень мало въ Дессау. Противникъ, какъ кажется, отступилъ на Кётенъ и Радегастъ“ [3]), т. е. отъ Эльбы въ юго-западномъ направленіи.

Въ виду этого донесенія, могущаго повліять, при его подтвержденіи, къ самой коренной перемѣнѣ во взглядѣ на положеніе дѣлъ, Императоръ приказываетъ Нею, подошедшему къ Рагуну, выслать немедленно сильные развѣдывательные отряды и, во-чтобы то ни стало, доставить самыя положительныя свѣдѣнія.

Вскорѣ затѣмъ, пришло извѣстіе и отъ Мюрата, что въ 11 часовъ утра, Богемская армія, послѣ неудачнаго авангарднаго дѣла у Борны, начала отступать къ Фробургу.... [4]).

Этими двумя донесеніями, взглядъ на обстановку заволакивался почти непроницаемымъ туманомъ; а послѣ нихъ — всякія новыя свѣдѣнія о противникѣ прекратились до слѣдующаго утра, и Наполеонъ вынужденъ былъ сидѣть сложа руки, не смотря на то, что время шло, а по его собственному-же выраженію „оно, въ такой сложной войнѣ какъ настоящая, имѣло громаднѣйшее значеніе“ [5]).

---

[1]) № 20758.
[2]) № 20763.
[3]) № 20764.
[4]) № 20765.
[5]) № 20612.

„Я видѣлъ“, говоритъ баронъ Оделебенъ, очевидно про этотъ день, „Императора, сидящимъ за большимъ столомъ совершенно безъ дѣла, въ ожиданіи извѣстій съ Эльбы; передъ нимъ лежалъ листъ бумаги, и на немъ отъ скуки вырисовывалъ онъ различныя буквы и фигуры; его географъ Баклеръ д'Альбъ и другой помощникъ, также безъ дѣла, сидѣли по угламъ комнаты...“ [1]).

Такъ прошелъ день 11-го числа.

Графъ Іоркъ говоритъ, что 11-го, было еще для Наполеона не поздно, быстро двинившись къ западу или югу, настигнуть одного изъ противниковъ, и если онъ не сдѣлалъ этого, то потому, что своими душевными качествами, мало уже отличался въ это время отъ Макка, герцога Брауншвейгскаго и Базена [2]).

Но, очевидно, что съ этимъ никакъ согласиться нельзя.

Куда могъ двинуться въ этотъ день Наполеонъ? Разумѣется не противъ отступающей, въ его представленіи, Богемской арміи, такъ-какъ настигнуть её было-бы невозможно.

Но могъ-ли онъ повернуть всѣ свои войска на западъ, и прекратить всѣ дѣйствія у Витенберга и Росслау, гдѣ были хотя кое-какіе непріятельскіе отряды, только на основаніи словъ донесенія „противникъ, какъ кажется, отступилъ на Кётенъ и Радегастъ“.

При наличности извѣстія объ отступленіи Богемской арміи къ Фробургу, могъ-ли онъ найти въ этихъ словахъ, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, смыслъ всего движенія Блюхера за Саалу на соединеніе съ Шварценбергомъ, и могъ-ли онъ имѣть достаточную надежду, направившись къ западу, принудить противника вступить съ нимъ въ бой? Не могъ ли онъ, скорѣе, видѣть въ этомъ маневръ, имѣвшій цѣлью заставить его очистить безъ боя Саксонію?

Могъ-ли онъ, при наличности очерченной нами неопредѣленности, на что нибудь рѣшиться? Гдѣ же были данныя для этого рѣшенія?

Извѣстный современный психологъ, профессоръ Копенгагенскаго университета Гефдингъ, въ своей „Психологіи чувства“ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее [3]):

„Если возможности удачи или неудачи, въ важныхъ событіяхъ жизни, принимаются за совершенно одинаковыя, такъ что фантазія одинаково сильно занята обѣими сторонами, то душа чувствуетъ себя раздвоенной. Два различныхъ настроенія стремятся распространиться въ сознаніи, но ни одно изъ нихъ не можетъ получить преобладанія надъ другимъ. Отъ этого, возникаетъ состояніе сомнѣнія, съ его главной особенностью—мучительнымъ безпокойствомъ, которое можетъ вы-

---

[1]) Odeleben II. p. 9.

[2]) Napoleon als Feldherr. II. Стр. 272.

[3]) Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Стр. 272.

звать такое сильное влеченіе рѣшиться во что-бы то ни стало, что является совершенно безразличнымъ—въ какомъ направленіи идетъ это рѣшеніе, лишь бы только прекратить это страданіе раздвоенности...“

Несомнѣнно Наполеонъ, какъ человѣкъ, которому было не чуждо все человѣческое, находился именно въ такомъ состояніи все 10-ое, и въ особенности, весь вечеръ 11-го числа.

Отъ малѣйшей ошибки зависѣлъ вопросъ о побѣдѣ или полной погибели; Гамлетовское „быть или не быть“ стояло во всей своей силѣ, и стремленіе рѣшиться на что-нибудь, лишь-бы рѣшиться, говорило въ немъ очень сильно.

Но спокойное ожиданіе, въ которомъ онъ оставался для дальнѣйшаго разъясненія событій, чтобы найти отправную точку своего рѣшенія не во внутреннемъ влеченіи выйти изъ тягостнаго состоянія раздвоенности, а въ реальной дѣйствительности, въ положеніи дѣлъ на театрѣ, служитъ, конечно, не доказательствомъ слабости его воли, какъ думаетъ графъ Іоркъ, а напротивъ, доказательствомъ громадной мощи этой воли, такъ-какъ понятіе воля опредѣляетъ собой ту духовную силу, которая, между прочимъ, служитъ тому, чтобы чувства и страсти подчинять строгимъ выводамъ разума.

Разумъ же говорилъ, что не смотря на всю безотрадность положенія, передъ тѣмъ, чтобы на что-нибудь рѣшиться, надо-было найти для этого, достаточныя основанія...

Въ часъ по полуночи на 12-ое число, Императоръ потребовалъ въ главную квартиру маршала Мармона; съ нимъ, и еще съ нѣсколькими другими генералами, провелъ онъ время до утра, въ продолжительномъ разговорѣ. Въ теченіе этого разговора, они всѣ замѣтили, что Наполеону было все время какъ будто не по себѣ, и что внимательно выслушивая ихъ мнѣнія, онъ своихъ намѣреній не высказывалъ; только когда Ронья и Мармонъ—стали совѣтовать ему немедленно отойти на правый берегъ рѣки и затѣмъ расположиться у Магдебурга, чтобы оттуда можно было-бы легко уйти черезъ нижнюю Эльбу и Везель за Рейнъ, онъ на отрѣзъ отказался отъ этого...

Онъ, все-таки, во что-бы то ни стало, желалъ сраженія...

Къ утру 12-го Октября, дѣйствительное положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій представлялось въ слѣдующемъ видѣ [1]):

Богемская армія стояла, по прежнему,—между Борною, Альтенбургомъ, Пенигомъ и Фробургомъ.

Мюратъ — на позиціяхъ къ сѣверу отъ Борны.

Арриги и Маргаронъ — въ Лейпцигѣ.

---

1) См. карту № 7.

Блюхеръ, съ корпусами Іорка и Ланжерона, — у Галле.

Сакенъ—у Веттина.

Бернадоттъ—у Кётена.

Отряды Тауэнцина, Гиршфельда и Тюмена, въ виду приближенія сильныхъ непріятельскихъ колоннъ, отошли нѣсколько къ сѣверу отъ прежнихъ мѣстъ.

Бригада Вобезера — у Торгау.

Армія, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, была расположена:

Ней — съ III-мъ корпусомъ и кавалерійской дивизіей де-Франса, на маршѣ отъ Грефенхайнхена къ Дессау.

Ренье и Домбровскій — на правомъ берегу Эльбы близъ Витенберга.

Макдональдъ и Себастіани, въ слѣдованіи за ними, — на лѣвомъ берегу у Ракита.

Бертранъ и Шастель — у Вартенбурга.

Латуръ-Мобуръ и двѣ дивизіи молодой гвардіи Мортье — у Кёмберга.

Двѣ дивизіи молодой гвардіи Удино — у Грефенхайхена.

Мармонъ и три кавалерійскихъ дивизіи — у Линденгайна.

Старая гвардія—между Дюбеномъ и Эйленбургомъ.

Парки и большій армейскій обозъ — въ Эйленбургѣ.

Главная квартира—въ Дюбенѣ.

Къ тремъ часамъ утра на 12-ое Октября, имѣвшіяся у Наполеона свѣдѣнія о противникѣ сводились къ слѣдующему:

Богемская армія отступаетъ на Фробургъ.

Значительные непріятельскіе отряды находятся за Эльбой и у Рослау.

Блюхеръ, съ какими-то войсками, направился, накапунѣ, къ Галле.

Гдѣ находится Сѣверная армія — неизвѣстно.

Эти свѣдѣнія вызывали, разумѣется, лишь дальнѣйшее производство развѣдки, приказанія для чего и стали отдаваться съ трехъ-же часовъ утра [1]);

Нею, Макдональду, Рейнье, Бертрану, Домбровскому и Себастіани — велѣно было продолжать наступленіе за Эльбу.

Мармону, съ состоящими при немъ тремя кавалерійскими дивизіями — перейти изъ Линденгайна къ Деличу, для лучшаго наблюденія за Галле.

Латуръ-Мобуръ и Мортье были оставлены, пока, у Кёмберга.

Удино — у Грефенхайнхена.

Старая гвардія—у Дюбена и Эйленбуга.

Таково было положеніе дѣлъ до 9 часовъ утра, а въ $9^1/_2$ часовъ

---

[1]) № 20715.

утра пришло отъ Мюрата извѣстіе, что онъ оттѣсненъ къ Крёберну, что Богемская армія въ полномъ противъ него наступленіи и что едва-ли онъ удержитъ Лейпцигъ.

Извѣстіе это опредѣляло, наконецъ, того изъ противниковъ, движеніе противъ котораго давало шансы на сраженіе...

Данная, нехватавшая накануне для принятія рѣшенія, нашлась наконецъ.

И тотчасъ-же, Наполеонъ диктуетъ слѣдующее письмо къ Бертье:

„Прикажите Нею, съ полученіемъ сего, немедленно двинуться со всѣми своими войсками къ Дюбену, перейти здѣсь рѣку и направиться къ Таухѣ, куда онъ долженъ прибыть 14-го, такъ-какъ я намѣренъ дать тамъ сраженіе всѣми силами.

Приказъ Макдональду, возможно скорѣй двигаться къ Дюбену, куда онъ обязательно долженъ прибыть 14-го утромъ.

Приказъ Рейнье и Домбровскому вернуться къ Дюбену, куда они непремѣнно должны прибыть 13-го, чтобы 14-го быть въ Таухѣ, гдѣ я намѣренъ дать противнику сраженіе.

Приказъ генераламъ Бертрану, Себастіани и Латуръ-Мобуру немедленно двигаться къ Дюбену" [1]).

Продиктованные вслѣдъ за этимъ письмомъ, въ 10 часовъ утра, „Замѣтки о сосредоточеніи различныхъ армейскихъ корпусовъ къ Таухѣ" [2]) заключались въ слѣдующемъ:

„Я приказалъ Нею двинуться къ Дюбену; Ней получитъ это приказаніе не ранѣе 2-хъ часовъ пополудни; его войска выступятъ въ три часа; они переправятся черезъ Дюбенскій мостъ только завтра, 13-го. (Гвардія уже тогда перейдетъ его). Такъ-какъ Латуръ-Мобуръ въ Кембергѣ, то никакихъ затрудненій не будетъ.

Макдональдъ получитъ приказаніе только въ три часа дня.

Если онъ уже прошелъ Эльбскій мостъ у Витенберга, то ему нужна ночь на обратную переправу; въ теченіе-же 14-го, онъ двинется къ Таухѣ.

Генералъ Рейнье, который идетъ къ Росслау по правому берегу Эльбы, можетъ быть только сегодня ночью въ Витенбергѣ. 15-го, онъ прибудетъ къ Таухѣ. Этотъ генералъ можетъ двигаться черезъ Эйленбургъ. Тоже и генералъ Себастіани. Что-же кажется до Мортье, Удино и гвардейскаго резерва, то все это, еще сегодня, переправится черезъ Дюбенскій мостъ и будетъ завтра рано утромъ въ Таухѣ.

Мюратъ, сегодня 12-го, въ Крёбернѣ. Завтра, 13-го, онъ будетъ въ Лейпцигѣ и Таухѣ, куда завтра-же я прибуду съ Кюріалемъ, ста-

---

[1]) № 20771.

[2]) № 20772.

рой и молодой гвардіей и Мармономъ; всего, приблизительно, съ 40 т. человѣкъ. Это съ 50 т. Мюрата составитъ 90 т.

Эти 90,000 будутъ въ теченіе завтрашняго дня, 13-го, когда непріятель, очевидно, не въ состояніи атаковать, подкрѣплены Неемъ, Бертраномъ и Латуръ-Мобуромъ 15-го—вся наша армія будетъ сосредоточена; завтра 13-го, непріятель будетъ въ Крёбернѣ. Онъ узнаетъ, что главная армія прибыла. 14-ое число онъ проведетъ въ построеніи своего боеваго порядка.

Скажу болѣе, если бы вся армія была въ Дюбенѣ, она не могла-бы прибыть ранѣе, безъ пяти или шести дебуше черезъ Мульду.

Мюратъ 12-го въ Крёбернѣ. Мармонъ въ Линденгайнѣ; завтра 13-го они могутъ быть въ Таухѣ; хорошая позиція; моя гвардія сегодня въ Дюбенѣ и Эйленбургѣ и завтра легко можетъ быть въ Таухѣ.

Удино и Мортье будутъ сегодня въ Дюбенѣ, съ Орнано, Вальтеромъ и Латуръ-Мобуромъ.

Завтра все это въ Таухѣ. Стало быть. завтра у меня въ Таухѣ: въ первой линіи Мюратъ — 50,000 ч., считая и гарнизонъ Лейпцига, который въ немъ остается; Мармонъ — 20 т. пѣхоты, 3 т. кавалеріи; всего около 120 т.—у Таухи.

Во второй линіи: Макдональдъ, сегодня вечеромъ 12-го въ Кёмбергѣ, завтра въ Дюбенѣ; Ней, сегодня вечеромъ ви Грефенхайнхенѣ; Бертранъ, завтра въ Дюбенѣ; Себастіани, завтра въ Дюбенѣ; Домбровскій и Рейнье, завтра на полупути къ Дюбену.

14-го, все можетъ присоединиться ко мнѣ: Макдональдъ — 20 т. пѣхоты, 2,000 кавалеріи; Ней — 12,000 пѣхоты, 4,000 кавалеріи; Бертранъ — 10,000; Себастіани — 3,000; Домбровскій и Рейнье — 20,000.

Итакъ: первая линія около 120,000 человѣкъ; 2-ая 40,000; всего около 190,000".

Такимъ образомъ, въ 10 часовъ утра, рѣшеніе дать сраженіе противнику 15-го у Таухи, было, повидимому, безповоротно принято, и войскамъ немедленно-же былъ посланъ приказъ поспѣшно двигаться къ ней. Однако, прибывшія новыя донесенія, заставили пріостановить исполненіе и этого рѣшенія.

Между десятью и тремя часами дня, пришло извѣстіе, что Сѣверная армія, силой въ 50 т. человѣкъ, переправляется на правый берегъ Эльбы у Росслау и Дессау.

Чтобы принудить её переправиться окончательно, и тѣмъ освободиться отъ лишнихъ 40 — 50,000 человѣкъ въ день сраженія, необходимо было войскамъ, идущимъ въ направленіи къ Дессау, а также и шедшимъ по правому берегу къ Росслау, продолжать свое движеніе впередъ—въ теченіе всего 12-го числа.

Этимъ, конечно, полное сосредоточеніе арміи отсрочивалось на одинъ или два дня, но сравнительно съ возможностью освободиться отъ Сѣверной арміи, было-ли это такъ важно?

Приказъ отъ 10 часовъ утра, о сосредоточеніи не у Лейпцига, какъ ошибочно полагаютъ нѣкоторые историки, а у Таухи, т. е. въ „ordre renversé", не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ утромъ 12-го, отказывался отъ своего пути отступленія на Эрфуртъ и Майнцъ, а мѣнялъ его на Торгау или Витенбергъ, съ тѣмъ, чтобы идти затѣмъ, чрезъ нижнюю Эльбу къ Везелю. А при этомъ, не безразлично-ли было дать сраженіе у Таухи, если Мюратъ еще продержится, или на одинъ переходъ восточнѣе, на линіи Мульды, если въ теченіе 12-го и 13-го, Богемская армія сильно потѣснитъ его?

На основаніи только-что приведенныхъ соображеній, и были отданы, послѣ 10 часовъ утра, слѣдующія приказанія [1]):

Нею, Макдональду, Рейнье, Бертрану, Себастіани и Домбровскому—продолжать движеніе въ прежнемъ направленіи.

Удино — оставаться пока, на случай ихъ поддержки, въ Грефенхайнхенѣ.

Мортье, Латуръ-Мобуру и старой гвардіи — продолжать стоять на Мульдѣ.

„(Tout cela n'aura pas ordre de mouvement aujourd' hui").

Мюрату—было послано приказаніе держаться, насколько хватитъ силъ, у Крёберна, а затѣмъ отходить къ Вурцену.

Всѣ эти распоряженія, въ своемъ письмѣ къ Маре отъ 4-хъ часовъ пополудни, Наполеонъ мотивировалъ слѣдующимъ образомъ [2]):

„Меня увѣряютъ, что Наслѣдный Принцъ и вся Сѣверная армія перешли на правый берегъ; я получу до полуночи подтвержденіе этой новости и тогда, освободившись отъ 40 — 50,000 ч., двинусь со всей арміей къ Лейпцигу и дамъ сраженіе противнику; если-же Мюратъ до этого времени удерживаться не можетъ, то я соберу всю армію на Мульдѣ, между Гриммой и Дюбеномъ, и отсюда двинусь для сраженія".

Въ теченіе вечера 12-го и ночи на 13-ое, прибывающія донесенія подтверждали извѣстіе объ уходѣ всей Сѣверной арміи за Эльбу, а также и о нахожденіи всѣхъ обозовъ Силезской арміи на правомъ берегу рѣки.

Въ 4 часа утра 13-го, извѣстія объ отступленіи Бернадотта къ Берлину, подтвердились окончательно; кромѣ того, пришло донесеніе, что генералъ Іоркъ былъ вчера смертельно раненъ у Дессау.

---

[1]) No 20774 и 20775.

[2]) No 20776.

При наличности этихъ свѣдѣній, а также и донесенія Мюрата, что онъ надѣется, весь день 13-го, продержаться у Крёберна, Наполеонъ въ 4-же часа утра, отдалъ окончательный приказъ о сосредоточеніи всей своей арміи къ Лейпцигу; только Нею, Рейнье и Домбровскому разрѣшилось въ этотъ день закончить свои дѣйствія у Акена и Рослау...

На этомъ рѣшеніи Наполеона, приведшемъ къ Лепцигскому сраженію, мы и закончиваемъ нашъ разсказъ о событіяхъ осенней кампаніи 1813 года...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ предъидущихъ главахъ нашего очерка мы старались очертить возможно полнѣе—тѣ своеобразныя, туманно-неопредѣленныя формы, въ которыхъ постоянно рисовались Наполеону важнѣйшія явленія разобранной нами кампаніи, и изъ которыхъ онъ долженъ былъ выводить главныя данныя для построенія своихъ рѣшеній.

Хотя событія осенней кампаніи 1813 года и исключительны по своей сложности, но тѣмъ не менѣе, очерченная нами неопредѣленность всегда окружаетъ всякаго полководца, иногда въ болѣе, иногда въ менѣе сильной степени, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ она не надолго исчезаетъ съ тѣмъ, чтобы проявиться вновь, часто въ еще большей силѣ.

Неопредѣленность эта составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ войны по отношенію къ полководцу, и именно вслѣдствіе ея существованія военное дѣло въ его высшей части и является настолько труднымъ, что хорошій генералъ составляетъ исключительное явленіе и имя его заносится въ исторію.

Какъ-бы не было полны и совершенны выводы военной науки, какъ-бы не была превосходно организована служба развѣдыванія — всегда событія войны останутся настолько сложными, что для того, чтобы разобраться въ нихъ и руководить ими—потребуются люди съ исключительными личными качествами.

„Я составилъ себѣ идеалъ полководца“, говоритъ маршалъ Морицъ Саксонскій, „и идеалъ достижимый: я видѣлъ подобныхъ людей. Первое изъ всѣхъ качествъ—это воля, безъ которой остальныя имѣютъ весьма мало значенія; второе—умъ, а третье—здоровье“.

Въ разобранную нами кампанію, Наполеонъ обладалъ, несомнѣнно, въ самой высокой степени этими качествами, не меньше, чѣмъ въ бо-

лѣе блестящія для него эпохи, и только благодаря имъ, онъ могъ дѣйствовать съ правомъ надежды на успѣхъ—при всей той въ высшей степени тяжелой и разлагающей обстановкѣ, въ которой онъ безпрерывно находился въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Истинность словъ маршала Морица Саксонскаго не нуждается въ подтвержденіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, слова эти требуютъ и нѣкоторыхъ поясненій.

Исторія знакомитъ насъ съ однимъ человѣкомъ, обладавшимъ, въ неменьшей степени чѣмъ Наполеонъ, желѣзнымъ здоровьемъ, необычайнымъ умомъ, громаднымъ мужествомъ и силою воли, жившимъ въ эпоху тяжелой борьбы своего отечества за независимость, человѣкомъ, принимавшимъ участіе въ этой борьбѣ, и имѣвшимъ по своему происхожденію и глубокому уваженію согражданъ—полную возможность стать во главѣ арміи, и тѣмъ не менѣе, не ушедшимъ въ военномъ дѣлѣ далѣе рядоваго бойца. Это былъ—Сократъ.

Сопоставленіе съ нимъ Наполеона показываетъ, что обладеніе умомъ и волей вообще ничего еще не опредѣляетъ относительно способности къ высшему командованію.

Для этого совершенно необходимо, чтобы умъ и воля были-бы развиты въ *извѣстномъ* направленіи, и это потому, что универсальнаго человѣческаго ума и воли не существуетъ.

Наше познаніе по своей природѣ совершенно ограничено той средой, въ которой оно пребываетъ, и нѣтъ у насъ ни одной идеи, которая не была-бы результатомъ опыта отъ соприкосновенія съ данной средою.

Воля-же, которая является способностью сознательнаго выбора возможностей съ цѣлью рѣшенія, вполнѣ ограничена въ свою очередь познаніемъ, такъ-какъ она никогда не творитъ изъ ничего, а всегда изъ готоваго матеріала, собраннаго этимъ познаніемъ.

„Отчего ты никогда не покидаешь Афинъ и даже не знакомъ съ ихъ окрестностями“, упрекалъ Сократа ученикъ его Федръ.

„Я страстно люблю учиться,“ отвѣчалъ первый, „но отъ полей и деревьевъ я не научусь ничему; я могу только научиться отъ людей въ городѣ“.

„Филопоменъ“ разсказываетъ Полибій про одного изъ ахейскихъ вождей—„до конца своей жизни не переставалъ учиться военному дѣлу. Онъ никогда не пропускалъ случая побывать въ полѣ, и здѣсь внимательно изучалъ мѣстность, оцѣнивая свойства ея какъ для движенія, такъ и для боя. Во время маршей онъ занимался тѣмъ-же самымъ“.

Очевидно, что матеріалы, собранные познаніемъ Сократа и Филопомена, были совершенно различны, а потому и воля каждаго изъ

нихъ могла въ наибольшей силѣ проявляться только въ извѣстныхъ направленіяхъ, а далеко не во всѣхъ.

На основаніи этого дѣлается понятнымъ, почему и Наполеонъ, проявлявшій въ дѣлахъ управленія арміей и государствомъ необыкновенно свѣтлый умъ и непреклонную волю, могъ въ своей домашней жизни, особенно въ отношеніяхъ къ обѣимъ своимъ женамъ, постоянно блуждать въ потемкахъ и быть въ сущности крайне слабымъ и безхарактернымъ человѣкомъ.

Онъ не достаточно зналъ и понималъ женщинъ.

На томъ же самомъ основаніи и Макки, Бенедеки и Базены, имѣвшіе несомнѣнно недюжинные умы и характеры, такъ-какъ родившись маленькими людьми, они собственными силами вышли въ большіе, оказались, какъ только были поставлены во главѣ армій, полными ничтожествами.

Они не знали и не понимали тѣхъ сторонъ войны, которыя необходимо долженъ понимать полководецъ.

„Рѣшенію, этому наивысшему и конечному акту воли“, говоритъ одинъ англійскій мыслитель, „обязательно должно предшествовать колебаніе представленій и разцѣнка ихъ чувствомъ и разумомъ, которыя продолжаются до тѣхъ поръ, пока не найдены будутъ достаточные стимулы для этого рѣшенія; чѣмъ отчетливѣе воспоминаніе, живѣе фантазія и яснѣе мысль, тѣмъ легче найти данный стимулъ и тѣмъ быстрѣе рѣшеніе; при противуположныхъ-же условіяхъ, колеблющееся состояніе сознанія можетъ продолжаться и весьма долгое время“.

Туманныя и неопредѣленныя формы, въ которыхъ событія войны являются въ представленіи полководца, требуютъ развитія его ума въ такомъ направленіи, чтобы по неяснымъ очертаніямъ обстановки, онъ могъ-бы отчетливо понимать происходящее, и тогда только воля его будетъ давать обоснованныя и быстрыя рѣшенія.

Хорошему генералу совершенно необходимо обладать такимъ развитіемъ душевныхъ силъ, результатомъ котораго являлся-бы *военный глазомѣръ,* такъ высоко цѣнившійся Суворовымъ.

Существуетъ убѣжденіе, раздѣлявшееся и Наполеономъ, что военные таланты, таланты по преимуществу врожденные, почему личное развитіе совершенствуетъ ихъ лишь въ весьма незначительной степени.

Убѣжденіе это вполнѣ несправедливо.

Настойчивые труды наиболѣе свѣтлыхъ представителей современнаго естествознанія, направлявшіеся на изысканіе законовъ наслѣдственности, дали въ своемъ результатѣ слѣдующіе, строго провѣренные, выводы:

1) Чѣмъ глубже что нибудь засѣло въ организацію, тѣмъ легче оно наслѣдуется.

2) Физическія качества наслѣдуются легче душевныхъ; простые таланты легче такихъ, которые основаны на взаимодѣйствіи нѣсколькихъ душевныхъ способностей.

3) Наслѣдуются только элементарныя формы и предрасположенія.

Эти выводы совершенно ясно показываютъ какая громадная роль принадлежитъ самой личности въ дѣлѣ развитія ея военнаго таланта, наиболѣе сложнаго изъ всѣхъ остальныхъ и весьма не глубоко западающаго въ организацію, такъ-какъ нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ званіе полководца не передается изъ рода въ родъ.

Наслѣдственностью можетъ-быть передано только необходимое основаніе для развитія этого таланта—здоровая натура и сильный душевный складъ.

Качества эти получилъ и Наполеонъ отъ своихъ предковъ, но конечно, не попади онъ въ среду, крайне благопріятную для развитія его силъ въ военныхъ направленіи, мы-бы о немъ никогда какъ о полководцѣ не слышали-бы.

„Когда приходится“, говорилъ онъ, „только пользуясь собственной головой, изыскивать самому всѣ средства, чтобы накормить, содержать, сохранить и оживить однимъ духомъ сотни тысячъ людей, вдали отъ родины, то живо выучиваемся всѣмъ тайнамъ управленія; нѣтъ въ военномъ дѣлѣ ничего такого, чего-бы я не зналъ и не могъ исполнить самъ. Если некому дѣлать порохъ, я его приготовлю; нужны лафеты — сдѣлаю и лафеты; надо отлить орудія — отолью и ихъ; надо обучать подробностямъ маневрированія — могу и это....“

Такимъ, чисто практическимъ путемъ, вырабатывались его врожденныя качества въ военный геній первой величины.

Да иначе это и быть не могло.

Военное дѣло—дѣло чисто практическое, а потому, что-бы обнять его во всей его цѣлости, необходимо большая и разносторонная въ немъ практика съ полнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ душевныхъ силъ.

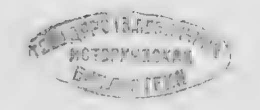
Основательныя познанія въ области военный исторіи, знаніе возможныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, пониманіе мѣстности и карты, умѣніе управлять крупными частями какъ изъ кабинета, такъ и въ полѣ, пониманіе быта и духа арміи, умѣнье всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ войны владѣть собою и внушать вѣру въ себя—все это пріобрѣтетъ только тотъ, кто посвятитъ всю свою жизнь военному дѣлу и свяжетъ съ нимъ всѣ свои лучшія чувства.

Наука должна и можетъ лишь указать тотъ путь, по которому слѣдуетъ идти, чтобы достигнувъ власти надъ арміей, достойно нести эту власть.

Все-же остальное, и при томъ самое существенное въ этомъ дѣлѣ, принадлежитъ самому человѣку. Безъ самовоспитанія нельзя быть генераломъ въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, такъ-какъ для того, чтобы побѣждать другихъ, необходимо — прежде всего — умѣть побѣдить самаго себя.

Если читатель, изъ нашего очерка дѣятельности Наполеона въ осеннюю кампанію 1813 года, также вывелъ заключеніе, что послѣднее положеніе — есть единственное разрѣшеніе вопроса объ успѣшномъ управленіи арміей, то мы считаемъ цѣль нашего труда вполнѣ выполненною.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано	Слѣдуетъ быть
6	—	13	не недовѣрялъ	не довѣрялъ
8	21	—	уступила	уступала
19	12	—	книгу	кипу
23	—	11	пѣхотницевъ	пѣхотинцевъ
44	8	—	Грюнбергъ	Гольдбергъ.
55	—	6	coup	à coup
76	—	14	дну	одну
97	—	—	двинившись	двинувшись
99	11	—	Репье	Рейнье
103	—	—	Лепцигскому	Лейпцигскому.

